ДБ
380
Л37

Левицкий В.
(Цедербаум В.)
"Партия
"Народная Воля"
М.-Л. 1928.

Л 31

В. ЛЕВИЦКИЙ
(В. О. ЦЕДЕРБАУМ)

ДБ
380
Л37

ПАРТИЯ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

★

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОРЬБА. ГИБЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 ★ 9 ★ 2 ★ 8

3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

В. ЛЕВИЦКИЙ (В. ЦЕДЕРБАУМ)

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
1892—1917 гг.

ТОМ I

Часть I. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА
1892—1901 гг.

Предисловие Н. Мещерякова

Стр. 168. Ц. 1 р. 35 к.

Содержание: Первые революционные впечатления. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Дача в Финляндии. Ссылка „союзовцев“ в Сибирь. 1897—1898 годы. Гимназическая организация в 1898—1899 годах. Группа „Рабочее знамя“. 1899—1900 годы. Студенческое движение.

Часть II. 1901—1903 гг.

Предисловие П. Лепешинского.

Стр. 220. Ц. 1 р. 75 к.

Содержание: Лепешинский П. Предисловие. В организации Бунда. Кременчугский комитет, политическая агитация и демонстрация. В Полтавской организации „Искры“. В Харькове. Борьба искровского комитета с рабочей оппозицией. В Екатеринославской тюрьме. Начало партийного раскола. Переход границы.

ДБ
380
Л 37

В. ЛЕВИЦКИЙ — В. ЦЕДЕРБАУМ

9/47/:3
Ц.31

ПАРТИЯ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
БОРЬБА. ГИБЕЛЬ

★

ПРЕДИСЛОВИЕ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО

ПОГАШЕНО
КУТБ
У. Б-КА
ИМ. СТАЛИНА

Проведено 1937 г.

1858/2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва ★ 1928 ★ Ленинград

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № А-6294. Гиз. № 22468.
Заказ № 4517. Тираж 3,000 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
529120

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга В. О. Цедербаума-Левицкого о революционном народничестве идет навстречу вполне определившимся стремлениям современного массового читателя к более или менее близкому ознакомлению с тем революционным прошлым России, с которыми наше общественное «сегодня» преемственно связано прочными историческими нитями. Ведь кто же сейчас не знает той простой истины, что непосредственной предпосылкой Октябрьской революции была упорная работа революционно-марксистской пролетарской партии на протяжении предшествующих двух десятилетий, а эта партия, в свою очередь, не с неба свалилась и вылилась не наподобие Венеры, выскочившей из пены морской, а была предопределена и исторически подсказана всем предыдущим опытом разрешения революционными мерами глубочайших диалектических противоречий в истории пореформенной России.

Поэтому всякую попытку исследования или популярного изложения русского революционного движения, которое было предтечею пролетарской революции позднейшей эпохи, можно было бы только приветствовать, если только такая попытка произведена не с негодными средствами. Относительно же истории революционного народничества это можно сказать с тем бо́льшим правом, что, за исключением нескольких старых литературных источников по истории революции (напр., книжки Туна, с очень ценным предисловием Плеханова, «Наших разногласий» того же Плеханова и некоторых других), поневоле неполных ввиду недоступности для их авторов архивных материалов царской охранки, имеется очень немногое, что могло бы обслужить интерес нынешних молодых поколений к далеким «минувшим дням» русского революционного движения. Иссле-

дования В. Богучарского («Активное народничество 70-х годов» и «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века»), или Корнилова («Общественное движение при Александре II») и т. п. — все это представляет, так сказать, тяжелую литературную артиллерию, которая нужна и доступна скорее для историка-писателя, чем для массового читателя. Мемуарная литература (напр., «Воспоминания» Дебагория-Мокриевича, очерки Степняка-Кравчинского, или новейшая книга В. Фигнер «Запечатленный труд») подходит к данной исторической эпохе лишь с точки зрения эпизодической и притом суб'ективной близости автора воспоминаний к революционным событиям описываемого им момента, но очерков суммарных, итоговых, исторических обзоров всей эпохи в целом, особенно в освещении марксистского учения, почти что не имеется, за исключением тех талантливых страниц, которые посвящены этому предмету в «Русской истории» М. Н. Покровского [1]).

Если обратиться теперь к оценке настоящего, предлагаемого вниманию читателю, труда, то его пришлось бы рекомендовать не без некоторых оговорок. Дело в том, что хотя автор книги не народник и не либерал, хотя учение Маркса ему отнюдь не чуждо, тем не менее его очерк о народничестве имеет характер не столько марксистского исследования, сколько простого описания и характеристики идеологических течений среди революционной интеллигенции 70-х 80-х годов. Правда, в очень кратком введении он пытается бросить беглый взгляд на историческую обстановку, определившую происхождение и смысл революционного движения после реформы 1861 г., сводя причины этого движения к двум моментам (к стремлению революционной интеллигенции добиться коренной аграрной реформы, а с другой стороны — замены самодержавного порядка свободным государственным строем), но это введение очень скупо по части ответа на ряд вопросов, возникающих в связи с постановкой вопроса о «корнях» революционного движения

[1]) Старая статья Ленина (Тулина). Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве представляет собою критический анализ идей народничества, а не историю народничества.

в России в 60-х — 80-х годах. С этой точки зрения нельзя было бы уклониться от того, чтобы подвергнуть хотя бы беглому анализу пореформенную экономику в России и разобраться в вопросах диференциации, с одной стороны, верхушечных, командующих классов (как известно, напр., мелкопоместное дворянство находилось в явном антагонизме с крупными владетелями латифундий при проведении крестьянской реформы), а с другой стороны — крестьянской массы, уже вскоре после реформы расслоившейся на противостоящие друг другу группы (с такими социальными полюсами деревни, как Колупаевы и Разуваевы в одном конце ее и деревенские бобыли, деревенская голытьба — в другом). Ведь не случайно же, в самом деле, было то затишье в крестьянском море, которое после предреформенных бунтов и волнений в 1861—1862 гг. вдруг как бы сковало деревню, парализовало ее, поставило ее вне «движущих сил революции» вплоть до новой волны аграрных бунтов в первые годы XX века. Ясно, что как ни далека была крестьянская реформа 1861 г. от той программы, которая маячила перед взором наиболее передовых представителей русской общественной мысли того времени, тем не менее она все же дала новое содержание в жизни деревни, и процесс переваривания крестьянством всех последствий этого «подарка» ему со стороны феодальной верхушки поглотил все живые силы деревни, одних бросив на путь жадного и торопливого «первоначального капиталистического накопления», а других сделав жертвами этого процесса и заставив их барахтаться в борьбе за существование не только в качестве об'екта эксплоатации старого традиционного паука-помещика, но и живоглота нового тпа — Колупаева.

Не менее важным и интересным в данном вопросе является также внимательное рассмотрение и суб'екта пореформленной революции в России — народнической интеллигенции. Правда, автор настоящего труда посвящает этому предмету целую главу («Революционная интеллигенция и народничество»), но и тут читатель не найдет ответов на многие вопросы. Отсутствует, напр., попытка сделать исходной точкой для характеристики умонастроений революционной интеллигенции того времени анализ социальных условий ее бытия и в особенности

студенчества, с его коммунами, кассами взаимопомощи и т. д. (чего, напр., не упустил из поля своего зрения М. Н. Покровский). Затем, автор не поставил перед собой задачу проследить, так сказать, раздвоение интеллигенции 60-х—70-х годов по линиям ее классового тяготения — с одной стороны к интересам мелкобуржуазной массы («народа» т. е. крестьянства), а с другой — к скрытой или явной защите интересов нарождающегося капитализма (вспомним, напр., литературное амплуа на этот счет такого «властителя дум» своего времени, как Писарев). А между тем эта проблема расхождения классовых симпатий среди интеллигентских слоев в 60-х—80-х годах могла бы бросить яркий свет и на эволюцию революционной интеллигенции от народничества к народовольческому самоопределению. Между тем автор книги упорно стоит на той точке зрения, что разночинная интеллигенция была внеклассовым социальным наслоением, «ни богу свечкой, ни чорту кочергой», получила черты «отщепенства» и шла своей дорогой, не выражая по-настоящему общественных интерлесов ни одного из сложившихся в пореформенный период классов. Говоря впоследствии о народовольцах, он снова подчеркивает ту же мысль и ставит в связь фиаско народовольческой эпохи с тем обстоятельством, что народовольцы не успели или не сумели стать на классовую точку зрения. Таким образом он лишает себя законного повода проследить судьбы революционного движения 60-х—80-х годов именно с точки зрения борьбы классовых интересов за рассматриваемый им исторический период и этим самым в значительной мере обесценивает свой труд.

В общем же и целом работа В. О. Целебаума-Левицкого, рассматриваемая, как попытка простого отображения чисто описательными методами процесса революционной борьбы народнической интеллигенции и смены революционных течений на протяжении всей этой исторической полосы является тем более ценным и полезным вкладом в литературу, посвященную вопросам истории революции в России, что написана она живым, простым и достаточно четким языком.

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ.

ВВЕДЕНИЕ.

Корни интеллигентского периода революционного движения в России (60-е — 80-е годы XIX столетия), нашедшего свое завершение в деятельности партии «Народная воля», лежат в крестьянской реформе 1861 г.

Реформа эта, как и другие связанные с нею правительственные мероприятия «Эпохи великих реформ», явилась результатом все более нараставшего противоречия между развитием производительных сил, создававшим и в отсталой России товарно-капиталистические отношения, с одной стороны, и формами собственности и всего общественного строя, продолжавшими сохранять помещичье-крепостнический характер, — с другой. Неудачная для России Крымская война 1853—1856 гг. резко вскрыла это противоречие и заставила царское правительство под угрозой финансового краха и потери влияния в мировом концерте держав приступить к реформам. История поставила перед Россией задачу крупной социальной и политической реформы, которая должна была до основания преобразовать азиатскую помещичье-крепостную и самодержавно-чиновничью страну в европейское буржуазно-капиталистическое правовое государство.

Но при проведении ставших необходимыми реформ сказалась отсталость социально-экономических и политических отношений России—проклятое наследство, которое оставили ей века бесправия под гнетом сперва татарских ханов, а потом «самодержцев всея Руси». В России на поворотном пункте ее истории не оказалось ни одного общественного класса, который был бы в состоянии взять на себя проведение назревшей реформы и доведение ее до конца. Она была проведена «сверху», властью, всеми своими корнями ушедшей в прошлое и тес-

ными нитями связанной с экономически падающим классом земельного дворянства. Отсюда половинчатость реформ и пережитки старого во вновь создаваемом общественном строе.

Освобождение крестьян от подневольного крепостного труда должно было создать почву для беспрепятственного развития товарно-капиталистических отношений, и оно до известной степени сыграло эту роль. Но *условия этого освобождения:* сохранение полукрепостной зависимости для значительной части крестьянства, тяжелые выкупные платежи, наложенные на последнее, вся вообще пореформенная экономическая политика, колебавшаяся между покровительством помещикам и капиталистам, — поставили на пути российского капитализма серьезные преграды, которые уже не могли задержать его поступательного шествия, но замедляли его, придавая ему уродливый и особенно хищнический характер. Щедро покровительствуемая правительственными субсидиями, русская промышленная буржуазия не могла развиться в класс, сознающий свои интересы и способный отстаивать их путем борьбы. Не с мечом в руке, не с лозунгом «права человека и гражданина» пробивали себе путь к влиянию и богатству представители нарождающейся отечественной буржуазии, а склонив голову и выпрашивая «гарантии и субсидии». С другой стороны, и появившийся в первые десятилетия после реформы фабрично-заводской пролетариат в силу тех же условий насильственно привязывавших даже обезземеленного крестьянина-пролетария к сельской общине и «миру», не мог сразу выработать из себя типа городского пролетария, проникнутого сознанием своих классовых интересов, которому «нечего терять, кроме своих цепей». Поэтому в России 60-х — 70-х и отчасти 80-х годов не могла развиться борьба между этими двумя основными классами, которая повсюду в Западной Европе XIX века была источником экономического, общественного и политического развития. Россия занимающего нас периода страдала, по выражению Маркса, не столько от развития, сколько от недостаточного развития капитализма.

В силу именно этого недостаточного развития экономическая реформа не сопровождалась политической. Новое здание буржуазной России не было «увенчано» политической голов-

кой конституции. Самодержавный политический строй продолжал тяготеть над страной, являясь серьезной помехой капиталистическому развитию в целом, хотя правительство и оказывало материальное содействие отдельным капиталистам и отраслям промышленности.

Таким образом так называемая «великая» реформа не только не разрешила удовлетворительно противоречий, которые сделали ее неизбежной, но еще более углубила их. Исторический смысл революционного движения, возникшего на основе этих противоречий, его об'ективная задача сводилась: 1) к достижению *коренной аграрной реформы*, начисто уничтожающей все остатки и пережитки крепостного порядка, т. е. к ликвидации помещичьего землевладения и наделению крестьян землей, и 2) к замене самодержавного порядка политически свободным государственным строем. Отсюда два мотива, которые звучат на всем протяжении русского революционного движения второй половины XIX столетия: *социально-экономический* и *политический*. Оба эти мотива то сливаются воедино, то резко расходятся между собой и даже вступают в борьбу друг с другом.

Понять историю и борьбу партии «Народная воля», в которой особенно резко звучал второй из этих двух мотивов — политический, нельзя без хотя бы краткого знакомства с историей предшествовавшего ей революционного движения, его идеологией и социальным составом его участников. Этим вопросам будут посвящены следующие две главы настоящей работы.

Глава первая.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОДНИЧЕСТВО.

Реформы 60-х годов, начавшие преобразование России крепостной в Россию буржуазно-чиновничью, вызвали к жизни новый слой общества, за которым в литературе упрочилось название «разночинцев». Разрушение веками существовавших социальных отношений и отставшее от него создание новых — капиталистических — порождало в недрах пореформенного общества промежуточную группу, не находившую себе применения и оказавшуюся как бы вне его рамок. Перестройка аппарата государственного управления, рост промышленности и железных дорог, развитие печати, создание земских и иных наполовину общественных учреждений вызвали спрос на образованных людей, *интеллигенцию*, которая в большом количестве поставлялась вновь возникшими университетами и другими высшими учебными заведениями. Эти учебные заведения, в которых до реформы училась преимущественно дворянская молодежь, стали заполняться теперь детьми мелких чиновников, священников, более зажиточных крестьян, городских мещан и т. п., то есть *разночинцами*, людьми разного звания и чина, выходцами из мелкой буржуазии.

Поставленная между молотом разрушения традиционных отношений тихого провинциального города или спавшей мертвым сном деревни и наковальней зарождающегося капиталистического строя, эта мелкая буржуазия, посылая свое молодое поколение на университетскую учебу, стремилась дать ему возможность выбиться в люди, создать себе общественное положение и карьеру посредством университетского диплома. Рас-

чет этот, однако, не всегда оказывался верным. «Медленный рост культурности и экономического благосостояния народных масс при длительном политическом застое обусловливал постоянное превышение предложения интеллигентных сил над спросом на них и создавал для значительных кругов интеллигенции хроническую безработицу. Интеллигентские массы, и особенно наиболее демократическая по происхождению часть их, испытывали острую нужду и составляли действительный интеллигентный пролетариат. Но новые социальные условия не только не могли занять интеллигентские массы экономически и тем привязать их положительными узами к «хозяевам жизни» пореформенного общества; эти социальные условия сложились так, чтобы массы разночинной интеллигенции оставить свободными от оков узко-классовой культуры и от политической и идеологической связи с крупными и влиятельными общественными классами» (Мартов, «Общественные и умственные течения в России»).

Чуждая приобретательским стремлениям эпохи первоначального капиталистического накопления, хотя бы уже потому, что ей не оказалось «места на пиру жизни», и порывавшая со средой, из которой она выходила, разночинная демократическая интеллигенция 60-х—80-х годов была какой-то «ни богу свечкой, ни чорту кочергой», «ни павой, ни вороной», по выражению беллетриста-народника Новодворского-Осиповича. Она оказалась вне официального «общества», получила черты «отщепенства» — независимого от этого общества слоя населения. Отсюда радикализм разночинцев в отношении к основам существующего строя, их беспощадная, ни перед чем не останавливающаяся критика. «Вот заключительное слово нашего лагеря,—писал Писарев, талантливый апостол «нигилизма» 60-х годов, представлявшего идеологию «мыслящего пролетариата»:— что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

Наряду с разночинцами, людьми «оскорбленной чести» (выражение Н. К. Михайловского), которые возмущались преградами утверждению их прав свободной и независимой лич-

ности, воздвигаемыми перед ними на каждом шагу экономическими условиями и сословно-чиновничьим политическим строем, интеллигенция пополнялась в изобилии выходцами из первого в государстве дворянского сословия. Дети разоряющихся в результате отмены крепостного права средних и мелких помещиков тоже посылались в университеты ради житейской карьеры, так как новые условия существования не позволяли их родителям обеспечить им положение, соответствующее их званию. В высших учебных заведениях под влиянием окружающей их среды многие из этих дворянских детей отрясли прах от своих ног, проникаясь идеей служения «народу», за счет пота и крови которого их родители приобрели привилегированное положение, проникаясь сознанием своего «неоплатного долга» перед ним за полученное за его счет образование. Эти люди «больной совести» (по выражению того же Михайловского) внесли *народнические* настроения в идеологию 60-х — 70-х годов, стремление к слиянию с народом во имя народных интересов. Впрочем, и люди «оскорбленной чести», разночинцы, иными путями и по иным мотивам приходили к народничеству. В своем стремлении к утверждению своей личности и ее прав разночинец-интеллигент наталкивался на глухую стену самодержавия, пробить которую собственными силами было невозможно. Надо было найти точку опоры, при помощи которой интеллигенция оказалась бы в состоянии расширить рамки для своей деятельности. Такой опорой в условиях пореформенной России мог стать «народ», т. е. крестьянские массы, юридически освобожденные, но порабощенные экономически и бесправные политически.

Так начался роман русской радикальной интеллигенции с народом.

Не имея корней в русской действительности, не связанная ни с одним классом общества, демократическая интеллигенция — все равно, разночинная или дворянская — для обоснования своих народнических стремлений неизбежно должна была прибегнуть к заимствованию передовой западноевропейской идеологии, т. е. идей социализма и анархизма. Идеи эти, отражавшие первые робкие шаги западно-европейского пролетариата в классовой борьбе, очень мало соответ-

ствовали реальным условиям русской жизни, но они отвечали психологическому настроению нашей революционной интеллигенции, которая воспринимала их без серьезной критики и подчас довольно искусственно приспособляла к России.

Русская революционная интеллигенция 60-х — 70-х годов в своей массе была настроена *социалистически*, т. е. идеал видела в социалистическом (или анархическом) устройстве общества. Вернее было бы сказать, что она скорее была настроена *антикапиталистически*, чем социалистически. Отвратительные хищнические, некультурные формы, в которых выступал российский капитализм, не могли вызывать к себе со стороны народолюбивой, но по существу своему мелкобуржуазной, интеллигенции, ничего, кроме ненависти и презрения. *Против* капитализма и допущения его на русскую почву — что означало бы разорение многомиллионного крестьянства, создание «язвы» — пролетариата, нищеты большинства и обогащения меньшинства, — этот чисто отрицательный лозунг оказывал гораздо большее влияние, чем положительное содержание социализма.

Наряду с антикапиталистическим и социалистическим умонастроением народнической интеллигенции характерной чертой ее было также отрицательное отношение к политической свободе, ее антиконституционализм и враждебность к государству, приобретшие господствующее влияние в 70-х годах. Эти черты интеллигенции, казалось бы, более кого-либо заинтересованной в политической свободе, на первый взгляд представляются каким-то историческим пародоксом, недоразумением, но на самом деле они находят свое историческое об'яснение.

Народолюбивая интеллигенция стремилась к слиянию с народом, хотела служить ему. Но народ значило для нее крестьянство. А крестьянство, в особенности в отсталых странах, меньше всего интересуется политикой, меньше других классов способно к политической борьбе и непосредственно мало заинтересовано в той или другой форме государственного строя. В своем стремлении раствориться в «сермяжном крестьянском море» интеллигенция вольно и невольно воспри-

нимала черты крестьянской антигосударственной психологии. Антигосударственный уклон в значительной степени питался также той исключительной ролью, которую играла всегда в России самодержавная государственная власть, представлявшаяся интеллигенции источником всех существующих зол и бедствий и прежде всего экономического угнетения народных масс. Не реформировать такое государство, а совершенно уничтожить его — такую директиву ставила перед собой отщепенская, не имеющая экономических корней и живущая вне сферы государственной и политической жизни интеллигенция.

Наконец, антиконституционализму революционной интеллигенции благоприятствовало разочарование в результатах политической свободы на Западе. Либеральные конституции оказались там наилучшим орудием для развития капитализма и власти буржуазии, не допустить которых в России хотели народники. Потому они так охотно воспринимали лозунг непосредственной социальной революции, минующей стадию политической свободы.

60-е и начало 70-х годов были периодом большого под'ема умственного движения, выдвинувшего целую группу теоретиков и публицистов, которые оказали сильнейшее влияние на выработку миросозерцания демократической интеллигенции. В теоретических взглядах и практических требованиях этих идеологов было много различия, и нередко они горячо полемизировали между собой, но их взгляды покрываются общим понятием *народничества*, притом народничества *революционного*, которое является основным элементом, характеризующим социально-политическое мировоззрение эпохи.

Отвлекаясь от индивидуальных взглядов отдельных идеологов, основные положения революционного народничества можно свести к следующему. 1. Перед русским крестьянством стоит та же самая историческая задача, что и перед рабочим классом Европы: осуществление социалистического строя. Последний, ввиду сопротивления господствующих классов, может быть достигнут только насильственным путем, посредством *социальной революции*. 2. Несмотря на свою экономическую и культурную отсталость, а может быть, именно благодаря ей,

Россия находится ближе, чем Европа, к социалистическому переустройству, так как в русском крестьянстве сохранилось общинное землевладение и общинная психология, представляющие зачатки социализма, которые надо только развить до конца. 3. Развитие капитализма в России означает разорение и пролетаризацию крестьянских масс, разрушение общины и, следовательно, задержку социализма. Задачей русских социалистов является поэтому недопущение в России капитализма и ускорение в этих целях социальной революции. 4. Политическая свобода, как показывает западно-европейский опыт, была бы шагом назад *от* социальной революции, отдавая народ на безвозбранную эксплоатацию буржуазии и чрезвычайно усиливая последнюю. Политический переворот и изменение политических форм должны произойти параллельно и одновременно с социальным. Чем ближе к 70-м годам, тем заметнее звучат в революционном народничестве ноты *анархизма*, вытесняющие социалистическое представление о будущем обществе. Государство — не только самодержавное, но всякое государство, в представлении народников-анархистов — сила реакционная и главный источник экономической эксплоатации. Государственная власть должна быть упразднена, и после социальной революции общество организуется в виде *свободной федерации* (вольного, без всякого принуждения союза) независимых общин. 5. Социальная революция может быть совершена только самим народом. «Все для народа и через посредство народа» — такова основная формула революционного народничества. В ней явственно слышен отзвук положения I Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса». 6. Ввиду невежества и неорганизованности крестьянских масс революционная интеллигенция должна взять на себя инициативу движения, идя в народ, сливаясь с ним и организуя его для борьбы.

Наиболее ранними теоретическими основоположниками революционного народничества следует признать А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова. При всей своей наклонности к умеренности, сближавшей его порой с либералами, и при предпочтении мирного пути развития революционному, Герцен по

своим воззрениям был социалистом и революционером, и заложил идейные основы народничества. Никто иной, как Герцен, выступил с прославлением общины как зачатка социалистического строя и говорил об особом пути развития России, минующем буржуазно-капиталистическую стадию. Никто иной, как он, бичуя отрицательные стороны западно-европейского конституционализма и парламентаризма, дискредитировал в глазах русской интеллигенции идеалы политической свободы, хотя сам он порой выдвигал для России чисто политические требования. Не следует забывать также, что Герцен первый в связи со студенческими волнениями начала 60-х годов бросил лозунг «в народ», повторенный позже Бакуниным. «В народ», ибо только опираясь на него, революционная интеллигенция обретет силу, подобно сказочному великану, прикоснувшемуся к матери-земле.

Но еще раньше Герцена в легальной литературе, сдавленной тисками цензуры, к тому же призывал Добролюбов. «Не пора ли, — писал он, — обратиться к свежим, здоровым росткам народной жизни, помочь их правильному, успешному росту и цвету, предохранить от порчи их прекрасные и обильные плоды? *События зовут нас к этому, говор народной жизни доходит до нас*, и мы не должны пренебрегать никаким случаем прислушаться к этому говору... Можно действовать на него (народ) прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы». И, призывая к союзу интеллигенции с народом, Добролюбов оптимистически предвещал скорое наступление «настоящего дня»: «всего какая-нибудь ночь отделяет нас от него».

Гораздо большим влиянием, чем Герцен и Добролюбов, пользовался в 60-е — 70-е годы Н. Г. Чернышевский. Чернышевский был убежденным «западником»: он не чурался того положительного, что Россия может извлечь из Европы, и не ставил самобытную Россию выше «гнилого Запада». Но и он не устоял перед переоценкой социалистической роли общины, полагая, что при известных условиях (достижение социализма в какой-нибудь европейской стране) община даст России возможность перешагнуть через капиталистическую стадию развития (подобный же взгляд развивал впоследствии Маркс в

письме к редактору «Отечествененых записок»). «Умрите за сохранение равного права каждого крестьянина на землю, — писал Чернышевский в период своего наибольшего увлечения общиной,—умрите за общинное начало». Не отрицая благ политической свободы как таковой, но не видя возможности заинтересовать в ней крестьянство, он, подобно другим народникам, отрицал борьбу за политическую свободу как самостоятельную задачу, подчеркивая, что одно только политическое освобождение, без социально-экономического, послужит исключительно интересам буржуазии. Чернышевский был бесспорно властителем дум молодого поколения 60-х годов и очень много поработал над внедрением западно-европейских социалистических идей в сознание русской демократической интеллигенции. В этом отношении его справедливо можно считать родоначальником русского социализма. Хотя революционеры 70-х годов глубоко чтили великого учителя социализма, изнывавшего в далекой сибирской каторге и ссылке, но истинными идеологами и теоретиками революционного народничества 70-х годов были Лавров, Бакунин и отчасти Михайловский.

П. Л. Лавров, сперва профессор в России, а после побега из вологодской ссылки — эмигрант, оказал очень сильное влияние на выработку миросозерцания революционеров-семидесятников. В легальной своей книге «Исторические письма» (1869 г.) он формулировал философию народничества и задачи интеллигенции в отношении к народу. В заграничном журнале «Вперед», который он начал издавать в 1873 г., он разработал программу революционной деятельности в народе.

Философия истории Лаврова, изложенная в «Исторических письмах», является выражением самосознания интеллигента-отщепенца, стоящего над обществом и считающего себя призванным быть носителем и активным творцом исторического прогресса. По Лаврову «критически мыслящая личность», вырабатывающая себе общественный идеал, является творческой силой, которая, развивая сознание народных масс и организуя их, ведет человечество по пути прогресса к этому идеалу. Целью прогресса, или, что то же, идеалом «критически мыслящей личности», является «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях, воплощенное в обще-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
529120

ственных формах истины и справедливости». Но если самостоятельная творческая роль лавровской критически мыслящей личности была выражением гордого самосознания и переоценки своего значения интеллигента-разночинца, то в его учении еще более явственно звучали ноты второй души интеллигента-семидесятника, ноты «больной совести» «кающегося дворянина». В тех же «Исторических письмах» мы находим учение о «неоплатном долге» интеллигенции народу. Критически мыслящая личность только потому могла приобрести знания и выработать общественный идеал, что на нее в течение многих поколений работали трудящиеся массы, своим трудом и страданиями обеспечивая ей привилегированное положение и предоставляя ей «погружаться в искусство, науки, предаваться мечтам и страстям». Интеллигенция может оплатить этот свой долг народу, только всецело отдав себя на служение ему и его интересам.

Впечатление, произведенное «Историческими письмами» на радикальную интеллигенцию, было огромно: они отвечали настроению как кающегося дворянина-интеллигента, так и горделого своей критической мыслью демократа-разночинца. Вот как описывает это впечатление один из современников (Русанов): «Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики, не расставались с небольшой истрепанной, исчитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безумной надеждой жить для благородной цели и умереть за нее. Мы готовились стать «мыслящими реалистами» (по Писареву), которые желают жить во имя своего «развитого эгоизма»... И вдруг небольшая книжка говорит нам, что на естественных науках свет клином не сошелся; что на одной анатомии лягушки далеко не уедешь; что есть другие важные человеческие вопросы: есть история, есть общественный прогресс, есть, наконец, народ, голодающий, замученный трудом народ, рабочий люд, который поддерживает на себе здание цивилизации и который только и позволяет нам заниматься лягушками и всякими другими науками, есть, наконец, наш неоплатный долг перед народом, перед великой армией трудящихся».

Пребывание за границей и соприкосновение с западно-европейским социалистическим движением не могло не оказать влияния на Лаврова; еще большее влияние испытал он со стороны Маркса, взгляды которого он частично воспринял. Поэтому задачи социально-революционной партии, формулированные Лавровым в журнале «Вперед», отличаются большей конкретностью и «западничеством», чем взгляды, изложенные в «Исторических письмах».

Вместе с Марксом Лавров признает теперь, что развитие капитализма неизбежно ведет к социальной революции, носителем которой в Западной Европе является фабрично-заводской пролетариат. Россия тоже неминуемо пойдет тем же путем, так как и в ней уже развивается капитализм. Но ход развития России отличается некоторыми особенностями. В России численность городского пролетариата незначительна, и его роль будет сыграна другим классом — *крестьянством*, приобщению которого к социализму поможет община. «Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которых он никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы широки они ни были, и никак не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству».

Но Лавров придавал слишком большое значение *сознанию* и слишком хорошо понимал отсталость русского крестьянства, чтобы считать его подготовленным к социальной революции, которая «есть неизбежный исход теперешнего положения дел». Отсюда в полной гармонии со своим учением о роли критически мыслящей личности в истории он возлагал главные надежды на интеллигенцию, на ее организаторскую и пропагандистскую роль в крестьянстве. «*Первым условием* подготовления социальной революции в России, — писал «Вперед», — должна быть организация революционного меньшин-

ства, понимающего задачи рабочего социализма, в *среде общинных и артельных центров русского народа.* Убежденные социалисты интеллигентного класса должны найти себе товарищей среди рабочего народа и сами должны стать членами общин и артелей, чтобы пропаганда, распространяющая число более или менее понимающих задачи рабочего социализма, чтобы агитация, увеличивающая число сочувствующих практическим требованиям социальной революции, шла *не извне* привычных центров народной солидарности и жизни, а *изнутри их*». Только таким образом подготовленная социальная революция будет иметь в сознании масс определенную цель и совершится «на началах рабочего социализма».

Характерно отношение Лаврова к политической свободе и конституционным формам государственного строя. Лавров не был по своим убеждениям анархистом и признавал необходимость «государственного элемента» в социалистическом обществе. Но, подобно всем народникам, он скептически относился к положительной роли конституционного строя для трудящихся масс и даже опасался, что они способны будут ускорить мобилизацию сил русской буржуазии. «Все политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, — писал «Вперед», — всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее распределение территорий другими распределениями с другими центрами и другими законами — все это нам *враждебно* в своем основном строе и *индиферентно* для нас в своем проявлении. В русской конституционной партии по европейскому образцу мы видим вообще своих прямых врагов, с которыми нам придется бороться при первой возможности серьезного столкновения партий в России». И в другом месте еще более определенная постановка вопроса: «При союзе народных партий с партиями буржуазии *всегда* проигрывает, *всегда* был обманут народ. Неужели она (молодежь) думает, что есть что-либо общее между народной социальной революцией и революцией в пользу либеральной конституции, которою прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?»

Перейдем теперь к Бакунину.

М. А. Бакунин пользовался одно время (вторая половина 70-х годов) огромной популярностью среди революционеров, и личность его чуть ли не обоготворялась. Его анархические идеи, выработанные в эмиграции под влиянием западно-европейских условий жизни, преломившись своеобразно сквозь русскую действительность, окрасили собой идеологию и практическую деятельность революционного общества «Земля и воля», непосредственного предшественника партии «Народная воля».

Революционное народничество, анархизм, бунтарство — эти основные черты мировоззрения Бакунина—имели наибольшую притягательную силу для русских революционеров.

Еще в 1868 г. по поводу студенческих беспорядков, связанных с деятельностью С. Нечаева, Бакунин писал в заграничном журнале «Народное дело», обращаясь к молодежи: «Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились раз'единить вас с народом. Ступайте в народ. Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука... Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же, новая и живая, несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа». В то время как Герцен и Лавров звали интеллигенцию в народ для пропаганды в нем социалистических и революционных идей, Бакунин ждал от хождения революционеров в народ непосредственного революционного действия и призывал интеллигенцию не учить народ, а *учиться у него*.

Во имя чего делал Бакунин свой призыв? Во имя *социальной революции*, которая стучится в двери истории как на Западе, так и в России. Европа подошла к роковой черте социальной революции вследствие развития в ней капитализма и возмущения против него эксплоатируемых масс. Россия придет к ней благодаря *самобытным* условиям русской народной жизни. «С таким народом, социалистом по инстинкту и революционером по природе, и с такой молодежью, стремящейся по принципу—и, что еще важнее, по самому своему по-

ложению — к уничтожению существующего порядка вещей, революция в России несомненна». Социалистический «инстинкт» русского народа Бакунин усматривал, конечно, в общинной психологии крестьянина. Признавая некоторые отрицательные черты русского крестьянства, связанные с историческим развитием общины: «патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя», Бакунин тем решительнее подчеркивал его положительные стороны: «Первая и главная черта, — это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственным трудом. Вторая, столь же крупная черта — что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими — это quasi (как бы) абсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству. Вот три главных черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские».

Социальная революция в России, по мнению Бакунина, будет направлена не только против экономического гнета, но и против *государства*, которое не только поддерживает, но в значительной степени создает этот гнет. В русском народе, в славянстве вообще, нет государственных начал; общинное начало является их прямым отрицанием. Сознательно или бессознательно, русский народ всегда протестовал и бунтовал против государственной власти, которую он стремился уничтожить и заменить свободным союзом общин. Восстания Разина и Пугачева являются лучшим тому доказательством. Даже когда крестьянские массы спали непробудным сном, борьбу с государством вели разбойники. «Разбойник в России, — писал в одном из своих воззваний Бакунин, — настоящий и единственный революционер... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, со-

ставляют один нераздельный, крепко связанный мир—мир русской революции... Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир».

В народ надо итти не для пропаганды социалистических идей, ибо революции делаются не при помощи науки, но происходят стихийно, из недр самих масс. Освобождение народа может быть делом самого народа. «Революции никогда не делались ни личностями, ни даже тайными обществами, — писал Бакунин. — Они подготовляются долго в глубине инстинктивной совести народных масс, потом они взрываются, часто вызванные, повидимому, ничтожными причинами. Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, — это сначала помочь зарождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие инстинктам масс, и организовать... нечто вроде революционного главного штаба, состоящего из преданных энергичных и интеллигентных личностей ...способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами». Поэтому задачей социально-революционной партии является *агитация* в народе, возбуждение в нем *бунтов, организация* народных сил, *пропаганда действием* — вот кратчайший путь к решительному столкновению народного мира с старым миром, к социальной революции, которая разгорится из отдельных стихийных бунтов, возникающих то здесь, то там. А эта революция разрушит одновременно и старый эксплоататорский социальный строй и государство «со всеми его церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями», место которого займет «федерация (союз) вольных рабочих как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)».

Наряду с Лавровым и Бакуниным сильное влияние на умы в 70-е годы оказывал редактор «Отечественных записок» Н. К. Михайловский. В легальной печати он не мог давать практических лозунгов и разрабатывать программ революционного действия, но своими теоретическими и публицистическими работами он сделал очень много для обоснования народничества и пропаганды народнических воззрений. Вслед за Лавро-

вым он дал теоретическое обоснование социалистического идеала, соответствующее *индивидуалистическому* настроению интеллигенции, которое он стремился примирить с интересами «труда», т. е. народа.

Не будучи революционером по темпераменту, Михайловский отдал все же дань революционно-народническим иллюзиям; вместе с Лавровым он говорил о неоплатном долге интеллигенции народу и переоценивал роль личности в истории; вместе с Бакуниным возлагал надежды на общину как зачаток социалистического общества; став в конце 70-х годов горячим проповедником борьбы за политическую свободу, он в начале десятилетия высказывался против этой борьбы как буржуазной ереси и измены народным интересам. Михайловский видел, что капитализм внедряется в народное тело России и разрушает общину, но он верил или старался себя уверить, что при помощи революционной интеллигенции или государственной власти, которую она заставит служить интересам народа, можно предотвратить этот исход и направить Россию по пути «народного производства», т. е. социалистического хозяйства. «Рабочий вопрос в Европе, — писал он, — есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом существуют деревни, жители которых живут на *своей* земле, жгут *свой* лес, едят *свой* хлеб, одеваются в армяки и тулупы *своей* работы, из шерсти *своих* овец. Гарантируйте им прочно это свое, и русский рабочий вопрос решен... Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины».

А вот как выражал Михайловский свое отношение к политической свободе и к долгу интеллигенции перед народом в первой половине 70-х годов: «Мы поняли, что сознание общечеловеческой правды и общечеловеческих идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа. Мы не виноваты

в этих страданиях, не виноваты и в том, что воспитались на их счет, как не виноват яркий и ароматический цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но принимая эту роль цветка из прошедшего как нечто данное, фатальное, мы не хотим ее в будущем... Но если все связанные с этой свободой (политической) права должны только протянуть для нас роль яркого и ароматичного цветка — мы не хотим этих прав и этой свободы. Да будут они прокляты, если они не только не дадут нам возможности рассчитаться с долгами, но еще увеличат их».

Правда, Михайловский не всегда был последователен и признавал, что в случае столкновения интересов и чувств критически мыслящей личности с темными инстинктами невежественного народа не следует делать уступок последним, что надо считаться с *интересами, а не с мнениями и предрассудками* этого народа [1]); он не раз высказывался против его чрезмерной идеализации. Но по основным своим воззрениям он был народником, и его широко читавшиеся статьи лили воду на народническую мельницу.

Особняком от всех перечисленных теоретиков народнического лагеря стоял П. Н. Ткачев. Его журнал «Набат», начавший выходить за границей в 1875 г., не пользовался в свое время значительным влиянием в революционной среде, но его идеи во многом предвосхитили идеи «Народной воли» и задним числом оказали влияние на революционеров конца 70-х и начала 80-х годов.

Ткачева можно отнести к народникам, потому что он верил в возможность для России в ближайшее время социальной революции, в самобытные пути развития России, в социалистические свойства крестьянской общины. Он не закрывал глаз

---

[1]) Так, напр., Михайловский писал: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог; вот шкап с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни: я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки... Я и сам сумею разбить бюст Белинского и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что их надо бить и жечь; но пока они мне дороги, я ни для кого ими не поступлюсь».

на развившийся в России капитализм и потому торопил интеллигенцию с совершением социального переворота. «Теперь, или очень не скоро, может быть, никогда»,—писал он. Другими словами: если капитализм и буржуазия успеют развиться раньше, чем произойдет социальная революция, дело последней будет надолго отложено, если не совсем проиграно. Как и Бакунин, в отсталости России и невежестве народа Ткачев видел благоприятные шансы для успеха социальной революции. В «Открытом письме Ф. Энгельсу» он писал: «У нас нет городского пролетариата — это, конечно, верно; но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его деспотизмом государства у нас нет никакого среднего сословия; наши рабочие должны будут бороться лишь с *политической силой* — сила капитала находится у нас еще в зародыше. Наш народ невежественен— это тоже факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Отсюда ясно, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, хотя они и образованнее».

Но в отличие от Бакунина Ткачев не верил в подготовленность народа к активной революционной роли. Надежды на успех революции он возлагал не столько на революционную силу народа, сколько на слабость правительства. В письмах к Энгельсу Ткачев утверждал, что русское самодержавие не опирается ни на один класс общества и «висит в воздухе»: тем легче, значит, его сбросить. Не веря в *самодеятельность народа*, лежавшую в основе всего народнического мировоззрения, Ткачев единственной творческой и активной революционной силой считал интеллигенцию.

Отсюда *якобинизм* Ткачева, т. е. признание им *захвата политической власти*, организованной в заговорщическую дисциплинированную и централизованную партию революционной интеллигенцией. Последняя, выступая в качестве инициативного меньшинства, захватит политическую власть и, установив *революционную диктатуру*, осуществит в интересах народа социалистическое устройство общества. «Ближайшая, непосредственная цель революции, — писал он в «Набате», —

должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственною властью и превратить данное *консервативное* государство в государство *революционное*». Если лозунгом других теоретиков народничества, которых Ткачев считал не революционерами и постепеновцами, было: «Все для народа и посредством самого народа», то лозунгом Ткачева было: «Все для народа посредством революционной партии». В брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» Ткачев писал: «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, навязать ему свое сознание». А в другой брошюре, обращенной к «Русской социально-революционной молодежи», он иронически утверждал: «Или интеллигенция должна захватить после революции власть в свои руки, или она должна противодействовать, задерживать революцию до той блаженной минуты, когда «народный взрыв» не будет более представлять опасностей, т. е. когда народ усвоит результаты мировой мысли, приобретет недоступные ему знания» (намек на Лаврова).

Взгляды Ткачева, непопулярные среди анархически настроенных семидесятников вследствие его якобинизма и признания им политических форм борьбы, отталкивали от себя еще и признанием необходимости кровавой революции, что не гармонировало с идеалистическим, почти христианским настроением большинства первых народников-практиков. «Русская революция, — заявлял Ткачев, — как и всякая другая революция, не может обойтись без вешанья и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов, — словом, не может обойтись без «насильственного переворота»... В настоящее время наша единственная задача — терроризировать и дезорганизовать правительственную власть».

Мы рассмотрели вкратце главные направления теоретической мысли народничества. Посмотрим теперь, как они отразились и проявились, постепенно изменяясь, в практике революционного движения.

Глава вторая.

«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД» 70-Х ГОДОВ И ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

Революционное движение 60-х годов, непосредственно связанное с крестьянской реформой и разочарованием в ней, с поворотом к реакции правительственной политики после кратковременного периода «либерализма», не оставило после себя глубоких следов. В этом движении при всем разнообразии программ отдельных революционных кружков и групп красной нитью проходят, первоначально сливаясь воедино, два основных требования: реформы *политической* (созыв правительством народного представительства в виде земского собора или Учредительного собрания; предоставление политических прав и свобод) и реформы *социальной*, т. е. пересмотра крестьянской реформы в сторону действительного наделения крестьян землей, вплоть до требования национализации земли и передачи ее полностью в пользование крестьянам. По мере приближения к концу десятилетия, т. е. по мере того как надежды на уступки правительства становятся все более иллюзорными, социальные требования начинают заглушать требования политические, и предстоящая революция все более представляется в виде насильственного социального переворота, который сметет весь существующий экономический и политический строй и на место его установит социалистическо-анархическое устройство.

Соответственно с этим в движении 60-х годов наблюдается два основных направления: 1) более умеренное (демократическо-политическое по преимуществу, хотя и с социальным оттенком), представителями которого были Чернышевский, свя-

занное с ним общество «Великоросс» и общество «Земля и воля», возникшее в 1862 г. и разгромленное в следующем году, которое, не зарекаясь от революции, вместе с тем предпочитало ей метод давления на правительство путем агитации, подачи легальных адресов и т. д.; 2) более радикальное, призывавшее непосредственно к социальной революции. В прокламации «К молодому поколению» (1861 г.), вышедшей из этих радикальных кругов и составленной литератором Н. В. Шелгуновым, при участии поэта М. Л. Михайлова, мы встречаем уже идеи, которые получили впоследствии распространение в народничестве 70-х годов. «Кто может утверждать,— читаем мы в этой прокламации, — что мы должны итти путем Европы? В нашей жизни лежат начала, вовсе неизвестные европейцам... Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти... Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть понимающая потребности страны и действующая в интересах народа... Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления... Наша сельская община есть основная ячейка, собрание таких ячеек есть Русь... Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать как картофель или капусту; чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины. Мы хотим сохранения общинного владения землей с переделами через большие сроки».

Еще более решительными были программа и тон прокламации «Молодая Россия» (1862 г.), вышедшей из кружка студентов Зайчневского и Аргиропуло. «Выход из этого гнетущего, страшного положения, — писали они, — один: революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови,

что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная». «Молодая Россия» призывала революционную молодежь к подготовке народного восстания под лозунгом «социальной и демократической республики» и к захвату революционерами политической власти, чтобы путем диктатуры осуществить намеченную программу.

Особый интерес представляет кружок Ишутина — Каракозова, возникший в 1864 г. и поставивший перед собой задачи, которые впоследствии стали осуществлять народники 70-х годов. Задачи эти, согласно обвинительному акту по делу каракозовцев, сводились к следующему: «а) пропаганда между сельским населением с об'явлением, что земля составляет собственность всего народа; б) возбуждение крестьян против землевладельцев, дворянства и вообще против властей; в) устройство разных школ, артелей, мастерских, переплетных, швейных и иных ассоциаций, дабы посредством их сближаться с народом и внушать ему учения социализма; г) заведение в провинции библиотек, бесплатных школ и разных обществ на началах коммунизма; д) распространение в народе социалистического учения посредством воспитанников семинарий и сельских учителей; е) пропаганда на Волге». Из этого же кружка исходила первая попытка цареубийства. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял неудачно в Александра II. Это покушение привело к полному разгрому ишутинской организации. Если указать еще, что в конце 60-х годов в Петербурге происходили студенческие беспорядки, которые дали повод С. Нечаеву к агитации среди студенчества и к созданию революционной заговорщической организации, действовавшей в контакте с Бакуниным, процесс которой привлек к себе внимание интеллигенции, то этим исчерпываются основные вехи революционного движения 60-х годов.

Революционная интеллигенция вступила в 70-е годы со смутным чувством недовольства, с сознанием, что народ и после освобождения от крепостного права остался экономически порабощенным, что в России начинают развиваться капиталистические отношения, что необходимо притти на помощь

народу и содействовать его освобождению от экономического и политического гнета. Из многочисленных кружков, возникших среди учащейся молодежи на почве такого настроения, наибольшим влиянием пользовался так называемый кружок «чайковцев», основанный в Петербурге еще в конце 1869 г. М. Натансоном, Александровым и Чайковским, об'единивший в своих рядах лучших революционных деятелей 70-х и отчасти 80-х годов и распространивший свою деятельность и на другие города России (Москва, Одесса, Киев). «Это был цвет молодежи, — пишет в своих воспоминаниях один из участников кружка Аптекман: — ум, талант, довольно высокое умственное развитие в сочетании с несокрушимой энергией и волей, нравственная красота, ригоризм в личных и общественных отношениях — таковы были чайковцы в целом».

Чайковцы не имели первоначально единой, обязательной для всех программы: среди них были и убежденные анархисты и сторонники государственного начала, хотя постепенно влияние анархических идей становилось преобладающим. Вернее будет сказать, что идеология чайковцев пролегала между взглядами Лаврова и Бакунина, будучи ближе к первому в вопросах тактики (преобладание пропаганды) и ко второму — в вопросах программы (понимание социальной революции, отрицание политической борьбы и признание идеалом федерализма). Чайковцев об'единяло не столько программное единство, сколько единство *настроения,* общность нравственного под'ема и идеалистического энтузиазма. Лавровская идея об уплате долга народу, несомненно, лежала в основе этого настроения. Чайковцы были безусловно убежденными социалистами, находясь под сильным влиянием идей западно-европейского утопического социализма и рабочего движения (I Интернационал, Парижская коммуна, агитация Лассаля, экономическое учение Маркса); и в этом отношении они отличались от народников второй половины десятилетия, у которых идеи европейского социализма, преломившись сквозь призму положения русского крестьянина, приняли своеобразную форму «русского социализма». По словам Аптекмана своей ближайшей задачей чайковцы ставили «выработку сознательных, стойких элементов среди молодежи для предстоящей

революционной деятельности. Они требовали от будущих революционеров основательной теоретической подготовки, нравственной чистоты и практической закалки. Надо твердо, отчетливо знать, *чего* хочешь, *куда* идешь, чтобы не дрогнуть в серьезную минуту». Кружок, по словам другого его участника, Драго, первоначально был проникнут одной целью: «отдать народу свои силы, свои знания, приобретенные в качестве привилегированного класса за счет всего народа; оплатить ему свой неоплатный долг».

Чайковцы не ставили своей целью политической деятельности и непосредственной борьбы с правительством. Очень метко характеризует настроение в этом отношении интеллигенции 70-х годов один из самых видных участников «хождения в народ», Ковалик. «Сильно возбужденный интерес к народу,— говорит он, — убивал и без того слабый в то время интерес к политике. К чему конституция и разные политические свободы, если народ голодает? При существовавших условиях молодежь не могла воспитать в себе политических интересов. Цензура не давала прессе останавливаться на фактах, вызывавших стремление к политической борьбе. Газеты были распространены весьма слабо, отличались сухостью и наводили скуку, поэтому мало читались молодежью... Она с большим интересом изучала теории Оуэна, С.-Симона и Фурье и вообще склонялась к утопическому социализму, полагая, что он восторжествует, как только люди поймут его».

Сознавая неподготовленность народа к революции, чайковцы на первых порах взялись за подготовительную культурно-просветительную и пропагандистскую работу, носившую частью легальный, частью нелегальный характер. В области легальной чайковцы вели просветительную работу в воскресных и вечерних школах для рабочих и организовали «Книжное дело» — переводы, издание и распространение легальных книг социально-экономического характера с определенным идейным направлением. Эта издательская деятельность имела большое организационное значение, содействуя об'единению между собой радикальных кружков в разных городах России. С начала 70-х годов чайковцы в Петербурге, а потом и в других городах (Одесса, Киев) начали организовывать нелегальные

кружки и лекции для рабочих. Деятельность эта была весьма успешна: «Скоро, — пишет в своих воспоминаниях чайковец Шишко, — как среди заводских, так и среди фабричных рабочих всех главных петербургских рабочих центров образовались небольшие группы сознательных рабочих. Дальнейшей своей задачей кружок чайковцев ставил об'единение всех этих отдельных групп с целью создать из них самостоятельную рабочую организацию, но этому плану не удалось осуществиться вследствие начавшихся вскоре арестов». Из спропагандированных чайковцами пролетариев вышли первые в России рабочие-социалисты. Но чайковцы не придавали самостоятельного значения этой деятельности, считая рабочих не особым классом со своими интересами, а частью «народа» — крестьянства, среди которого спропагандированные рабочие должны были выступить в качестве агитаторов.

Работа среди рабочих, как и предполагаемая пропагандистская работа среди крестьян, потребовала нелегальной литературы. С этой целью за границей была устроена типография, в которой печатались составляемые чайковцами и перевозимые потом в Россию популярные брошюры для народа, рисующие его тяжелое экономическое положение и указывающие как на выход на социалистическое переустройство общества.

С осени 1873 г. начались аресты среди чайковцев; их деятельность среди рабочих прекратилась, и они решили двинуться в «народ», в крестьянство. Кружок к этому времени принял программу, составленную Кропоткиным; программа ставила своей целью подготовку крестьянского восстания и отобрание земли у помещиков; высказываясь против парламентаризма, она требовала прямого участия народа в управлении посредством федерации общин, коллективно владеющих земельной собственностью. Наряду с чайковцами «в народ» двинулись и члены других революционных кружков. Одним из таких кружков был кружок чистых бакунистов-бунтарей, во главе которого стояли мировые судьи Ковалик и Войнаральский. Бунтари отрицали длительную подготовку народа к революции, считая, вслед за Бакуниным, возможным сразу же призвать его путем агитации к бунтам. Один из бунтарей, действовавших на юге, В. Дебагорий-Мокриевич, описывая это

время, говорит: «Слепая вера в близость русской революции мешала нам сознать, что народ наш далеко не так революционно настроен, как нам того хотелось. Другое явление, бросавшееся в глаза, было повсеместное желание крестьян подушного передела земли, и на это явление мы обратили самое серьезное внимание. *Передел земли* являлся исходной точкой при выработке всех наших последующих практических программ. В этом желании народа, показывавшем его отрицательное отношение к личной поземельной собственности, мы усматривали, с одной стороны, социалистический идеал будущего, с другой — во имя этого идеала надеялись вызвать народное восстание».

С весны 1874 г. началось «хождение в народ». Оно охватило около тысячи интеллигентов обоего пола, которые отдельными группами, наскоро выучившись какой-нибудь профессии, с которой можно было проникнуть в деревню, переодевшись в крестьянское платье и заручившись фальшивыми паспортами, рассеялись по русским деревням и селам, стремясь к слиянию с народом и к борьбе с ним вместе за народные (т. е. социалистические) идеалы. В своих «Записках революционера» Кропоткин характеризует «хождение в народ» следующими словами: «Это не было организованное движение, а стихийное — одно из тех массовых движений, которые наблюдаются в моменты пробуждения совести». А другой участник этого движения С. Кравчинский-Степняк в «Подпольной России» говорит: «Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером *религиозных движений*... Невзирая на всю очевидность противного, он (пропагандист) твердо верил, что не сегодня-завтра произойдет революция, *подобно тому как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда*».

Деятельность двинувшихся в народ пропагандистов приняла очень широкие размеры, охватив 37 губерний. При всей разобщенности между собой действовавших в народе отдельных кружков, они были проникнуты единством настроения.

Несмотря на наличие среди пропагандистов лавристов и чайковцев, с одной стороны, и бакунистов-бунтарей — с другой, фактически главная деятельность пошедших в народ рево-

люционеров сводилась преимущественно к социалистической пропаганде вследствие несклонности крестьян к бунтам и другим революционным действиям. Одесский чайковец Ланганс говорит: «Пропагандист-анархист и пропагандист-государственник, попав в народ и начав в нем свою деятельность, походили друг на друга как одно куриное яйцо на другое». Буквально то же самое повторяют и бунтари Ковалик и Дебагорий-Мокриевич.

«Хождение в народ» продолжалось недолго: уже к концу 1874 г. большинство агитаторов и пропагандистов было арестовано, а уцелевшим от разгрома пришлось бежать в города или за границу. Всего было арестовано около тысячи человек. Движение в народ в первоначальной его стадии было ликвидировано, не оставив в народе почти никакого следа. Было бы неправильно, однако, приписывать одним только правительственным гонениям поражение народнического движения. Основной причиной неудачи хождения в народ было отсутствие под ним почвы. Революционеры-народники, что называется, «сунулись в воду, не зная броду». Они не знали народа и рисовали его себе по своему социалистическому образу и революционному подобию. Действительный, не идеализированный крестьянин, как небо от земли, отстоял от народнического представления о нем. Он, конечно, страдал от экономического и политического гнета, но искал выхода и избавления из своего положения (если вообще искал его) совсем не на тех путях, на которые звали его народники. Абстрактная пропаганда социализма отскакивала поэтому, как горох от стены, от индивидуалистическо-собственнических настроений крестьян; вместо ожидавшегося слияния с народом «опростившийся» интеллигент воочию увидел непроходимую стену, отделявшую его от народа, от его жизненных привычек, религиозных и иных верований. Крестьяне иногда охотно слушали интересные рассказы пропагандистов, как выслушивают занятную сказку (выражение Аптекмана); иногда они сочувственно поддакивали и в лучшем случае, как рассказывает Ковалик, говорили пропагандисту: «Вы начните, а мы вас поддержим». Но бывало и то, что революционеры наталкивались на монархическое настроение крестьян, ждавших прирезки земли только от царя;

другие пропагандисты указывают на резко выраженные у крестьян *собственнические* инстинкты и на их надежды в случае отобрания земли у помещиков на укрепление *своего* хозяйства и наем себе «работничка», без всякой заботы об интересах «мира». Крестьяне недружелюбно относились к пропагандистам, ряженым в платье чернорабочих: такие «бесхозяйственные», непутевые люди казались им несерьезными, зря пускающими слова на ветер. Наконец, бывали даже случаи, когда крестьяне хватали «смутьянов» и волокли их в полицию.

Так печально закончился первый юношеский «роман» революционной интеллигенции с народом, за который она заплатила дорогой ценой тюрьмы, каторги и многих молодых жизней, погибших в царских застенках.

Были еще две особняком стоящие попытки «хождения в народ», вне главного потока. Одна из них связана с кружком Долгушина, который в начале 1873 г. устроил под Москвой тайную типографию, где печатал прокламации, призывавшие народ к революции. Кружок, просуществовав несколько месяцев, был разгромлен, и члены его были осуждены на каторгу.

Другой попыткой была «Всероссийская социально-революционная организация», деятельность которой началась во второй половине 1874 г. и закончилась арестами ее членов весной 1875 г. Организация эта, возникшая по инициативе кружка кавказцев (Джабадари, кн. Цицианов, Зданович и Чикоидзе) и кружка бывших цюрихских студенток (Бардина, Л. Фигнер, сестры Любатович, сестры Субботины и др.), по своему идейному направлению и идеалистическому настроению во многом напоминала кружок чайковцев. Она находилась в тесной связи с группой, издававшей за границей журнал для рабочих «Работник», разделяла основные положения I Интернационала и была проникнута духом западно-европейского социализма с анархическим оттенком. Близкая к кружку В. Фигнер говорит об уставе кружка, положившего начало организации: «Этот первоначальный устав был почти полной копией с устава любой секции Интернационала; в нем не было и намека на особенности русского народа и условия русской жизни. Готовая западно-европейская формула переносилась целиком на русскую почву».

Особенностью рассматриваемой организации было то, что она сосредоточила свою деятельность среди рабочих (преимущественно фабричных), в чем сказалось ее «западническое» умонастроение, и в короткое время развернула широкую пропаганду среди рабочих не только Москвы, но и Иваново-Вознесенска, Тулы, Шуи, Серпухова; кроме того организация имела связи в Киеве, Одессе и на Кавказе. По словам одного из активных участников этой организации, Джабадари, «двухмесячный опыт пропаганды среди московских фабричных рабочих дал блестящие результаты; мы охватили до 20 фабрик, а также мелкие мастерские: столярные, слесарные, кузнечные и мастерские Курско-харьковской железной дороги. Во всех этих фабриках и мастерских у нас были небольшие группы рабочих из 4—5 человек, делавших свое дело по намеченной нашей организацией программе». К кружку примкнул целый ряд выдающихся рабочих, в том числе ткач Петр Алексеев, прославивший себя речью на процессе 50-ти, в которой он произнес пророческие слова о «мускулистой руке рабочего класса», которая ниспровергнет «ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками».

Подводя итоги деятельности народников первой половины 70-х годов, следует признать, что, несмотря на свои внешние неудачи, она не прошла бесследно для самих революционеров. Она многому их научила, она показала, как *не следует* подходить к народу, она выработала у них известный революционный опыт и некоторые технические приемы подпольной работы. И в этом смысле она послужила материалом следующему поколению революционеров при выработке новых задач и планов деятельности.

Неудача «хождения в народ» заставила оставшихся на воле революционеров заняться критическим пересмотром прошлого. Пересмотр этот не шел слишком далеко: он не коснулся ни программы, ни отношения к народу (вера в социалистические основы общины), ни анархического отрицания государства и политической борьбы. Он свелся лишь к перемене *тактики* и *организационных* приемов работы. Первым

результатом этого пересмотра было почти полное исчезновение с революционной сцены «лавристов», которые все больше стали вытесняться бакунистами. Лавристы, представление которых о возможности подготовить революцию путем книжной, научной пропаганды было вдребезги разбито первыми опытами хождения в народ, становится теперь кучкой скорее культурников, чем революционеров; их деятельность с этого времени ограничивается исключительно чисто теоретической пропагандой среди городских рабочих. Но победа бакунизма над лавризмом в умах интеллигенции достигается ценой ее собственного перерождения и приспособления к русской действительности. Не отказываясь от социалистических идеалов как конечной цели, революционеры изменяют теперь методы агитации, приспособляя последнюю к существующим взглядам крестьянства и его повседневным интересам. Из чистокровных социалистов-доктринеров они превращаются в практиков-«народников».

«Стало ясно, — пишет Аптекман, — что *пропаганда социализма в полном его об'еме не может при теперешнем развитии народа иметь успеха;* что необходимо считаться как с имеющимися уже в народе живыми стремлениями, так и с завещанными ему его прошедшей историей взглядами и понятиями... Мы пришли к тому заключению, что пропаганду социализма надо если не совсем оставить, то ограничить ее определенными рамками [1])... Во-вторых, чтобы опереться на народ как на твердый операционный базис революционной деятельности, необходимо боевой лозунг социализма заменить другим, более действительным и родственным народу. Таким лозунгом могут быть только народные требования, назревшие и ищущие разрешения». То же самое говорил на суде в 1881 г., оглядываясь на прошлое русских революционеров, на их «розовую мечтательную юность», вождь «Народной воли» Желябов: «Непродолжительный период нашего пребывания в народе показал всю книжность, все доктринерство

[1]) «Всестороннее проведение в жизнь идей социализма невозможно, ибо оно не имеет почвы в русском народе, каков он есть в настоящее время», — писал в № 9 заграничного журнала «Община» (1878 г.) народник Я. Стефанович.

наших стремлений; но, с другой стороны, тот же период убедил, что в народном сознании *есть много такого*, за что следует держаться, на чем *до поры до времени* следует остановиться... Социалисты перешли к народникам, мы решились действовать во имя сознанных народом интересов, уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, ими сознаваемых. Это отличительная черта народничества».

Еще более подробно останавливается на этом вопросе другой вождь народовольцев, Александр Михайлов, в своих показаниях на следствии и суде. «Пропаганда,—говорил он,—не могла быть пригодным орудием уже потому, что всякий непременно старался принести в народ нечто новое, совершенное, не имеющее сродства с внутренним миром крестьянства. Крестьянин же наш привык мыслить и действовать только под непосредственным влиянием суровой и несложной жизни, и потому в его голове с трудом укладываются отвлеченные понятия... Нельзя также упустить из виду еще одну причину неудачной деятельности, связанной с «хождением в народ». Это большая или меньшая летучесть, кратковременность. В громадном большинстве случаев пропагандисты только проходили через народ, получали от него такое или иное впечатление, наблюдали его жизнь, а передавать свои мысли приходилось только мимоходом». Далее Михайлов указывал на сходство «народников» с прежними бунтарями, но первые выгодно отличались «более серьезным и основательным знакомством с действительной жизнью и ее условиями, а вследствие того — отсутствием идеализации в той степени, в какой она присуща была большинству бунтарей».

В органе народников «Земля и воля» переход от отвлеченного бакунизма к более конкретному народничеству был формулирован в следующих образных выражениях: «Пять лет назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало, пришло время сбросить немецкое платье с социализма и тоже одеть его в народную сермягу». Ту же самую мысль выражал землеволец Д. Клеменц в № 1 загра-

ничного народнического журнала «Община»: «Скомпанованный на три четверти по западным образцам, незнакомый с деталями крестьянской жизни и ее ежедневной борьбы, русский социализм поневоле был абстрактен, говорил народу о его бедах и несчастьях слишком общими формулами и часто проходил мимо злобы дня, представлявшей превосходнейшую иллюстрацию общих положений». Тот же автор отмечает два новых факта в деятельности революционеров: «1) заметное преобладание в последнее время оседлой пропаганды над бродячей; орудиями пропаганды становится при этом не столько книжная и теоретическая проповедь, сколько факты ежедневной крестьянской жизни и практическая борьба; 2) стремление партии войти в союз с мирскими людьми, протестующими элементами крестьянства».

Итак, революционная мысль на основаниях опыта «хождения в народ» сделала следующие завоевания: 1) от пропаганды и агитации отвлеченных принципов социализма совершился переход к «народничеству», к выставлению вошедших уже в сознание народа требований и к агитации на почве его практических и местных частных нужд; 2) переход от случайной, летучей пропаганды к более прочным поселениям в народе в качестве фельдшеров, писарей, народных учителей и пр., живущих бок-о-бок с крестьянством и являющихся для него полезными в его повседневной жизни. В связи с этим следует отметить один любопытный факт. Пропагандисты и бунтари первого призыва обращались по преимуществу в сторону деревенской бедноты и сами выступали в качестве чернорабочих. Опыт показал всю непрактичность этого. «Народники» уже не «опрощаются» и стараются в своей деятельности опираться на массу крестьянского населения, на тех, кто теперь называется «середняками». Это ясно формулировал в своем показании А. Михайлов: «Народнику интересно было оставаться в известном районе возможно более продолжительное время. Он старался ничем себя не выдать перед людьми опасными: перед сельскими властями, перед обездоленными и обезличенными орудиями сельской аристократии. Более всего он мог рассчитывать на крестьян средней зажиточности как на людей, сохранив-

ших свою самостоятельность и не имеющих пороков мироедов». Это же приспособление к действительности заставляло народников стремиться до поры до времени не столько к разжиганию бунтов, чего требовал правоверный бакунизм, сколько пытаться организовать крестьянское движение на легальной почве. «Большая часть работавших в народе, — говорил А. Михайлов, — находила более удобным создавать оппозицию на легальных основаниях и избегать открытого столкновения отдельных крестьянских обществ с властью, т. е. не доводить так называемых «недоразумений» и «бунтов» до их логических последствий, советуя во-время отступать перед подавляющей и всеразрушающей силой штыка».

Переход народников от отвлеченной социалистической пропаганды к практицизму и эмпиризму имел свою оборотную сторону, которую очень тонко отмечает в своих воспоминаниях П. Б. Аксельрод: «С воцарением народнического направления среди революционной интеллигенции, — пишет он, — интерес к западному социалистическому движению в ней сильно ослабел, чтобы не сказать совсем исчез. В этом сказалась оборотная сторона той эволюции революционного движения 70-х годов, которая вела его от абстрактного понимания и абстрактной пропаганды революционных социалистических учений и лозунгов в период «хождения в народ» к более конкретной национальной постановке вопроса о целях и задачах нашей партии». Словом, русский социализм действительно одевается в крестьянскую сермягу, приобретая «самобытный» характер, но это не только его не спасает, но ускоряет его поражение — физическое в борьбе с царской властью и идеологическое перед лицом бьющего его экономического развития.

Наряду с указанными двумя новыми элементами в деятельности народников второй половины 70-х годов был еще третий, также вытекавший из пережитого тяжелого опыта. Это переход от отдельных и более или менее независимо друг от друга действующих кружков к единой по программе и методам действия централизованной организации.

Мы переходим к обществу «Земля и воля» (1876—1879 гг.).

Организация, получившая название общества «Земля и воля» во второй половине 1878 г., возникла еще в 1876 г. и называлась сперва «Северно-революционной народнической группой». Организация эта, возникшая из остатков разбитых чайковцев и других революционных деятелей предыдущего периода, образована была по инициативе того же Натансона, который был организатором кружка чайковцев. Первоначальное основное ядро землевольцев состояло из 25 человек, позже число членов основной группы значительно увеличилось, но многие из организаторов его к тому времени были уже арестованы. Всего с примыкающими к обществу работниками «Земля и воля» насчитывала от 150 до 200 членов. В числе членов «Земли и воли» было много будущих народовольцев и других выдающихся революционных деятелей 70-х годов.

По своим теоретическим воззрениям землевольцы были бакунистами, но бакунистами-«народниками» в вышеуказанном смысле слова. Один из основателей «Земли и воли», Аптекман, отмечает, говоря о первоначальной ее программе: «Социализм как доктрина, социалистический строй как конечный идеал признается и этой программой. Но в применении к русской действительности социализм по необходимости пришлось урезать — так сказать, окорнать: взять из него только то, что не противоречит исконным народным идеалам, воззрениям и требованиям, вылившимся в определенные формы уклада народной жизни. Получился таким образом компромисс между идеалами социализма, с одной стороны, и народными идеалами — с другой». А вот как характеризует цели общества передовая № 1 газеты «Земля и воля» (осень 1878 г.): «Революции — дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам истории совершается в данный период... Поэтому основанием всякой истинно революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в

данное время и в данной местности. Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли. Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами. Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда и поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства, и учреждение «казачьих кругов», т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина, и их сподвижников. Такой же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники». Более сжато и конкретно поясняет программный лозунг «Земли и воли» в своих показаниях А. Михайлов, бывший вместе с супругами Натансонами и Оболешевым главным деятелем «Земли и воли»: «В экономическом отношении — переход земель как казенных, так и частных, в руки народа; в Великороссии — во владение общин, а в других частях России — сообразно существующим местным традициям и желаниям. В политическом отношении — замена нынешнего государства строем, определенным народной волей, при непременном осуществлении широкого общинного и областного самоуправления».

Приведенные цитаты не оставляют ни малейшего сомнения в анархической закваске землевольцев: та же бакунинская идеализация пугачевского и разинского восстаний, та же вера в «народные» идеалы, совпадающие с идеалами социализма. И не должен смущать землевольческий лозунг «воли»: он ничего общего не имел со стремлением к политической свободе, которую землевольцы как истинные анархисты считали буржуазным «злом», и понимался только как общинное самоуправление, не знающее и не признающее никакой государственной власти. «Конституционная свобода, — писала «Земля и воля», — как бы жалка она ни была, им (буржуазии) во всяком случае даст возможность сорганизоваться в сильную партию, первым долгом которой будет провозгла-

шение крестового похода против нас — социалистов — как своих опаснейших врагов»; поэтому «обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить *свою прямую постоянную цель*, чтобы погнаться за *случайной, временной*. Такое направление нашей деятельности было бы *великой ошибкой*...»

Главной своей практической задачей землевольцы считали устройство *постоянных* поселений в деревне для сплочения и организации лучших ее людей, чтобы в момент стихийно возникающих народных движений иметь во главе их организованное ядро, способное придать им сознательно социалистический характер, а также установление связей с сектантами, казаками и другими элементами народа, наиболее пригодными для революционного действия. «Опираясь на созданные данной местностью условия, приспособляясь к ним в своих приемах, мы станем на твердую почву как организаторы крестьянства», — писал Стефанович. Редактор «Земли и воли» Кравчинский писал, призывая революционеров к слиянию с народом: «Оставьте катехизис и учебники. Погрузитесь в великое море народа, раскройте ваши очи, разверзайте уши». А его соредактор Г. В. Плеханов, доказывая необходимость социализма в результате экономического развития (по Марксу) и говоря о благоприятных для социализма общинных и артельных началах русского крестьянства, заявлял: «Центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем».

Соответственно этой главной задаче — работе в крестьянстве — на первых порах землевольческие силы сосредоточились преимущественно в деревне. Ими были в разное время образованы поселения в Саратовской, Нижегородской, Тамбовской, Воронежской и Самарской губерниях, на Урале и на Дону. В ближайших к таким поселениям губернских городах возникали обслуживающие их литературой, паспортами и т. п. группы. В известном смысле деятельность землевольцев в народе оказалась более продуктивной, чем работа пропагандистов

первого призыва. Они были людьми более зрелыми, уже приобретшими некоторый опыт и потому лучше умевшими подойти к крестьянам; к тому же они жили более длительно в деревне, занимаясь определенной профессией, и умели добиваться доверия крестьян. Но далеко не революционное настроение крестьян заставляло наиболее вдумчивых пропагандистов отказываться от агитационных приемов и чтения с крестьянами нелегальной литературы и переходить к устным беседам и чтению легальных книг по вопросам мироздания, по истории и литературе. Постепенно работа поселенцев стала принимать скорее культурнический, чем революционный характер, что не соответствовало боевому настроению землевольцев. И вот началось бегство части «деревенщиков» в города, которые привлекали начинавшейся там политической борьбой; бегству из деревень содействовали также репрессии против поселенцев. Столь же мало удачна была деятельность землевольцев среди сектантов, несмотря на тщательные старания А. Михайлова, который сделался настоящим начетчиком по церковным книгам, чтобы снискать расположение сектантов; последнего он благодаря своему упорству добился, но это ни на шаг не подвинуло его по пути использования сектантов как революционной силы.

По сравнению с агитацией в крестьянстве работе среди городских рабочих землевольцы придавали второстепенное значение. «Мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный, — говорилось в передовой статье № 1 «Земли и воли». — Вопрос же фабричный оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. Революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу». Тем не менее программа землевольцев признавала «агитацию и пропаганду среди городских рабочих и воспитание их в борьбе путем стачек» со вспомогательной целью выработки из них

агитаторов для деревни. Правда, по признанию Аптекмана, спропагандированные рабочие, поселившиеся было среди крестьян Саратовской губернии, скоро «категорически заявили, что в деревне селиться уже не намерены, а будут продолжать свою работу в обычной для них среде — *городской*... На рабочих деревня произвела сразу угнетающее впечатление: суровый, тяжелый обиход жизни, убожество и культурная обездоленность, душная атмосфера сумрачности, недоверия, недоступности». Все-таки работа землевольцев среди рабочих оказалась более продуктивной, чем среди крестьян. Землевольцы нашли среди городских рабочих гораздо более благодарную почву, чем в деревне, отчасти уже вспаханную прежде действовавшими революционными организациями (чайковцами в первую очередь). Они первые от пропаганды в кружках перешли к более широкой агитации среди рабочих *масс*. Тяжелое экономическое положение рабочих в 70-х годах, усиленная эксплоатация их капиталом вызвали с их стороны с начала десятилетия ряд стихийных бунтов и стачек. Землевольцы, усиленно работавшие в петербургских рабочих кружках, использовали это настроение для массовой агитации.

Г. Плеханов в своем предисловии к книге Туна «История революционного движения в России» правильно заметил, что «в бакунизме была одна сильная сторона, спасшая его сторонников от застоя. Этой сильной стороной являлось *пристрастие* к «*агитации*», к «*бунтам*»... Проклинавший «*политику*» бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором*». Это пристрастие заставило петербургских землевольцев, во главе с Плехановым, принять самое энергичное участие в происходивших в 1878—1879 гг. экономических стачках на ряде текстильных фабрик. Землевольцы выпускали прокламации к рабочим, формулировавшие их экономические требования, выступали на собраниях стачечников, организовали шествие рабочих с петицией к наследнику, собирали в обществе и среди студенчества средства и распределяли их между стачечниками, пользуясь каждым удобным поводом для агитации. И если забастовочное движение и окончилось неудачей, то все же агитация землевольцев оставила среди петербургских рабочих свой след: на ее почве возникла орга-

низация «Северно-русского союза рабочих». На основании личного опыта деятельности среди петербургских рабочих Плеханов писал в № 4 «Земли и воли»: «Идея солидарности интересов всего рабочего сословия и противоположности их интересам привилегированных классов имеет превосходную иллюстрацию в каждой стачке рабочих, в каждом столкновении их с нанимателями. Организуйте массу для борьбы, путем борьбы и во имя борьбы; только таким образом создадите вы в ней самодеятельность, самоотверженность и стойкость, каких она не имела до сих пор и благодаря отсутствию которых десяти городовых бывает часто достаточно, чтобы разогнать и навести ужас на целую толпу рабочих».

Хотя землевольцы по принципу отрицали политическую борьбу, но жестокие правительственные репрессии заставили их внести не только в свою практику, но и в тактическую часть своей программы элементы борьбы с властью. Эти элементы составляли так называемую «дезорганизаторскую» деятельность общества и заключались: 1) в освобождении арестованных товарищей с применением при этом оружия; 2) в самозащите, т. е. в истреблении шпионов и провокаторов; 3) в расправе — убийстве особо усердных в борьбе с революционерами представителей власти, когда того требовала «честь революционной партии». Наконец, в момент народного восстания землевольцы допускали убийство видных сановников в целях дезорганизации правительства. Землевольцы, впрочем, сознавали опасность скользкого пути террора, легко превращающегося в средство политической борьбы. «Не этим путем (террора), — говорилось в № 1 «Земли и воли», — мы добьемся освобождения рабочих масс... Террористы — это не более, как охранительный отряд, назначение которого — оберегать работников *среди народа* от предательских ударов врагов».

Организация «Земли и воли» носила строго централизованный характер, отличаясь в этом отношении от всех предшествовавших ей революционных организаций и представляя, в сущности, первый в России зародыш настоящей заговорщической партии. Во главе общества стояла «основная группа» с выборной при ней администрацией. Для различных отраслей деятельности общества образовывались особые группы,

действовавшие под руководством членов основной группы. Так, существовали: рабочая группа, деревенская, интеллигентская и дезорганизаторская, самые названия которых указывают их назначение. Благодаря централизации общество «Земля и воля» смогло просуществовать три года и сравнительно легко восстанавливать свою организацию после опустошений, производимых арестами. Руководители «Земли и воли» (особенно Ольга Натансон, Оболешев, А. Михайлов, Зунделевич и др.) очень много сделали для выработки конспиративных приемов и техники революционного подполья, которые вошли потом составной частью в деятельность всех позднейших революционных организаций. Одной из крупных заслуг землевольцев была постановка в России на довольно широкую ногу нелегального типографского дела. Усилиями Зунделевича была поставлена «Вольная русская типография», в которой сперва печатался народнический журнал «Начало», а потом орган общества «Земля и воля» под тем же заглавием — «Земля и воля». Типография выпустила пять номеров этого органа (начиная с осени 1878 г.), пять номеров «Листков «Земли и воли» и большое количество прокламаций, стала именоваться типографией «Земли и воли» и просуществовала без провала до раскола общества осенью 1879 г.

«Земля и воля» действовала преимущественно в пределах Великороссии, хотя ее сторонники и даже члены работали и на юге; но на Украине преобладали революционные группы и кружки бунтарского типа, сохранившиеся от первого периода хождения в народ. Впрочем, «казацкие» революционные традиции украинцев столь же мало оправдали чаяния бунтарей, как и пугачевско-разинские традиции Поволжья и Урала. История дважды не повторяется, и Россия XIX века слишком отличалась от России XVII и XVIII веков, чтобы в ней могли повториться движения, выросшие на совсем иной экономической и политической почве. Единственной серьезной попыткой народного движения, предпринятой на юге, был чигиринский заговор, организованный Стефановичем, при участии Дейча и Бохановского. Но это исключение только подтверждало правило. Стефанович воспользовался в 1876—1877 гг. недовольством крестьян Чигиринского уезда Киевской

губернии на почве земельных неурядиц и явился к ним под видом комиссара царя, якобы сочувствующего требованиям крестьян. Ему удалось приобрести полное доверие крестьян, после того, как он пред'явил им подложную царскую грамоту. В течение нескольких месяцев он сорганизовал большой заговор (несколько сот человек) среди крестьян, которые должны были восстать по призыву «царского комиссара» под лозунгом «Земля и царь». В 1877 г. заговор был раскрыт, и Стефанович с товарищами арестован. Попытка Стефановича своей грандиозностью ошеломила революционеров, но большинство их отнеслось к ней отрицательно. При всем аполитицизме народников-семидесятников использование царского имени для революционных целей означало, с их точки зрения, укрепление и без того сильного в народе монархического настроения, стоящего на пути революционизирования крестьян, т. е. шаг назад. Факт, что крестьян удалось вовлечь в движение не благодаря сознанию ими своей силы, а на почве слепой веры в милость царя, должен был подорвать иллюзии революционеров.

Неудача попыток бунтарей на юге—поднять крестьянство—заставила их устремиться из деревень в города, как и деревенщиков поволжских губерний. «Деревенская революция, — писал в своих воспоминаниях южный бунтарь Дебагорий-Мокриевич, — т. е. крестьянская, о которой все так страстно мечтали и в которую так глубоко верили в начале 70-х годов, к концу десятилетия была оставлена, и силы были направлены в города, где имелось несравненно больше благоприятных условий для революционной деятельности. Но одним перенесением деятельности в города вопрос далеко не исчерпывался... У нас вопрос был вовсе не в том, представляла ли крестьянская масса удобную почву для пропаганды социалистических идей или нет, а в том, что правительство не дозволяло совсем никакой работы ни в деревнях, ни в городах и своими преследованиями вынудило более энергичных и страстных направить свои силы на прямую борьбу с ним».

В следующей главе мы увидим, как и почему народники-революционеры, отрицавшие политическую борьбу, против своей воли самой жизнью были приведены к ней.

Глава третья.

ОТ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» К «НАРОДНОЙ ВОЛЕ».

Переломным пунктом в истории революционного движения следует считать 1877—1878 гг., годы Балканской войны. Война эта, предпринятая самодержавным правительством якобы для освобождения «братьев-славян» от турецкого ига, на самом же деле для расширения политического влияния царизма на Ближнем Востоке, послужила толчком к политическому оживлению русского общества и возрождению либерального движения. Хищнические стремления царского правительства скоро обнаружились во всей своей красе, вытеснив собой фразы об освободительной миссии царизма на Балканах, а военные и дипломатические поражения правительства еще раз показали воочию всю гнилость общественного строя России и необходимость коренной политической реформы. «Война возбудила неудовольствие в стране, — пишет историк земского движения Белоконский, — Россия посылала свою армию, чтобы избавить болгар от турецкого ига, а в то же время русский народ находился в тисках абсолютизма. Негодование еще более усилилось, когда в Болгарии был введен представительный образ правления, в то время как в России оставался прежний полицейско-бюрократический режим».

Передовые земцы, об'единившиеся в нелегальный «Земский союз», повели кампанию за вынесение земствами резолюций о созыве земского собора, то есть народного представительства. Такие резолюции были вынесены пятью губернскими земскими собраниями, причем некоторые из них указывали, что правительство должно дать русскому народу ту политическую свободу, какую оно дало освобожденным бол-

гарам. В 1879 г. в Москве происходит нелегальный с'езд представителей от 16 земств, на котором поднимается вопрос об издании за границей нелегального земского органа. На Украине возникают кружки украинцев, требующие национальной автономии и политической свободы. К этим кружкам примыкает деятельность профессора Драгоманова, горячего сторонника политической борьбы за конституцию, под влиянием которого находится в этот период будущий народоволец Желябов.

Оживление «общества» находит свое отражение в студенчестве. В 1878—1879 гг. происходят студенческие «беспорядки» в ряде университетских городов; возникая на академической почве, они благодаря правительственным репрессиям очень быстро превращаются в политические демонстрации. В Киеве в 1878 г., не без влияния местных революционеров, студенты выставляют конституционные требования. При проезде киевских студентов в ссылку через Москву московские студенты устраивают демонстрацию сочувствия, участники которой жестоко избиваются полицией при содействии дворников и торговцев Охотного ряда.

Политическое оживление в стране и преследование революционно-социалистического движения даже в самых мирных его формах не могли не оказать влияния на психологию революционеров, терпевших непрерывно поражения и неудачи. Они не могут более оставаться глухими к существованию самодержавия и во имя отвлеченной теории о буржуазной сущности конституционных учреждений отмахиваться от задачи борьбы за политическую свободу. Сперва на юге, где сказалась большая близость к театру военных действий, а потом на севере в деятельности революционеров начинают все больше проскальзывать политические нотки, и социалисты мало-по-малу, часто сами того не сознавая, с оговорками и отступлениями назад, выступают на путь политической борьбы.

Настроение революционеров на юге в эти годы Дебагорий-Мокриевич характеризует следующими словами: «Во время русско-турецкой войны на юге скопилось немало энергичных личностей, не связанных сильными организационными узами, а потому здесь и оказались наиболее благоприятные условия для зарождения нового направления... Здесь мы встречаем

ряд лиц, спасшихся от жандармских погромов, нелегальных, скрывающихся или поднадзорных, ожесточившихся от этих бесконечных преследований и жаждущих вступить в активную борьбу с правительством... Среди нас послышались голоса в пользу политической свободы, к которой раньше все относились отрицательно». В Киеве возникает кружок революционеров (в состав его входил будущий видный народоволец Колодкевич), назвавшийся «конституционным кружком» и «поставивший своей задачей агитацию в пользу конституции и пропаганду политических идей». Кружок организовал политическую демонстрацию на похоронах умершего рабочего в 1877 г. и принимал деятельное участие в студенческих волнениях 1878 г.

Среди южных революционеров первыми признали необходимость борьбы за политическую свободу и в этом отношении были предтечами народовольцев И. Волошенко, Г. Попко, Д. Лизогуб и в особенности Валериан Осинский, к которым впоследствии примкнули другие бунтари. Будучи членами «Земли и воли», Осинский и Лизогуб делали неоднократные, но безуспешные попытки свернуть ее деятельность на путь политической борьбы, всякий раз наталкиваясь на народнический консерватизм большинства землевольцев. Осинский тщетно добивался от землевольцев печатания в их типографии прокламаций и органа либеральных земцев и усиления дезорганизаторской деятельности партии. «Мысль о конституции, — говорит южный бунтарь М. Фроленко в воспоминаниях об этом периоде, — никого из южан не пугала так, как пугала северных народников». «Конституция,—говорили южане,—нам сильно облегчит только работу, развязав руки, дав возможность добиваться многого на легальной почве без всяких жертв», — и они оставались глухи к запугиванию сплоченной буржуазии. Южане не боялись не только политической свободы, но даже соглашения с либералами. В конце 1878 г. состоялось в Киеве совещание между представителями либеральных земцев, Петрункевичем и Линдфорсом, и революционерами в лице Осинского, Волошенко, М. Ковалевской и Дебагория-Мокриевича о возможности совместных действий. Соглашение, однако, не состоялось, так как земцы требовали от революцио-

неров отказа от террористической борьбы, в свою очередь предлагая использовать все остальные виды легальной и нелегальной деятельности. Революционеры не согласились отказаться от террора, так как при отсутствии поддержки в массах террор являлся единственной формой, в которой они могли проявить свою энергию и помериться силами с правительством. Террористическая борьба к этому времени уже применялась южными революционерами на свой страх и риск, без соглашения с «Землей и волей». Она началась, так сказать, самопроизвольно и стихийно, с актов самообороны: вооруженных сопротивлений при арестах, убийства шпионов и провокаторов [1]), применения оружия при освобождении товарищей, но мало-по-малу в сознание южных бунтарей все больше стала проникать мысль о вооруженной борьбе как средстве давления на правительство с целью вынудить у него политические права.

Особенно большое значение для перехода южан к открытой борьбе с правительством имело вооруженное сопротивление, оказанное 30 января 1878 г. при аресте в Одессе Ив. Ковальским и его товарищами. Во время суда над Ковальским одесские революционеры устроили демонстрацию, сопровождавшуюся перестрелкой с полицией [2]). В тех же 1878 и 1879 гг. происходит целый ряд вооруженных сопротивлений, из которых наиболее упорным было сопротивление революционеров в Киеве при аресте на Жилянской улице, стоившее жизни двум южным бунтарям — братьям Ивичевичам. Вооруженные со-

---

[1]) Еще в 1876 г. южные бунтари ранили и облили серной кислотой предателя Гориновича, отчего он ослеп; в том же году в Одессе убит шпион Товлеев; весной 1877 г. в Петербурге землевольцами убит предатель, рабочий Финогенов; в 1878 г. — Никонов в Ростове; в 1879 г. — шпион Барановский в Киеве и Рейнштейн, выдавший Северный союз русских рабочих, в Москве.

[2]) При аресте у Ковальского найден проект прокламации, ясно формулирующий переход революционеров к борьбе с оружием в руках: «Теперь последовал целый ряд убийств шпионов-предателей, было несколько случаев открытого сопротивления с оружием в руках и много отчаянных побегов из-под стражи. Но это свидетельствует, что уже теперь не тот дух времени, какой был прежде, что уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством русских башибузуков».

противления революционеров и следующие за ними смертные приговоры их участникам вызывают ожесточение в революционном лагере и создают в нем боевое настроение, желание непосредственно помериться силами с ненавистным врагом. Смелые, часто отчаянные по замыслу, освобождения из тюрем (Кропоткина в 1876 г. из Николаевского военного госпиталя землевольцами; В. Костюрина в 1877 г. из Одесской тюрьмы; Дейча, Стефановича и Бохановского, совершенное в мае 1878 г. Фроленко, поступившим в тюрьму ключником; неудачная попытка землевольцев отбить с оружием в руках от жандармов Войнаральского под Харьковом в 1878 г.) чередуются с политическими демонстрациями и террористическими покушениями на особенно усердных слуг правительства.

Первой по времени из демонстраций была петербургская студенческая демонстрация 3 марта 1876 г. на похоронах студента Чернышева, умершего в тюрьме. 6 декабря того же года по требованию рабочих, связанных с «Землей и волей», последняя организовала чисто рабочую демонстрацию у Казанского собора. Во время этой демонстрации оратором выступил Плеханов, произнес политическую речь, после чего было развернуто красное знамя с лозунгом «Земля и воля». Демонстрацией этой, в которой участвовало около 200 рабочих и столько же студентов, землевольцы впервые вышли из подполья на улицу и привлекли к себе внимание общества. Землевольцы же организовали в 1878 г. демонстрации на похоронах умершего в тюрьме студента Падлевского, во время процесса В. Засулич и на панихиде по убитом на этой последней демонстрации Сидорацком.

Начавшиеся с 1877 г. крупные политические процессы [1]) приковывали внимание общества к героической борьбе революционеров, содействуя его революционизированию, и превращались в акты политической борьбы революционной партии с правительством. Впервые на этих процессах русское общество

---

[1]) В январе 1877 г. процесс казанских демонстрантов, в феврале — марте 1877 г. процесс 50-ти («Всероссийской соц.-рев. организации»), в мае 1877 г. процесс Заславского и «Южно-российского союза рабочих», с октября 1877 по январь 1878 г. «большой процесс» 193-х народников-пропагандистов, в марте 1878 г. процесс Веры Засулич.

увидело своими глазами тех революционеров, которых правительство и реакционная печать рисовали как кровожадных злодеев и которые предстали пред ним теперь в виде самоотверженных борцов за интересы народа. Речь Мышкина на процессе 193-х, речи Бардиной, Алексеева на процессе 50-ти волновали присутствовавшую на них публику и невольно вызывали ее уважение к революционерам. Газетные отчеты о процессах разносили по всей России весть о новых людях, отдающих все самое для них дорогое, даже жизнь, ради блага народа, и зажигали у молодежи желание итти по их стопам. Особенное впечатление произвел процесс Веры Засулич, стрелявшей 24 января 1878 г. и ранившей петербургского градоначальника Трепова в ответ на истязания, которым он подверг в тюрьме политического заключенного землевольца Боголюбова, осужденного на каторгу по процессу казанской демонстрации. Спокойно и без всякой позы об'яснила Засулич на суде мотивы своего поступка: «Я решилась, — сказала она, — хоть ценой собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью; я не нашла, я не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие. Я не видела другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать».

Аплодисментами встретила публика оправдательный приговор смелой девушке, произнесенный судом присяжных, судом [1]) «общественной совести». В эту минуту русское либеральное общество, отнюдь не революционно настроенное, как бы поняло, что революционеры, выступая против правительства, защищают «права человека и гражданина» против насилия и произвола, права, нужные прежде всего ему, этому обществу.

Действительно, если народники-пропагандисты шли в народ по мотивам «больной совести», с целью уплатить свой долг народу, до которого либеральной буржуазии не было никакого дела, то выстрел В. Засулич, положившей начало эпохе рево-

---

[1]) После оправдания Засулич политические дела были из'яты из ведения суда присяжных.

люционного террора, был произведен по мотивам «оскорбленной чести», защиты прав поруганной личности, которым буржуазия не могла в душе не сочувствовать.

И не так неправ был Н. К. Михайловский, автор двух «Летучих листков», напечатанных в типографии «Земли и воли» и посвященных процессу Засулич, усматривая в этом процессе начало нового периода общественного движения. «Мы приветствуем, — писал он, — это начало и эти признаки пробуждения от вековой летаргии... Если мы угадали, то дело не ограничится вспышками, вызванными минутным настроением. Это настроение должно расти и вызывать новые события. Люди, обладающие чувством долга и гражданского мужества, сплотятся и смело выступят на борьбу с каждым проявлением правительственного произвола... Всякий, кто не за правительство, должен быть против него... Мы приглашаем учащуюся молодежь, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав, для защиты своих свободомыслящих сограждан от адских казематов центральной тюрьмы и Петропавловской крепости, для защиты русского народа от поголовного разорения, для защиты русской науки и мысли от жалкой и бесславной смерти под рукой цензора-палача». Во втором «Летучем листке» Михайловский требовал созыва Земского собора, указывая, что в противном случае образуется «Комитет общественного спасения», который возьмет в свои руки власть.

В «Летучих листках» уже не слышно социалистических мотивов, нет партийных лозунгов. Они призывают всех, кто не за самодержавие, к общей борьбе за политические права, за политическую свободу.

Мы уже знаем, что на юге мысль о конституции раньше перестала пугать революционеров, чем на севере. После каторжных приговоров по процессам 50-ти и 193-х, после зверской расправы Трепова с Боголюбовым южане сознательно переходят на путь террористической борьбы с правительством [1]).

---

[1]) После известия об истязаниях Боголюбова южане Осинский, Фроленко, Попко и др. приехали в Петербург с целью убить Трепова, но выстрел Засулич предупредил их покушение.

Южные революционеры не представляли собой единой организации с определенной программой; начав почти что стихийно совершать террористические акты, они довольно смутно представляли себе, каким образом эта террористическая деятельность приведет к желанной цели — политической свободе, и сами эти акты совершались ими более или менее случайно, без определенного плана. В феврале 1878 г. Осинский с товарищами произвел в Киеве неудачное покушение на товарища прокурора Котляревского, прославившегося своими издевательствами над политическими заключенными. В мае того же года Попко в том же Киеве заколол на бульваре жандармского офицера Гейкинга; в декабре 1878 г. Витенберг и Логовенко делают первую попытку при помощи динамита взорвать царский поезд под Николаевом (покушение предупреждено было полицией); в феврале 1879 г. в Харькове Гр. Гольденберг убивает генерал-губернатора князя Кропоткина. Наконец, несколько шпионов падает от руки южан. С началом террористической деятельности у южан является потребность в организационном оформлении, и после первых же покушений начинают появляться прокламации за подписью «Исполнительного комитета социально-революционной партии», об'являющего эти покушения делом своих рук, с печатью, изображающей скрещенные кинжал, топор и револьвер. По словам участника этого комитета Дебагория-Мокриевича «название «Исполнительный комитет» присваивалось потому, что террористы, по первоначальному представлению, должны были явиться ни чем другим, как исполнителем решений, принятых всей социал-революционной партией». На самом деле Исполнительный комитет не представлял из себя политической организации в строгом смысле слова, действовал сам по себе, ничьих решений не выполнял, и даже состав его не был точно фиксирован. Совершив ряд террористических актов и выпустив по поводу их несколько прокламаций, он в начале 1879 г., после ареста большинства его участников, сошел со сцены, не оставив после себя никаких организационных следов и завещав оставшимся на воле свое громкое имя и боевые традиции.

Сложнее совершался переход к политической борьбе и террору у северян-землевольцев. В груди последних все время

жили две души. С одной стороны, народнические убеждения заставляли их чураться борьбы за политическую свободу; с другой — непосредственный революционный инстинкт и чувство мести за казнимых и отправляемых в каторгу товарищей толкали их на путь этой политической борьбы. Фактически многие землевольцы начинали уже принимать участие в этой борьбе, но народническая теория продолжала оставаться незыблемой, и между ней и практикой образовывалась все более глубокая пропасть. Газета «Земля и воля» продолжала развивать народнические антиконституционные взгляды, совершенно замалчивая террористические покушения южного Исполнительного комитета.

Когда один из редакторов «Земли и воли», Кравчинский, при участии других землевольцев, заколол 4 августа 1878 г. в Петербурге шефа жандармов Мезенцева за каторжные приговоры над участниками процесса 193-х, он в написанной им и изданной «Землей и волей» брошюре «Смерть за смерть» продолжал еще, в сущности, стоять на прежней народнической точке зрения, проникнутой отрицанием политической борьбы. В этой брошюре Кравчинский писал: «Наши настоящие враги — буржуазия, которая теперь прячется за вашей (правительства) спиной, хотя и ненавидит вас, потому что и ей вы связываете руки. Так посторонитесь же. Не мешайте нам бороться с нашими настоящими врагами, и мы оставим вас в покое». От правительства Кравчинский требует только прекращения преследований за пропаганду социалистических идей, амнистий по политическим делам и уничтожения административной расправы. «Большее—в руках буржуазии, у которой мы и вырвем его вместе с жизнью. Но это уже наши счеты. Не мешайтесь в них. Точно так же мы мешаться не станем в ваши домашние дела. До вопроса о разделении власти между вами и буржуазией нам нет решительно никакого дела. Давайте или не давайте конституцию, призывайте или не призывайте выборных, назначайте их из землевладельцев, попов или жандармов — это нам совершенно безразлично. Не нарушайте наших человеческих прав — вот все, что мы хотим от вас». И брошюра заканчивается грозным предостережением правительству: «Горе, горе вам, если вы решитесь итти до конца по этому

пути (военных судов). Нас вы не запугаете. Вы нас сделаете только еще беспощаднее к вам. И знайте, что у нас есть средства, еще более ужасные, чем те, которых силу вы уже испытали; но мы не употребляли их до сих пор, *потому что они слишком ужасны* (намек на динамит). Берегитесь же доводить нас до крайности и помните, что мы никогда не грозим даром».

Брошюра эта в высшей степени характерна для настроений переходного периода. С одной стороны, правительственные репрессии делают революционную деятельность невозможной, и землевольцы устами Кравчинского требуют для себя политических прав и свободы действия. С другой — конституция — буржуазная выдумка, нужная только буржуазии; борьба за нее — это «домашний спор» между буржуазией и правительством, в который социалисты не намерены вмешиваться. Пусть же и правительство в обмен за это не вмешивается в борьбу социалистов с буржуазией. Наивное политическое мышление и утопический подход к действительности, рассматривающие правительство как надклассовую силу, действующую независимо и вне общества, сквозят из каждой фразы этой талантливо написанной брошюры. Отсутствие реальной силы у революционной партии, чтобы вынудить у правительства уступки, заменяется верой в террор, угрозой которым можно *запугать* власть.

Столь же характерным было отношение землевольцев к выставленным «Северно-русским союзом рабочих» политическим требованиям. Союз этот возник в конце 1877 г. — начале 1878 г. и под руководством металлиста В. Обнорского и столяра С. Халтурина в короткое время об'единил до 200—300 рабочих. Союз имел свою кассу и библиотеку, завел связи с московскими рабочими и подготовлял к печати свой орган «Заря рабочего», но к концу 1879 г. его организация была разгромлена и арестована типография, в которой печатался первый номер этого органа. В программе Союза, принятой в декабре 1878 г., наряду с общенароднической мотивировкой социалистических требований («федерация общин»; замена частной собственности общинным землевладением; передача фабрик в руки артелей рабочих и т. д.) имеются фразы, проникнутые европейским социал-демократическим духом, напр.: «Так как

политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями союза должны быть»... и далее идет перечисление обычных политических требований в духе социал-демократических программ-минимум. В другом месте программа прямо говорит, что «по своим задачам» союз «тесно примыкает к социал-демократической партии».

«Программа эта пришлась не по вкусу руководителям «Земли и воли», и в № 4 своего органа они подвергли ее хотя и мягкой по форме, но довольно строгой критике: «Отрицание государства и требование коммунальной автономии, — писала «Земля и воля», — зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса германской социал-демократии. Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много внимания, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле, а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе даже не дебатируются» [1]).

Но, несмотря на сохранение старо-народнического анархического направления в органе «Земля и воля», внутри самого общества все более стали проявляться разногласия между *горожанами*, склонявшимися под влиянием всех вышеуказанных условий к политической борьбе и террору, и *деревенщиками*, продолжавшими настаивать на работе в деревне. Но деревенщиков становилось все меньше, так как преследования деревенских поселений и другие причины гнали их в города, где

---

[1]) В следующем номере «Земли и воли» руководители союза оправдывались от обвинения в переоценке значения политической свободы. «Да не подумают, — отвечали они, — чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования». Но они вместе с тем не отрекались от своей программы и назидательно поучали землевольцев: «Мы знаем, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды».

многие из них поддавались общему настроению. К осени 1879 г., т. е. к моменту раскола «Земли и воли», по признанию деревенщика Аптекмана, не осталось уже ни одного поселения.

Чтобы дать исход новым настроениям внутри организации, с марта 1879 г. начали выходить наряду с «Землей и волей», сохранявшей прежнее направление, «Листки «Земли и воли», под редакцией Н. Морозова, к тому времени ставшего крайним террористом. Не считаясь с программой, Морозов стал открыто проповедывать и восхвалять террор как лучшее средство борьбы. Политические убийства, по его словам, не просто акт обороны или мести, как утверждали до этого времени землевольцы, но «осуществление революции в настоящем, самое страшное оружие для наших врагов, — оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов; вот почему мы признаем политические убийства за одно из главных средств борьбы с деспотизмом». Романтик террора Морозов призывал к партизанским методам Вильгельма Телля и Шарлотты Кордэ, проповедуя поэзию кинжала и револьвера. В своих воспоминаниях об этом периоде сам Морозов говорит, что это партизанство казалось ему единственным средством, «чтобы обеспечить свободу слова, печати и общественной деятельности для всех передовых политических и общественных партий. Всякое другое средство борьбы представлялось мне безнадежным среди окружавшего нас произвола и насилия...» В редакции «Земли и воли», в состав которой после ареста Клеменца и отъезда за границу Кравчинского входили Морозов, Тихомиров и Плеханов, между первым и последним, стоявшим на старо-народнической точке зрения, постоянно происходили разногласия, которые Тихомиров пытался примирять. До поры до времени разногласия эти не принимали столь острой формы, чтобы совместная работа была невозможна, пока дело Соловьева не выявило наружу всех накоплявшихся разногласий и не поставило вопроса о направлении общества ребром.

В феврале 1879 г. в Петербург приехал А. К. Соловьев с твердым намерением убить царя. До того, в течение нескольких лет, Соловьев работал в деревне как народник-пропагандист. Он не разочаровался в народничестве, но, наблюдая пассивность крестьянства и препятствия, которые правительство

ставило на пути его пробуждения, пришел к мысли, что убийство царя облегчит возможность работы, подействовав возбуждающе на крестьянство. После убийства царя, — думал Соловьев, — возможна станет усиленная и плодотворная работа в деревне. В Петербурге Соловьев обратился за содействием к А. Михайлову, который к этому времени пришел к сознанию необходимости террористической борьбы в виде актов мести за казни революционеров и одновременно с покушением Соловьева оказал содействие Мирскому, неудачно стрелявшему в марте того же года в шефа жандармов Дрентельна. Было устроено частное совещание, тайно от руководящего центра «Земли и воли», на котором, кроме Соловьева, присутствовали землевольцы: А. Михайлов, Зунделевич и Квятковский (последние двое тоже склонялись к террористическому направлению) и двое приезжих из провинции: Г. Гольденберг и Кобылянский, также предлагавшие свои услуги для цареубийства. Совещание решило, что покушение будет совершено Соловьевым, и Михайлов взялся добиться его санкции от «Земли и воли». Но на Совете общества (Советом называлось собрание всех наличных в Петербурге членов основного кружка, и он считался верховной инстанцией) предложение Михайлова вызвало страшную бурю; страсти разгорелись, и с обеих сторон стали раздаваться угрозы. Вследствие решительного протеста Плеханова, Попова и Инатова Совет отказался взять на себя ответственность за предстоящее покушение, предоставив отдельным лицам предпринимать его за свой риск и страх. 2 апреля 1879 г. Соловьев произвел, при содействии Михайлова, неудачное покушение на Александра II, был схвачен на месте и казнен.

Покушение Соловьева и вызванные им разногласия провели глубокий водораздел между чистыми народниками (деревенщиками) и «политиками». Последние (Морозов, Тихомиров, Квятковский, Баранников, Богородский, Г. Гольденберг, Сергеева и вскоре умерший от чахотки молодой Зеге-фон-Лауренберг; А. Михайлов не входил в группу, но стоял близко к ней) образовали внутри «Земли и воли» особую тайную группу или кружок под громким названием «Свобода или смерть». «Программа этого кружка, — пишет В. Фигнер, — но-

сила характер политический, она признавала необходимость политического террора». Непосредственных боевых задач кружок себе не ставил, он преследовал чисто технические задачи и задачу подбора единомышленников как внутри, так и вне «Земли и воли». Скоро к кружку примкнули Кибальчич, Якимова, Исаев, Ширяев, С. Иванова, Арончик и др., причем первые четверо стали заниматься изготовлением динамита на случай возможных покушений, и к моменту раскола «Земли и воли» ими было заготовлено несколько пудов динамита.

Настроение и психология революционеров, положивших начало «Народной воле», лучше всего характеризуется ниже приводимыми свидетельствами активных деятелей этого периода. Фроленко в своих воспоминаниях пишет: «Крик, теперь уже не тихий, а громкий, настойчивый, что «так жить нельзя», что «надо найти выход», раздается и слышится всюду. Люди, раньше едва слышавшие и мало интересовавшиеся революционным движением, теперь сами шли, разыскивали радикалов, указывали им на выход, предлагали себя в исполнители, выставляя цареубийство как наилучший, единственный способ положить конец удушию». Другой член «Народной воли» — Якимова—так характеризует настроение: «Революционеры пришли к сознанию необходимости добиваться политической свободы, но не как цели, а как средства для разрушения преграды, отделяющей революционеров от массы, и таким образом открыть массе широкий путь для развития ее и выявления ею своей воли... Путем активной политической борьбы с правительством надеялись разбудить сонное царство: подорвать царский авторитет и обаяние силы правительства, разрушить фатализм, беспрекословную покорность судьбе, показать возможность организованной борьбы, поднять активный дух и веру народа в успех борьбы». В черновом проекте программы, представленном Липецкому с'езду Морозовым, положение характеризуется следующим образом: «Никакая деятельность, направленная к благу народа, в России невозможна вследствие царящего произвола и насилия. Ни свободы слова, ни свободы печати для действия путем убеждения в ней нет. Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего по-

кончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе, как с оружием в руках».

На правительственные гонения как на причину перехода революционеров к террору указывали все виднейшие народовольцы на суде. Так, Перовская заявляла: «Партия, придерживаясь социалистического учения, долго колебалась перейти к политической борьбе, и первые шаги по этому пути встречали сильные порицания со стороны большинства партии как отступление от социализма. Но ряд виселиц и других мер, показавших необходимость сильного отпора правительству, заставил партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террористические акты являлись одним из важнейших средств». А вот об'яснение А. Михайлова: «Мирные пропагандисты условиями деятельности были приведены к необходимости вступить в кровавый бой с правительством. Правительство препятствовало движению в народ, что привело его к неизбежной встрече лицом к лицу с партией, которая долголетней, тяжелой борьбой подготовлена к этому. Правительство грудью загородило путь в народ и сделало ее целью, которую меньше всего желала иметь партия». В том же самом духе высказывались на суде Желябов, Кибальчич, Квятковский, Колодкевич, Грачевский, Теллалов и др.

Становясь практически на путь политической борьбы, землевольцы отрекались от народнических теорий 70-х годов и отказывались от собственной бакунистско-анархической программы. Но это отречение происходило бессознательно, непроизвольно. Практика опережала теорию, ибо, по словам А. Михайлова, лучше кого-либо другого формулировавшего психологические мотивы, двигавшие революционерами, «партия волей-неволей должна была, ввиду самозащиты, усиливать ряды отражающих нападение со стороны государства. Это происходило само собой, ввиду жизненной необходимости. Правительство и борьба с ним как с главным врагом не выдвигалась, однако, как принцип. История движений, как и в этом случае, доказывает, что сила вещей ранее дает направление им, чем оно сознается руководителями и элементами движения».

Ирония истории заставила народников, становившихся народовольцами, сторонников принципа «все для народа и по-

средством народа», вступить на путь террора, который в своем развитии неизбежно приводил к отрицанию участия народа в своем освобождении и заменял народную самодеятельность геройскими усилиями сплотившихся в партию интеллигентов добыть свободу *для народа*. Жизнь вынуждала революционеров вступать в сделку с своей теоретической совестью и итти на компромисс с действительностью. Это хорошо сознавал и ярко выразил в своем письме к Драгоманову Желябов в мае 1880 г. «Таково положение вещей, — писал он, — что исходишь от реальных интересов крестьянства, признаешь его экономическое освобождение за существеннейшее благо, а ставишь ближайшей задачей требования политические, видишь спасение в распадении империи на автономные части и требуешь Учредительного собрания. Не велика заслуга перед отечеством аскета-хранителя общественного идеала. Мы, по крайней мере, предпочли быть мирянами».

Плеханов, в то время решительный противник поворота к политике и тактике террора, признавал в 1883 г., что «в спорах, происходивших в организации «Земли и воли» около времени ее распадения, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Народовольцы только подводили итог революционному опыту предшествовавших лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали итти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. Терроризм совершенно логически вырос из нашего бунтарства» («Социализм и политическая борьба»).

Еще более глубоко характеризует в своем «Пережитом и передуманном» внутреннее противоречие, раз'едавшее народников, П. Б. Аксельрод: «Сами не сознавая того, основатели и носители народничества основной очередной задачей движения провозгласили подготовку революции для низвержения сословно-абсолютистского режима. В этом внутренний исторический смысл и историческая задача народничества, хотя сами народники не сумели осмыслить и понять историческую сущность своего направления... Программный боевой лозунг народников «Земля и воля» по своему реальному об'ективному

смыслу обнимал обе части задачи борьбы со старым режимом — и социально-экономическую и политическую: бороться за «землю», т. е. за экспроприацию помещичьих земель в пользу крестьян, значило добиваться уничтожения социального базиса царского самовластия, а борьба за «волю» не могла не быть фактической борьбой против самого абсолютистского режима, охранявшего сословный строй и, со своей стороны, опиравшегося на этот строй. И само собой ясно, что без нанесения смертельного удара старой самодержавной власти, т. е. независимо от борьбы за политическую свободу или «волю», невозможно было завоевать и «землю» для крестьян».

Противоречия, нараставшие внутри «Земли и воли», неизбежно должны были вскрыться; из них надо были найти какой-нибудь выход. «Политикам» надо было добиться расширения программы и изменения тактики общества; народники стремились положить конец уклонам в сторону признания политической борьбы «политиков». Наконец, с общего согласия обе намечающиеся фракции решили устроить общий с'езд «Земли и воли» для разрешения спорных вопросов. С'езд, назначенный первоначально в Тамбове, пришлось вследствие конспиративных условий перенести в Воронеж, где он и состоялся с 21 по 24 июня 1879 г. Но перед Воронежским с'ездом сторонники политического направления созвали предварительный с'езд своих единомышленников в Липецке (Тамбовской губ.), продолжавшийся с 17 по 20 июня. На Липецком с'езде, кроме землевольцев-террористов, присутствовали приглашенные ими Колодкевич, Желябов и Ширяев, не входившие дотого в организацию «Земли и воли», но известные своим политическим направлением и выразившие готовность принять участие в террористической деятельности. Из землевольцев на с'езде присутствовали: А. Михайлов, Морозов, Ошанина-Оловенникова, Баранников, Квятковский, Л. Тихомиров, Г. Гольденберг и Фроленко. Последний, бывший одним из главных организаторов с'езда, так характеризует его задачи: «Дело шло не о разделении землевольцев на две части и не об изменении программы. Новаторы только хотели добиться разрешения продолжать дело Соловьева и желали получить бо́льшую свободу действий, бо́льшую самостоятельность в ведении

подобных дел. Кроме того террористам необходимо было посчитать свои силы, столковаться, спеться, чтобы дружней действовать на общем с'езде».

Руководящую роль на Липецком с'езде играл Желябов, хотя и новый человек среди землевольцев, но сразу выдвинувшийся благодаря своему исключительному ораторскому таланту и широте своего политического кругозора, а также А. Михайлов, главный организатор как «Земли и воли», так и «Народной воли». С'езд не выработал новой программы, хотя на нем живо обсуждались программные вопросы. «Заговор, переворот, захват власти с передачей ее народу, — вспоминает Фроленко, — все это высказывалось, обсуждалось, но все это имело место лишь как мотив, как доказательство у отдельных лиц... С этим мнением можно было соглашаться или нет — это не было обязательно».

Морозов внес свой черновик программы, который всю задачу революционеров сводил к террористической борьбе. Против его примитивной точки зрения выступил с более широкой постановкой вопроса Желябов, встретивший сочувствие большинства. По словам биографа Желябова — Тихомирова, сущность речей Желябова заключалась в следующем: «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это должно бы всецело лежать на тех, кто называет себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются неспособны дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая другая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия вынуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». Ввиду этого мы должны остановиться как на ближайшей цели на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы об'единить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности». По словам Фроленко Желябов рассчитывал, что террористические акты, расширяясь, могут «закончиться или переворотом, захватом

революционерами власти, или, по крайней мере, хоть принуждением правительства пойти на уступки и дать конституцию. Говоря о захвате власти, Желябов всегда оговаривался, что захватывать власть можно лишь с тем, чтобы передать ее в руки народа».

В результате прений по этому вопросу с'езд не принял никакого решения, а после резкой обвинительной речи А. Михайлова по адресу Александра II с'езд признал необходимость выдвинуть в первую очередь задачи низвержения самодержавия и достижения политической свободы посредством террора, и в частности—цареубийства. Приняв по докладу А. Михайлова ряд организационных решений (создание боевого центра с диктаторскими полномочиями, избрание распорядительной комиссии и редакции на случай раскола и т. п.), Липецкий с'езд окончился.

На Воронежском с'езде присутствовало 21 человек. В нем участвовали все члены Липецкого с'езда (кроме Г. Гольденберга), так как на первом же заседании в состав «Земли и воли» были приняты: Желябов, Колодкевич и Ширяев; кроме того на нем присутствовали главные силы народников: Плеханов, Попов, Тищенко, Аптекман, а также колебавшиеся тогда между двумя фракциями Перовская и Фигнер. Соотношение сил на Воронежском с'езде между двумя фракциями было приблизительно одинаковое, и с'езд формально закончился компромиссом, хотя с несомненным уклоном в сторону террористов, главным образом потому, что террористы действовали как сплоченная группа, тогда как народники обнаружили большую растерянность. Первым вопросом, вызвавшим страстные прения, был поднятый Плехановым вопрос о статье Морозова в № 4 «Листка «Земли и воли», восхвалявшей соловьевское покушение и грозившей правительству продолжением террора. Плеханов требовал признания статьи не соответствующей программе общества, но с'езд не принял этого предложения. Тогда Плеханов заявил о своем выходе из общества и удалился из леса, в котором происходил с'езд. После с'езда Плеханов подал письменное мотивированное заявление о своем выходе. При обсуждении поставленного Плехановым вопроса разгорелись генеральные прения. Народники высказы-

вались против террора как по принципиальным мотивам, так и по тактическим соображениям: террор неминуемо приведет к таким репрессиям, которые сделают невозможной никакую работу в народе; взамен политического террора они предлагали расширить программу включением в нее аграрного террора. На указания деревенщиков о необходимости продолжать тактику поселений в деревне и мирной пропаганды Желябов презрительно отозвался: «Какие вы революционеры, — вы просто культурники!»; в ответ на это народники с ужасом говорили: «Да ведь он конституционалист». В устах правоверных народников это слово считалось тогда наихудшим ругательством, и они были поэтому потрясены, когда Михайлов в ответ на вопрос, чего можно добиться террором, отрезал: «Конституции».

Желябов решительно возражал против аграрного террора и поставил ребром вопрос, с кем должна итти и на кого опираться революционная партия. В. Фигнер так излагает его речь: «На кого думает опираться революционная партия? На народ или на либеральную буржуазию, которая сочувствует ниспровержению абсолютизма и водворению политической свободы? Если первое, то уместен и фабричный и аграрный террор. Если же мы хотим искать опоры среди промышленников, земцев и деятелей городского самоуправления, то подобная политика оттолкнет от нас этих естественных союзников. В Черниговской и Таврической губерниях, в Киеве и Одессе есть деятели, которые ввиду общности политических целей ищут сношений с революционной партией». Однако на вопрос Желябова «последовал единодушный ответ, что мы будем опираться на народные массы и сообразно с этим строить свою программу — теоретическую и практическую».

Итак, мы видим, что еще до образования «Народной воли» один из будущих ее вождей, Желябов, выдвигал перед партией *общенациональную* задачу низвержения самодержавия, которой подчинял классовые интересы отдельных групп народа. Это шло вразрез с воззрениями народничества и потому Желябов остался одиноким на Воронежском с'езде, но практика «Народной воли», чем дальше, тем больше шла по пути, предуказанному ей Желябовым, вопреки всем предвзятым теориям.

Другой свидетель той эпохи, Аксельрод, передает свой разговор с Желябовым в начале 1880 г., в котором последний высказывался следующим образом: «Единственная наша задача в данный момент—это добиться демократической конституции. Для этого нам необходимо сочувствие общества. Мы должны поэтому избегать таких шагов (речь шла о предполагаемом черноперединьцами акте фабричного террора), которые могли бы оттолкнуть от нас либеральные круги»[1]). А по вопросу о стихийном крестьянском восстании Желябов говорил Аксельроду: «Я вышел из крестьян и знаю народ; крестьянское восстание вызвало бы лишь хаос в стране; вам трудно представить себе, какое зверство, какая дикость проявились бы у нас в момент общего бунта». Не следует, однако, думать, что Желябов был «ненавистником» крестьян; напротив того, сам выходец из крестьянской среды, он был сторонником демократической конституции именно потому, что она впервые даст «возможность длительной систематической работы среди крестьян». По словам Тихомирова Желябов говорил: «Я знаю много очень умных, энергичных общественных мужиков, которые теперь сторонятся от мирских дел, потому что крупного общественного дела они себе не выработали, не имеют, а делаться мучениками из-за мелочей не желают: они люди рабочие, здоровые, прелесть жизни понимают и вовсе не хотят из-за пустяков лишиться всего, что имеют. Конституция дала бы им возможность действовать по этим мелочам, не делаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дело. А потом, выработавши себе крупный общественный идеал, не туманный, как теперь, а ясный, осязательный, и создавши великое дело — эти люди уже ни перед чем не остановятся, станут теми героями, каких нам иногда показывает сектантство. Народная партия образуется именно таким образом». Чуткий политик, хорошо знавший народ, Желябов формулировал для новой слагающейся партии ту именно задачу, которая выдвигалась жизнью после освобождения крестьян: полное экономическое

[1]) Плеханов тоже утверждает, что Желябов призывал к отказу от классовой борьбы и экономических стачек, могущих «отпугнуть» либеральную буржуазию от революционеров, ведущих политическую борьбу.

раскрепощение крестьянства как цель и демократическая конституция как кратчайшее средство к этой цели.

После ухода Плеханова участники Воронежского с'езда согласились на компромиссе. Было решено сохранить прежнюю программу и название «Земля и воля», но программа была пополнена пунктом об аграрном терроре (уступка деревенщикам). Вместе с тем было решено усилить террористическую деятельность и поддержать группу («Свобода или смерть»), поставившую целью цареубийство. Это была победа «политиков», но для удовлетворения другой стороны было постановлено затрачивать на террор не более одной трети всех средств партии, оставляя две трети на деревенскую работу. На террористический уклон с'езда оказало, вероятно, влияние оглашенное Морозовым письмо-завещание В. Осинского, написанное перед казнью. «Мы не сомневаемся, — писал этот родоначальник политического террора в России, — в том, что ваша деятельность *теперь* будет направлена в *одну* сторону. Ни за что более, по-нашему, партия физически не может взяться. Но для того чтобы серьезно повести дело террора, вам необходимы люди и средства».

Достигнутое соглашение оказалось непрочным: слишком велики были разногласия, разделявшие обе фракции. После с'езда «политики» стали устраивать совещания, на которых все резче оформлялось их чисто террористическое направление, а народники, подкрепленные на с'езде принятием в «Землю и волю» приехавших из-за границы Стефановича, Дейча и Засулич, стали строить новые планы о возобновлении деревенской работы. Обе фракции тянули общество в разные стороны, и работа становилась невозможной благодаря трениям, начавшим переходить на личную почву. Тогда, по словам Дейча, «Желябов, Михайлов, Квятковский, Зунделевич и Тихомиров внесли предложение разделиться. Наша фракция (народники) охотно приняла это предложение, признав, что полюбовный раздел лучше доброй ссоры».

Согласно заключенному соглашению общество «Земля и воля» прекращало свое существование, и ни одна из фракций не имела права называться его именем; материальные средства делились поровну; обе фракции обязывались оказывать

друг другу взаимную поддержку (что фактически и имело место).

Фракция народников образовала группу «Черный передел», фракция политиков-террористов — партию «Народная воля», или, как образно выразился Морозов, «черноперелельцы взяли «землю», а мы «волю», и каждая фракция пошла своей дорогой».

«Земля и воля» перестала существовать. Ее место заняла «Народная воля». «Черный передел», просуществовав два года, сошел со сцены, не проявив значительной деятельности, тогда как «Народная воля» вписала свое имя неизгладимыми буквами в историю революционной борьбы в России благодаря героизму ее деятелей и смелым актам борьбы, приковавшим к себе внимание не только русского общества, но и Европы.

Глава четвертая.

ПРОГРАММА, ИДЕОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

Сплотившиеся в тесную группу на Липецком и Воронежском с'ездах, революционеры об'единились не вокруг определенной теоретической программы, а на почве вопросов *тактики:* признания террора и цареубийства. Вопросы программы стали обсуждаться после Воронежского с'езда на совещаниях будущих народовольцев в Лесном, под Петербургом, в квартире Квятковского и С. Ивановой, а потом в самом Петербурге в квартире Квятковского и В. Фигнер. Первоначальный проект программы Морозова с его наивной верой в чудодейственную силу террора не удовлетворил никого, и программу было поручено выработать Льву Тихомирову. Последний со свойственной ему гибкостью и уменьем примирять разногласия, сделавшими его присяжным литератором «Народной воли» и автором всех ее официальных документов, представил проект программы, который удовлетворил всех, был принят и опубликован как «Программа Исполнительного комитета «Народной воли». Документ этот фактически стал официальной программой новой партии вместе с брошюрой «Подготовительная работа партии Народная воля», составленной в следующем году тем же Тихомировым (возможно, что при участии Желябова).

Программа начинается с изложения принципиальных убеждений народовольцев, их конечной цели (программа-максимум) и в этой части повторяет программные положения «Земли и воли». Эта часть гласит: «По основным своим убеждениям мы—социалисты и народники. Мы убеждены, что толь-

ко на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а стало быть, и прогресс. Мы убеждены, что только *народная воля* может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно через сознание и волю народа.* Народное благо и народная воля — два наших священнейших и неразрывно связанных принципа».

Здесь нет ни одного слова, к которому могли бы придраться правоверные народники: тут и социализм как конечный идеал и сознание («сознанные народом интересы»), благо и воля народа как верховный критерий [1]). Обрисовав экономическое и политическое положение народа, программа переходит к роли *государства*, которому, согласно народническому мировоззрению, приписывает решающую роль в эксплоатации народа: «Государство составляет в стране капиталистическую силу, оно же составляет единственного политического притеснителя народа, благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией... Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает та-

---

[1]) Интересно указание В. Фигнер, что вместо слов «мы, социалисты и народники» Желябов предлагал поставить: «*мы, социал-демократы*», доказывая, что в переводе на русский язык это означает то же самое. Желябов, меньше всех зараженный народническими предрассудками или ранее других освободившийся от них, представлял в «Народной воле» реалистическое, европейское направление. Его предложение было отвергнуто. Вера в российскую самобытность была слишком сильна у народовольцев. К тому же слова «социал-демократы» напоминали германскую социал-демократию, которая русскими революционерами считалась нереволюционной и оппортунистической партией. Из всех народовольцев один только А. Зунделевич считал себя социал-демократом в немецком смысле, но и он для России мыслил себе политическую борьбу исключительно в виде террора.

кие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами». Эти последние заключаются в «праве народа на землю, общинном и местном самоуправлении, зачатках федеративного устройства, свободе совести и слова». Только правительственный гнет мешает развиваться народу в направлении к социализму.

Начиная со следующего раздела (В), программа соскакивает с народнических рельс, по которым до того шла, и вносит чуждые традиционному народничеству взгляды. «Как социалисты и народники мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-первых, что развитие народа отныне будет итти самостоятельно, согласно его собственной воле и наклонностям; во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу».

Итак, ближайшей целью партии является свержение самодержавия и завоевание политической свободы (ересь — с народнической точки зрения) в интересах скорейшего достижения социализма. Народная воля может быть «достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли (уступка былому анархическому федерализму.—*В. Л.*), но единственно в настоящее время возможная на практике... Таким образом наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и пересмотреть их согласно инструкциям от избирателей».

Итак, конкретный политический лозунг — Учредительное собрание — был найден. Выдвигая его, народовольцы становились на почву политического реализма и из народников — доктринеров социализма — превращались в действительную *политическую партию.*

Заявляя о своей готовности подчиниться воле Учредительного собрания, программа перечисляет далее требования, которые партия будет отстаивать на выборах и в самом Учредительном собрании. Требования эти: «1) постоянное народное представительство, имеющее полную власть во всех общегосударственных делах; 2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа; 3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы; 4) принадлежность земли народу; 5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики; 6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации; 7) всеобщее избирательное право без сословных и имущественных всяких ограничений; 8) замена постоянной армии территориальной».

В этих требованиях причудливо переплетаются, как это было и в программе «Северного русского союза рабочих», положения программы-максимум (пп. 4 и 5) с программой-минимум. Но в общем программа в этой части имеет демократический характер с социалистической окраской.

Последний раздел программы (Д) посвящен *деятельности* партии. На первом месте поставлена деятельность «*Пропагандистская и агитационная*». В момент своего возникновения «Народная воля» не стояла еще на морозовской точке зрения исключительного терроризма, считая, что главные силы должны затрачиваться на пропаганду и агитацию (точка зрения Желябова и А. Михайлова). От народников народовольцев отличает здесь только содержание пропагандистско-агитационной деятельности. «Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею *демократического политического переворота* как средства *социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии.* Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды». Агитация преследует те же цели, вызывая «со стороны народа и общества протесты против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного собрания», посредством

«сходок, демонстраций, петиций, тенденциозных адресов, отказа от уплаты податей и пр.».

На втором месте программа ставит «деятельность разрушительную и террористическую». Последняя, как и у землевольцев, имеет преимущественно оборонительное и отчасти агитационное значение; в ней пока еще не видят средства непосредственной борьбы и давления на правительство. «Террористическая деятельность имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы». Далее, в качестве задач партии, указываются: «организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра», «приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе».

Последние два пункта этого раздела, особенно важные с точки зрения нового направления, относятся к организации переворота и созыву Учредительного собрания. Первый из них гласит: «Ввиду придавленности народа, ввиду того, что правительство частыми усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее». Здесь народничество с его лозунгом «все посредством народа» решительно заменяется заговорщической тенденцией переворота сверху, силами революционной партии. Правда, последний пункт несколько смягчает якобинско-бланкистский характер предыдущего, заявляя что «каким бы образом ни произошел переворот — как результат самостоятельной революции или при помощи заговора — обязанность партии — способствовать немедленному созыву Учредительного собрания и передаче ему власти временного правительства, созданного революцией или заговором».

Таково содержание «Программы Исполнительного комитета». В ней еще очень много от старого народничества как в формулировке основных задач партии, так и в понимании «народной воли» как демократического принципа, как воли

большинства народа. Но в ней есть уже новые элементы, свидетельствующие о большом шаге вперед в развитии русской революционной мысли. Это ее резко выраженный *политический* характер, постановка конкретных политических задач, выдвигание террора и идея государственного переворота, из которой пока еще не делается логического вывода о *захвате власти* революционной партией. Бакунинско-народнические идеи еще не окончательно вытеснены у народовольцев ткачевским якобинизмом.

В «Запечатленном труде» В. Фигнер справедливо указывает что «в программе «Народной воли» не говорится о захвате власти партией, а лишь о временном правительстве, в том промежуточном звене между низвержением царизма и водворением на его место народного правления, без которого не может обойтись никакое революционное изменение государственного строя». Она рассказывает, как на одном из собраний С. Перовская и Ланганс резко напали на Желябова за проявленный им по какому-то случаю «якобинизм». «Да и все мы были недовольны, — прибавляет Фигнер, — так как не признавали себя якобинцами. Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о *декретировании* революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории».

Но уже в брошюре «Подготовительная работа партии» якобинская идея захвата власти получила довольно заметное выражение. Основные положения брошюры сводятся к следующему: «Уничтожение ныне существующей правительственной системы может произойти, конечно, весьма различными путями. Может быть, например, одряхлевшее правительство, не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу... Может быть, также правительство, не сдаваясь вполне, даст, однако, настолько свободную конституцию, что для партии будет выгоднее отсрочить восстание с тем, чтобы, пользуясь свободой действий, возможно лучше организоваться и укрепиться. Но все подобные соображения нисколько не отрицают необходимости *теперь*, в настоящее время, готовиться к *восстанию*, ибо, во-первых, всякие уступки, мелкие или крупные мыслимы со стороны правительства только тогда, если оно

будет к этому *вынуждено;* во-вторых, никаких существенных уступок со стороны правительства может очень легко и не быть (и гораздо вероятнее, не будет). Поэтому *партия должна подготовляться именно к восстанию;* если же оно, паче чаяния, окажется излишним, то тем лучше: собранные силы пойдут тогда на мирную работу». Партия должна воспользоваться любым благоприятным для себя и неблагоприятным для правительства моментом, чтобы начать восстание, но такой момент может не наступить. И тогда «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, — приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями». Захват власти может оказаться успешным при поддержке партии в столицах рабочими, сочувствии провинции и т. д. Увлечение террористическими предприятиями за время, протекшее между составлением программы и «Подготовительной работы», оказало свое влияние: террору придается гораздо бо́льшая творческая сила; роль «критической личности», вооруженной бомбой, переоценивается настолько, что вытесняет совершенно значение самодеятельности народа.

«Подготовительная работа партии» подробнее, чем программа, останавливается на организационных задачах, на местных и специальных организациях партии (для работы в армии и среди рабочих) [1]). Деятельности среди рабочих придается особенно важное значение, формулированное таким образом:

«Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими

---

[1]) Относительно крестьянства брошюра говорит: «Не ведя массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии». Неудача «хождения в народ» и землевольческих опытов отбили у народовольцев всякую охоту к работе в крестьянских массах.

связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания иметь возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы, — это уже наполовину обеспечит успех дела. С другой стороны, городские рабочие в силу своего положения явятся представителями чисто народных интересов, и от их более или менее активного отношения к восстанию, к мерам временного правительства, к самому составлению временного правительства значительно зависит весь характер движения и степень полезности революции для народа».

Рабочие в приведенной выдержке рассматриваются главным образом как физическое орудие революционной партии, как своего рода «пушечное мясо» при низвержении правительства. С выше приведенной точки зрения «городское рабочее население имеет особенно важное значение для революции», а не революция имеет значение для рабочего класса. Эта точка зрения очень далеко отходит назад от отношения к рабочим чайковцев, «Всероссийской социально-революционной организации» и землевольцев.

Столь же служебное значение для переворота имеет для народовольцев работа в армии. «Значение армии для переворота, — говорит «Подготовительная работа», — огромное. Можно сказать, что, имея за собой армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа. При настоящих условиях, однако, пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействовать на *офицерство*: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию. Между тем в момент переворота, конечно, никто не может склонить солдат на сторону восстания лучше, чем популярный офицер, обращающийся к своим солдатам с соответственными указаниями и предложениями. Наконец, если бы дух роты или батальона не допускал такого обращения, то командир все-таки может повести солдат не туда, куда приказано, может их удержать от пальбы, заставить отступить, деморализовать бесцельными переходами и т. п.».

Приведенный отрывок в высшей степени характерен для психологии партии, главную свою задачу видящей в заговоре

с целью захвата власти. Офицерство, несмотря на свою социальную сущность, представляется для нее более важным элементом при предстоящем перевороте, чем солдатская крестьянская масса. Сознательности последней не придается значения, ибо при наличии «своих» офицеров можно заставить ее действовать в интересах революции, помимо ее воли и сознания.

Заключительная часть «Подготовительной работы» кратко говорит о работе среди интеллигенции и молодежи и о воздействии на общественное мнение Европы.

«Программа Исполнительного комитета» и «Подготовительная работа партии» сами по себе не дают полного представления об идеологии «Народной воли». Необходимо поэтому остановиться еще на руководящих статьях в центральном органе партии «Народная воля», редактировавшемся Л. Тихомировым, и на некоторых официальных заявлениях представителей партии, которые в силу подпольных условий ее существования могли делаться открыто только на судебных процессах, где народовольцы подводили итог своей деятельности и излагали свой политический символ веры.

В передовых статьях первых номеров «Народной воли» проводятся две основные мысли: 1) необходимость для социально-революционной партии вести политическую борьбу с правительством; 2) политический переворот не может не сопровождаться в России широкими социальными и даже социалистическими реформами, ибо в силу искусственности российского капитализма главной поддерживающей его силой является самодержавие, с падением которого падут препятствия к осуществлению «народных идеалов».

В № 1 «Народной воли» (от 1 октября 1879 г.) мы читаем: «Наше правительство — не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организация иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве, даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплоататорских классов». Партии приходится стать на путь политической борьбы, потому что правительство «об'являет нам войну». Вопрос ставится так: «Возьмем ли мы на себя инициативу проти-

воправительственного похода и политического переворота, или будем по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед? В первом случае мы будем, несомненно, иметь в движении свою долю влияния, и если не достигнем полного освобождения народа, то по крайней мере добьемся признания верховной власти его, дадим ему влияние на весь существующий порядок вещей, санкционируем существование доброжелательных народу направлений, добьемся того, что служение народу не будет синонимом государственного преступления... Допустивши совершение политического переворота без своего воздействия, наша партия осудит себя, может быть, на целые столетия тяжелой подготовительной работы». Не верно, что, борясь за политическую свободу, партия загребает своими руками жар для буржуазии; напротив, «именно, устранившись от политической борьбы, мы подготовляем победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстоять для народа».

В передовой № 2 «Народной воли» «философия истории» Тихомирова получает дальнейшее развитие. «История,—пишет он, — создала у нас на Руси две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию. Другие социальные группы и поныне у нас имеют самое второстепенное значение». Буржуазия наша только нарождается и не представляет класса, сознающего свои интересы. Если произойдет переворот, «буржуазия наша так же сойдет со сцены, как сошло дворянство, потому что она, в сущности, создается тем же государством... У нас не государство есть создание буржуазии, как в Европе, а, наоборот, буржуазия создается государством [1]). По-

[1]) Осенью 1881 г. в № 6 «Народная воля» писала, что без поддержки правительства «Разуваев (кулак) не может победить мужика, не может искоренить общинно-социалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь. Но, с другой стороны, и мужицкий строй, без поддержки государства, с Разуваевым не справится». И в другом месте той же статьи: «Русская буржуазия остается до сих пор хищником; капитализм, как система производства, не имеет у нас даже будущности и выражается не в социализации труда, а в простом разобщении народа от орудий труда».

этому в России «политические и экономические реформы становятся совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот». Осуществив государственный переворот и свергнув самодержавие, революционная партия созовет Учредительное собрание. «В этом Учредительном собрании 90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии. Что может постановить такое собрание? В высшей степени вероятно, что оно дало бы нам полный переворот всех наших экономических и государственных отношений; мы знаем, как устраивался наш народ всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в сибирских раскольничьих поселениях — везде, где устраивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями, мы знаем вечный лозунг народных движений. Право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного миросозерцания. И нет в России такой силы, кроме государства, которая имела бы возможность с успехом становиться поперек дороги этим принципам. Устраните государство, и народ устроится, может быть, лучше, чем мы даже можем надеяться».

Тихомиров со свойственной ему ловкостью примиряет, казалось бы, непримиримое: бакунистские представления о социалистическо-федералистических идеалах крестьянства и принцип самодержавия народа (90% крестьян в Учредительном собрании, устанавливающие социализм) с задачей революционной партии собственными силами устранить самодержавие, мешающее этой самодеятельности [1]). И статья эта заканчивается совсем уже в духе Ткачева: «Или союз с государством и совместное с ним задушение буржуазии в самом зародыше, или — так как этот союз, очевидно, нелепейшая из нелепостей — борьба с государством... с определенной целью, с непременным результатом — возможно скорейшей передачи государственной власти в руки народа, пока еще не поздно, пока есть

[1]) «Наша задача — освободить народ и сделать его верховным распорядителем своих судеб». (Из воззвания «Исполнительного комитета» от 23 ноября 1879 г.)

шансы на то, что власть перейдет действительно к нему. Теперь или никогда — вот наша дилемма».

В передовой статье № 4 (декабрь 1880 г.) в связи с поразившим Россию голодом утверждается, что ввиду всеобщего недовольства радикальное изменение государственного и политического строя «является вопросом ближайшего дня». «Партия должна взять на себя почин политического переворота, не ожидая стихийного, массового движения и не рассчитывая исключительно на движение снизу, вызванное по инициативе и силами организации в народе». Что же должна делать партия, захватив власть? — спрашивает автор. — Должна ли она воспользоваться ею, чтобы установить новый государственный строй и провести необходимые реформы? «Нет, — отвечает он.— Только в самом несчастном случае, только тогда, если народный организм не проявил уже ни одной искры жизни — можно было бы признать такую деятельность. В обыкновенное же время для партии было бы обязательным употребить приобретенные власть и средства на то, чтобы революционизировать всю Россию — призывать повсюду народ к захвату власти и осуществлению его заветных желаний, помогать ему в этом всеми силами и свою центральную власть держать в руках исключительно для того, чтобы помочь сорганизоваться народу». Стыдливый якобинизм Тихомирова находит для себя лазейку в случае отсутствия «искры жизни» в народе. Стоит потерять остаток веры в эту «искру жизни» — а это именно произошло с упадком революционного движения и общественного под'ема — и Тихомиров превратится в якобинца на все 100%.

Наконец, спустя год после убийства Александра II в 8—9 номере «Народной воли» (от 5 февраля 1882 г.) единственной целью партии выставляется *заговор* и только заговор: «Теперь наша *непосредственная* задача — организация заговора с целью ниспровержения существующего государственного строя. Предшествующая деятельность партии приблизила эту задачу. В настоящее время работа партии «Народной воли» направлена главным образом к тому, чтобы соединить все активно-протестующие силы, сплотить их в крепкую централистическую организацию, способную взять на себя инициативу

восстания в решительный момент, а до той поры — успешно вести заговорщическую деятельность, несмотря ни на какие преследования». И рядом с этим еще резче, чем раньше, проявляется якобинская тенденция; если, говорится в статье, «обстоятельства сложатся менее благоприятно» и при государственном перевороте народ не «сумеет совершить революцию в экономической сфере», то «временное революционное правительство рядом с политическим освобождением народа, рядом с установлением новых политических учреждений, производит экономический переворот: уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства. Тогда на созванный Земский собор явятся истинные представители народа, освобожденного политически и экономически, и народная жизнь станет регулироваться неподтасованною *народною волей*». Вера в «искру жизни» народа окончательно исчезла, и на сцену появляется ткачевская «революционная власть», декретами устанавливающая социализм.

Несколько особняком стоят в «Народной воле» статьи Н. К. Михайловского «Политические письма социалиста», под псевдонимом Гроньяр («Ворчун»). Михайловский не был членом партии «Народная воля», но в период ее расцвета стоял к ней близко, поддерживал связи с ее вождями и оказывал ей литературные и иные услуги. Пережив полосу народничества с его отрицанием политической борьбы, он к концу 70-х годов потерял всякую веру в народную революцию, даже стал опасаться последней, сделался горячим приверженцем борьбы за конституцию и приветствовал тактику «Народной воли», полагая, что она содействует сближению революционеров с либералами и вынудит правительство к уступкам. В первом своем письме Михайловский возражает тем противникам конституции, которые боятся, что она принесет господство буржуазии: «Вы боитесь конституционного режима в будущем, потому что он принесет с собой ненавистное иго буржуазии. Оглянитесь: это иго уже лежит над Россией... У русского гербового орла две головы, два жадных клюва. Один рвет тело русского народа с династическо-военно-полицейскими целями, для расширения и содержания в повиновении окраин и для сохранения декорума деспотической вла-

сти. Вы не довольно ненавидите этот беспощадный безумный «железный нос» и не довольно любите терзаемый им русский народ, если отказываетесь от политической борьбы. Вы живете теорией и будущим, когда практика и настоящее ужасны. Но вы и в теории ошибаетесь: у гербового орла *два* хищных клюва, они связаны единством ненасытного желудка... Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных приватных карманов жадными приватными руками. Сорвите эту, когда-то пышную, а теперь из'еденную молью порфиру, и вы найдете вполне готовую, деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоятельные политические формы, она прячется в складках царской порфиры, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достояния и присвоения народного труда».

Итак, Михайловский, в отличие от Тихомирова, признает нарождение в России буржуазии, но и он не свободен от представления о нераздельности интересов буржуазии и самодержавия и о преимуществах самобытного русского пути развития перед европейским. «В Европе, — пишет он, — политическая свобода была провозглашена уже после того, как сложилось крепкое, организованное, умственно и материально сильное третье сословие. В этом горе Европы и урок нам. У нас политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чем буржуазия настолько сплотится и окрепнет, чтобы не нуждаться в самодержавном царе». Конституция не разрешит, конечно, социального вопроса, но «разве вы хотите завтра же сложить руки? Разве вы устали бороться?» Борьба за социализм будет продолжаться и при конституции. Но «не будем жертвовать сегодняшней борьбой ради завтрашней. Или не довольно широко ваше сердце, чтобы обнять одною ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись в двуглавого орла с одним желудком? Бейте же по обеим головам кровожадной птицы». Борьба за конституцию должна вестись под старым лозунгом «Земли и воли»: «Одной половиной его — «волей» — вы примыкаете ко всем уважающим себя людям, которым ненавистно самовластие; другая половина — «земля» — выделяет вас из общего

либерального хора. Глубокий политический смысл заключается в этой двойственной формуле: воля всем, земля земледельцу».

Во втором «Политическом письме» Михайловский подробно останавливается на отношении революционеров к либералам и говорит: «Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия об'явите им свой святой девиз — «Земля и воля». Они к вам пристанут, а не вы к ним. В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И признаюсь вам: я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условий русской жизни». Более чем кто-либо другой, Михайловский понял истинную сущность «Народной воли», об'ективный исторический смысл ее существования. Но при всем том в его душе продолжал сидеть русский народник-утопист: по его мнению при политической свободе нетрудно будет установить принцип «принадлежности земли земледельцу», который «живет не только в душе народа, но в сознании каждого порядочного интеллигентного человека». И все-таки Михайловский обнаруживал больший политический реализм, чем Тихомиров, понимая, что политический переворот не будет сопровождаться социальной революцией, что между ними будет лежать какой-то промежуточный период.

Показания народовольцев на следствии и суде главным образом касаются отношений партии к террору, поскольку главным обвинением против них была их террористическая деятельность. Но попутно они затрагивают и другие программные вопросы.

В своей речи на процессе по делу 1 марта Желябов решительно отвергал обвинение народовольцев в анархизме. «Мы — государственники, не анархисты... Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы». Задачей партии является, по его словам, «путь насильственного переворота путем заговора и для этого организация революционных сил в самом широком смысле». Террор — только *одно* из средств политической борьбы. Отмежевываясь от чисто

террористических взглядов Морозова, выраженных им в написанной совместно с Тарновским (Романенко) брошюре «Террористическая борьба», Желябов заявил: «Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства. Для нас в настоящее время отдельные террористические акты занимают только одно из мест в ряду других задач». Более подробно чем Желябову удалось охарактеризовать взгляд народовольцев на задачи политической борьбы А. Михайлову. В своем письменном показании он весьма отчетливо охарактеризовал эволюцию народничества в следующих словах: «Как ни уклонялись русские социалисты в продолжение почти 8 лет от столкновения с централизованным политическим строем, как ни пугала их возможность быстрого роста буржуазии, а с нею и всех зол капиталистического строя, при конституционном правлении, в конце концов оказалось необходимым выдвинуть на первый план политическую свободу и народоправление. В таком постепенном видоизменении направления русских социалистов нельзя не видеть национализирования их идей. Выступив с светлой теорией против нищеты и порабощения народа, они борьбой и обстоятельствами были приведены к определению существеннейшей в данный момент истории потребности своей родины: *политические права народу, с помощью их он себя устроит*. Этот лозунг—уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина». В числе средств борьбы с «абсолютным монархическим принципом и с олицетворявшим его центральным правительством», говорит Михайлов, был «не один террор; как средства намечались многообразные действия. Но террор считался как одно из главных средств». А на суде он говорил: «Борьба должна была вестись силами партии «Народной воли» и ее организации, при желательном содействии народа и общества. В главные средства включено было и цареубийство, но не как личная месть тому или иному императору, а непременно в связи с другими главными средствами. Революционный путь постановлено было оставить, как только от-

кроется возможность приблизиться к цели посредством свободной проповеди, свободных собраний, свободной печати».

Желябовско-михайловское понимание задач партии, как видим, равно далеко как от чисто террористической идеологии Морозова, так и от якобинизма Тихомирова; оно во многом приближается к взглядам Михайловского.

Характерно, что когда на первом процессе народовольцев, на процессе шестнадцати в 1880 г., двое из обвиняемых, Квятковский и Ширяев, заявили, что террор «составляет второстепенную, если не третьестепенную часть программы» партии и служит «охранению членов партии, а не достижению ее целей», являясь неизбежной реакцией на белый террор правительства, Тихомиров в № 4 «Народной воли» счел необходимым указать на несолидарность партии с таким пониманием в следующих выражениях: «Место, отводимое террору как непосредственному нападению на правительство силами организации, не вполне соответствует теперешнему представлению о нем как средстве для достижения задач партии... Наши товарищи не имели, к несчастью, возможности наблюдать за ростом партии и действием террора на сознание народных масс... Кто станет теперь отрицать, что террор помогает организационной работе, пробуждая ум и чувства народа и интеллигенции? Кто станет отрицать, что дезорганизация правительства в крупнейших административных центрах помогла бы начавшемуся восстанию и облегчила бы победу народа?»

Еще более характерным фактом является заявление на суде сопроцессника Михайлова, Баранникова. «Главная, ближайшая цель партии «Народная воля», — говорил он, — политический и экономический переворот в России, ниспровержение существующего правительства или путем заговора, силами партии, или же путем самостоятельного широкого народного антиправительственного движения, к которому присоединится партия; *первая форма, конечно, предпочтительнее, ибо партия в этом случае как в минуту борьбы, так и после победы будет пользоваться бо́льшим авторитетом*». В отличие от Михайлова и Желябова, которые в партии хотели видеть лишь авангард борющегося с правительством народа и общества, для Баранникова захват власти предпочтительнее народного вос-

стания, ибо придает партии больше «авторитета». Отсюда нетрудно сделать самые крайние якобинско-ткачевские выводы о партии, собственными силами захватывающей власть и благодетельствующей народ социалистическими мероприятиями.

Несмотря на такие отдельные отклонения от общей линии, до 1882 г. большинство народовольцев твердо стояло на михайловско-желябовской позиции, высказываясь против якобинской тенденции, проводимой в ИК [1]) главным образом Тихомировым и Ошаниной, убежденной якобинкой. «Никогда, — утверждает Фигнер, — у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований. При чем иначе была бы народная воля, взятая нами как девиз и знамя партии?»

То же говорит и А. П. Корба, заявляя, что Исполнительный комитет стоял за безусловное подчинение воле Учредительного собрания, даже если бы оно высказалось за монархию, «при сохранении за партией права пропаганды республиканской идеи».

Это демократическое настроение особенно заметно в речах народовольцев на процессе 17-ти (1883 г.), вполне соответствуя точке зрения знаменитого письма ИК к Александру III, о котором мы еще будем говорить. Так, напр., Теллалов говорил: «Не разрушения государства и тем более экономического строя желаем мы, а лишь осуществления совокупности всех тех политических условий, при которых свободно может быть выражена воля нашего народа. Путем ли Земского собора или Учредительного собрания — пусть будет созван народ, пусть свободно выскажет свои желания, и да будет воля вольного народа. Отдавая страдальцу-народу весь наш труд и самую жизнь нашу, мы мысленно, правда, дорожим и оставляем за собой право пропаганды и даже, быть может, анархических идей, но вперед отказываемся (при изменившихся условиях) от всякого насилия, от организации каких-либо народных бунтов, и обратимся к тем законным средствам, которые доступны

---

[1]) Исполнительный комитет партии «Народной воли» будет обозначаться дальше буквами ИК.

всякому русскому гражданину». В том же смысле высказался С. Златопольский и другие участники того же процесса.

Подобно Корбе, и другие народовольцы считались с возможностью, что выраженная в Учредительном собрании народная воля выскажется в пользу монархии. А. Михайлов успокаивал себя тем, что роль монарха была бы в таком случае «чисто почетной и во всяком случае вполне ограниченной народными представителями народной Думы». А Фигнер еще определеннее заявляла на суде в 1884 г.: «Собственно, я не придаю практического значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия. Я думаю, можно мечтать и о республике, но воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к которой общество окажется подготовленным».

В заключение мы приведем взгляд Перовской на захват власти и террор, как излагает его на основании беседы с ней С. Иванова [1]). Вот что говорила Перовская Ивановой: «Принцип захвата власти никогда не выдвигался в качестве основного пункта программы. Наши цели и тактика не имеют ничего общего с якобинским принципом и с идеей о насильственном разрешении сверху главных вопросов общественной жизни, о навязывании народу тех или иных социально-политических форм. Наш девиз—«Народная воля»—не является пустым звуком, а действительно выражает сущность нашей программы и наших стремлений. За собой мы оставляем лишь одно безусловное право — право свободной пропаганды своих идей, а во всем остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной свободно». Захват власти революционерами может обеспечить создание такой обстановки, при которой эта воля сможет наиболее свободно выразиться. «В этом смысле и следует понимать пункт, трактующий о захвате власти»... « Возведя террор в систематический прием борьбы, партия пользуется им как могучим средством агитации, как наи-

---

[1]) Перовская долго колебалась, прежде чем примкнула к «Народной воле»; ее народнические убеждения тянули ее к черноперед ельцам, и только отсутствие у них работы в деревне окончательно толкнуло ее в ряды «Народной воли» и заставило все силы отдать террору.

более действительным и выполнимым средством дезорганизовать правительство и держать его под дамокловым мечом, принудить к действительным уступкам».

Прежде чем перейти к практической деятельности «Народной воли», надо остановиться на ее организационной структуре, на типе ее организации.

«Народная воля» как партия политического заговора естественно должна была выработать тип строго конспиративной централизованной организации, построенной по принципу подбора сверху и подчинения низших ячеек высшим. Зародыш такой централизованной организации представляло общество «Земля и воля». Во главе партии стоял *Исполнительный комитет партии «Народная воля»*. В первом же заявлении о своем возникновении от 12 сентября 1879 г. ИК заявлял: «Во избежание недоразумений ИК заявляет, что он никогда не был учреждением, члены которого выбирались *всею* социально-революционной партией, и что в настоящее время он является совершенно самостоятельным в своих действиях тайным обществом». Заимствуя свое название от ИК Осинского, народовольческий ИК заимствовал у него и свое отношение ко всей революционной партии. Но фактически отношения сложились совершенно по-другому, и ИК «Народной воли» вскоре превратился в действительный центр партии, руководивший всей ее деятельностью, в настоящий ее центральный комитет. Наряду с ИК существовали «местные группы» партии. Согласно брошюре «Подготовительная работа партии» в задачу местных групп входило в целях подготовки восстания: 1) занятие постов в администрации и войске; 2) влияние на крестьянство; 3) влияние на либералов и конституционалистов; 4) собирание материальных средств; 5) ознакомление с областью. Но так как очень скоро обнаружилось, что восстание откладывается в туманную даль, то деятельность местных групп свелась на деле к распространению изданий партии, пропаганде ее идей среди рабочих, интеллигенции, офицерства и «общества», к собиранию материальных средств и содействию последними, а также личными силами, начинаниям центра. Права и функции каждой местной группы определялись специальными уставами.

По словам Ошаниной член ИК, «организуя местную группу, не говорил о своих отношениях к комитету, а старался заставить членов группы принять постепенно программу комитета и стать к нему в обязательные организационные отношения. Эти организационные отношения состояли в общем в том, что группа обязывалась не заниматься террором, не издавать своего органа без разрешения комитета, обязываясь давать в его распоряжение часть своих денежных средств, свои связи и даже своих членов. В остальных местных делах группа была самостоятельная, хотя обязывалась давать комитету отчет о своих делах через одного из своих членов, выбранных самой группой (разумеется, выбирался большей частью член группы, бывший в то же время тайным или иногда явным агентом комитета)». Хотя местные группы и не играли особенно активной роли в центральной террористической деятельности ИК, но они много сделали для популяризации идей «Народной воли» и содействовали созданию вокруг нее сочувственной атмосферы, без которой ее деятельность была бы невозможна. Поэтому не прав, напр., В. Богучарский, который в своей книге «Из истории политической борьбы» всю народовольческую партию сводит к двум-трем десяткам членов ИК, его ближайших агентов. Местные группы «Народной воли» находились во всех крупных русских городах: Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Ростове, Казани, Воронеже, Саратове, Ярославле и др. По указанию Якимовой «общая численность действовавших под руководством ИК местных групп была не менее двенадцати, кроме специальных групп по отдельным предприятиям и военных, а общая численность лиц, входивших в эти группы и через них тесно связанных с ИК, достигала в 1881 г. до 500 человек».

В. Фигнер указывает, что «осень» 1880 г. и начало 1881 г. были временем усиленной пропаганды и организационной работы партии. К этому времени относится заведение обширной связи с провинцией, организация местных групп, подробная выработка плана действий по отдельным местностям; агенты комитета занимались раз'ездами по определенным районам или были командированы для постоянного пребывания в главнейших пунктах империи... Усиленное распространение органа

«Народной воли», устная пропаганда программы Комитета, а главное, громкие эпизоды борьбы, говорившие сами за себя, привлекли общие симпатии к «Народной воле». Отовсюду к Комитету являлись делегаты для заведения сношений с ним с предложением услуг для выполнения новых планов, с просьбами прислать агентов для организации местных сил».

ИК, конечно, никогда никем не выбирался, и его влияние и власть в партии определялись как личным его составом, так и его громкой деятельностью. Первоначальные организаторы «Народной воли» путем кооптации постепенно расширяли его состав таким образом, что до 1 марта 1881 г. в состав ИК входили следующие 28 человек (не все одновременно): А. Желябов, С. Перовская, А. Михайлов Н. Морозов, Л. Тихомиров, М. Фроленко, Н. Колодкевич, А. Зунделевич, А. Квятковский, М. Ошанина-Оловенникова, сестра ее Н. Оловенникова, С. Иванова, С. Ширяев, А. Баранников, Г. Исаев, В. Фигнер, А. Корба, А. Якимова, М. Ланганс, П. Теллалов, Н. Суханов, Т. Лебедева, Ю. Богданович, О. Любатович, С. Златопольский, М. Грачевский, М. Тригони, Е. Сергеева (Тихомирова) [1]).

ИК избрал из своего состава «Распорядительную комиссию» (Михайлов, Тихомиров и Квятковский, замененный после своего ареста Фроленко) как административно-технический центр, ведавший, кроме того, особо конспиративными делами. Но большого практического значения Распорядительная комиссия не имела и, по мере убыли членов ИК, сама собой упразднилась, так как все дела решались наличным в Петербурге составом членов ИК. У ИК имелись агенты различной степени доверия, действовавшие от его имени по его поручениям; члены Комитета, выступавшие от его имени, назывались агентами третьей степени, каковыми они об'являли себя и на суде, чтобы доказать «неуловимость» самого Комитета и его членов. Наиболее близкими к Комитету агентами, выполнявшими его самые ответственные поручения, были: Н. Кибальчич, Н. Са-

[1]) После 1 марта 1881 г. в ИК были кооптированы: Ст. Халтурин, В. Жебунев, Мартынов, Лебедев, Г. Романенко, Я. Стефанович, А. Франжоли и Е. Завадская. О членах ИК последнего периода «Народной воли» см. ниже в главе «Упадок и разложение «Народной воли».

блин, Г. Гельфман, А. Арончик, А. Пресняков, Г. Чернявская, П. Ивановская и Л. Гартман. Редактором органа партии «Народная воля» был Л. Тихомиров.

ИК вобрал в себя лучшие силы русского революционного движения. В его состав входили в своем большинстве не неопытные юноши и девушки, а деятели в возрасте около 30 лет и старше, имевшие за плечами несколько лет революционной борьбы, участники кружка чайковцев, южных бунтарей, «Всероссийской социал-революционной организации», общества «Земля и воля», испытавшие хождение в народ и на практике познакомившиеся с бытом и жизнью русского крестьянина и рабочего, наконец, прошедшие суровую школу тюрем и ссылок. Все члены ИК, кроме Суханова и Тригони, были нелегальными, которые сожгли за собой корабли и всецело отдали себя революционному делу. Среди головки народовольцев были люди с большим политическим размахом и политическими дарованиями (Желябов, Михайлов), с солидным теоретическим багажом (Тихомиров, Колодкевич, Теллалов, Тригони), превосходные практики-конспираторы и организаторы (Михайлов, Фроленко, Квятковский), талантливые ораторы, пропагандисты и агитаторы (Желябов, Фигнер, Теллалов, Богданович), техники динамитного дела (Кибальчич, Исаев, Грачевский, Ширяев, Суханов), люди беззаветного мужества и неукротимой воли (Баранников, Перовская, Ошанина, Михайлов, Желябов, Грачевский, Ширяев); наконец, люди, спокойно рискуя ежеминутно головой, выполнявшие свой суровый долг (это можно сказать о 99% всех членов ИК). Политическими руководителями и организаторами «Народной воли», душой ИК следует считать безусловно Михайлова и Желябова и отчасти ее теоретика и редактора Тихомирова.

И вот эта небольшая кучка героических личностей, полная веры в свои силы и в свою идею, считая себя передовым отрядом народа, гордо об'явила войну царскому самодержавию и с поразительной энергией и смелостью приступила к выполнению поставленной цели.

Глава пятая.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

26 августа 1879 г., едва только сформировавшись, ИК вынес «смертный приговор» царю Александру II за все совершенные им преступления против народа, подтвердив этим решение, принятое в принципе на Липецком и Воронежском с'ездах. Через 1½ года — 1 марта 1881 г. — приговор этот был приведен в исполнение: всемогущий царь был убит агентами подпольной заговорщической организации. Весь этот период, от постановления приговора до его выполнения, за исключением короткого промежутка, был заполнен подготовкой и совершением ряда (неудачных) покушений на царя, поглощавшими главное внимание и силы народовольцев. И потому к решающему моменту силы партии оказались исчерпаны, и ИК был не в состоянии использовать победу и произведенное убийством царя как в России, так и за границей впечатление. Крупнейший успех «Народной воли» — дело 1 марта — оказался вместе с тем началом ее смерти: после цареубийства партия неуклонно катится к своей гибели. Террор, отвлекая все ее силы от деятельности в других сферах, постепенно ее обескровливал: на место выбывших борцов неоткуда было браться заместителям. Он привел «Народную волю» к такому полежению, что она оказалась без активной поддержки в момент, когда она в таковой наиболее нуждалась.

Приняв решение о цареубийстве, которое по мысли народовольцев должно было или развязать дремлющие народные силы, или заставить правительство пойти на уступки, или, наконец, дать партии возможность захватить власть, они постано-

вили затратить на это дело все силы, чтобы скорее осуществить его и бить наверняка. Началась травля царя, продолжавшаяся 1½ года.

Располагая довольно значительными средствами [1]) ИК затратил сразу значительную их часть на организацию одновременного ряда покушений при помощи динамита [2]), чтобы не промахнуться. План заключался в том, чтобы взорвать царский поезд по пути его из Крыма в Петербург. Осенью 1879 г. в Одессу были направлены с этой целью несколько членов и агентов ИК. В. Фигнер устроила место железнодорожного будочника на ст. Гниляково на расстоянии 10—12 верст от Одессы для Фроленко, который поселился там вместе с Лебедевой, как со своей женой. Технической стороной дела ведал Кибальчич; кроме того в деле принимали участие Фигнер, Колодкевич, С. Златопольский и рабочий Меркулов, ставший потом предателем. Уже было приступлено к рытью подкопа, но вскоре выяснилось, что царь поедет по другой дороге, и предприятие было ликвидировано.

Одновременно с одесским подкопом готовились еще два: под Александровском (Екатеринославской губ.) и под Москвой. В Александровске Желябов под видом купца получил от городской управы участок земли для устройства кожевенного завода. Поселившись в 4 верстах от города вместе с Якимовой, Желябов великолепно разыгрывал роль купца, не вызывая подозрений со стороны окружающих. При технических указаниях Исаева и Кибальчича и при помощи рабочих Окладского [3]), Преснякова, Тихонова и Тетерки Желябов провел мину

---

[1]) При образовании «Народной воли» 23 тыс. руб. были пожертвованы на новую партию супругами — студентом Якимовым и курсисткой Зацепиной, примыкавшими к группе «Свобода или смерть», но не вошедшими в новую партию. Кроме того к «Народной воле» отошла часть средств «Земли и воли», в число которых входили деньги, пожертвованные Лизогубом.

[2]) Применению динамита особенно содействовал талантливый химик Кибальчич, поставивший на большую высоту технику производства метательных снарядов и закладки мин.

[3]) Осужденный по процессу 16-ти, Окладский подал прошение о помиловании, выдал своих товарищей и стал провокатором. В 1925 г. осужден советской властью на 10 лет тюрьмы.

под полотно железной дороги ко дню проезда царя 18 ноября. По сигналу, данному Окладским, Желябов сомкнул цепь, соединявшую мину с гальванической батареей, помещенной в телеге недалеко от полотна. Но взрыва не последовало вследствие каких-то технических недочетов. После этой неудачи участники покушения благополучно раз'ехались, и власти узнали о его подготовке значительно позже благодаря предательству Гольденберга и Окладского.

Более удачным оказалось покушение, совершенное 19 ноября на Московско-курской жел. дороге, на другой день после предполагавшегося александровского. В Москве народовольцы действовали по тому же плану, что и в Одессе и Александровске. А. Михайлов купил за 1 000 руб. подходящий дом близ полотна железной дороги, который в интересах экономии средств был тотчас же заложен за 600 руб. В доме поселились под именем Сухоруковых Гартман с Перовской и из него стали вести подкоп под полотно. Работа эта оказалась очень тяжелой, и в ней пришлось принять участие большому числу лиц; кроме самих хозяев работали в подкопе: Михайлов, Исаев, Морозов, Ширяев, Баранников, Гольденберг, Арончик. Последний вместе с Чернявской держали поблизости конспиративную квартиру. Вот как описывает эту тяжелую физическую работу в своих показаниях Михайлов: «Работа производилась со свечой. Влезавший внутрь рыл на одну пару досок, отправлял землю наружу на железном листе, который вытаскивали толстой веревкой находящиеся в подполье, потом обратно возвращал вглубь галлереи порожний лист посредством тонкой веревки, конец которой имел постоянно у себя; когда было нужно, получал на том же листе пару досок и подставки и, обравняв стороны, пригнав и вставив доски, вылезал обратно, а его заменял другой. Двигаться по галлерее можно было только лежа на животе или приподнявшись немного на-четвереньки. Приходилось просиживать за своей очередной работой внутри галлереи от 1½ до 3-х часов... В день при работе от 7 час. утра до 9 час. вечера успевали вырывать от 2 до 3 аршин. Работа внутри была утомительна и тяжела по неудобному положению тела, недостатку воздуха и сырости почвы, причем приходилось для большей свободы движений находиться там только в двух ру-

бахах, в то время как работы начались только 1 октября и холодная осенняя сырость давала себя чувствовать. Но еще более утомительную работу представляло вытаскивание земли изнутри в подполье. Тут приходилось двум-трем человекам напрягать все силы сразу, чтобы подвинуть лист, нагруженный почти мокрым песком, на ½ аршина». Работа была не только тяжела, но и опасна. Временами работавшим угрожало быть засыпанными обвалом или затопленными выступавшей водой. Приходилось прибегать к различным ухищрениям и дополнительным работам, чтобы избежать этих опасностей.

Наконец, к 19 ноября все было готово, и народовольцы уже были уверены в успехе. В последний момент все участники подкопа, кроме Перовской, которая должна была наблюдать за приближением царского поезда и подать сигнал, и Ширяева, которому предназначено было произвести взрыв, покинули дом. По знаку Перовской Ширяев сомкнул ток; раздался взрыв, но царский поезд успел проскочить раньше: взрыв произошел в момент, когда проходил следовавший за ним поезд с царской прислугой. Взрывом были произведены разрушение полотна и вагонов, но человеческих жертв не было.

Не полагаясь на успех взрыва царского поезда, ИК в лице Распорядительной комиссии одновременно начал подготовлять другое, еще более смелое нападение на царя, которое тщательно скрывалось даже от участников московского подкопа. В этой новой попытке убить царя, проникнув в его собственное жилище, главную роль сыграл Степан Халтурин, один из основателей «Северно-русского союза рабочих». После разгрома этого Союза Халтурин разочаровался в агитационно-пропагандистской деятельности среди рабочих и стал убежденным террористом, решив посвятить себя террору. Он обратился к Плеханову, с которым был связан, с просьбой свести его с террористами. После тщетных попыток разубедить Халтурина Плеханов познакомил его с Михайловым, который вместе с ним разработал план покушения. Халтурин был искусным столяром, ему легко удалось под чужим паспортом поступить рабочим в Зимний дворец. Помещение, в котором жили рабочие, находилось непосредственно под царской столовой, и Халтурин решил взорвать последнюю в момент, когда царь

будет обедать, посредством заложенного в своем сундуке динамита. Благодаря своей выдержке и осторожности Халтурин не возбуждал подозрений, пользуясь во дворце репутацией простоватого и богобоязненного рабочего-мужичка. Один из жандармов царской охраны предложил ему даже выдать за него замуж свою дочь. А тем временем он втихомолку таскал во дворец динамит и готовил покушение. Из членов ИК Халтурин сносился только с Квятковским, после ареста которого в конце ноября 1879 г. сношения с Халтуриным были переданы Желябову. Арест Квятковского, вызванный случайностью, едва не погубил всего предприятия: в квартире Квятковского был найден план Зимнего дворца с отмеченной крестом столовой. Жандармы не поняли, в чем дело, но строгость надзора во дворце усилилась: все труднее стало проносить во дворец динамит ввиду тщательных обысков, труднее стало хранить его. Каждую минуту он рисковал провалиться, но хладнокровие не покидало его ни на минуту. Халтурин требовал от ИК большего количества динамита, чтобы на этот раз не было промаха. Желябов же не хотел лишних жертв людьми и, кроме того, настаивал на скорейшем совершении покушения, опасаясь провала со дня на день.

Наконец, 5 февраля 1880 г., встретившись, как это бывало ежедневно, с Желябовым на площади перед дворцом, Халтурин совершенно спокойно произнес «готово», и через несколько минут раздался оглушительный взрыв. Уходя в этот день из дворца, чтобы более не вернуться в него, он поджег шнур, соединенный с динамитом. Взрыв совершенно разрушил помещение столовой, и около 50 конвойных солдат было убито и ранено, а царь... царь совершенно случайно спасся, задержавшись в одной из дальних комнат со своим гостем, гессенским принцем, и запоздав на несколько минут к обеду. Халтурину удалось благополучно скрыться, и после того он продержался на воле еще два года, будучи впоследствии принят в члены ИК.

Народовольцев опять постигла неудача, но эта неудача в некоторых отношениях стоила удачного покушения. Впечатление от взрыва в царском дворце было огромное. Правительство испугалось не на шутку; царь перестал чувствовать себя в безопасности даже в собственном жилище. Под непосред-

ственным впечатлением от покушения состоялось назначение высочайшим указом Верховной распорядительной комиссии под председательством Лорис-Меликова для проведения чрезвычайных мер, способных успокоить страну не одними только репрессиями, но и «реформами». Назначение комиссии было признанием со стороны правительства своей слабости и неспособности собственными силами справиться с растущим революционным движением. Так именно учло призыв к власти Лорис-Меликова как русское, так и европейское общественное мнение. Подцензурная либеральная печать и земские собрания робко заговорили о неотложности реформ. И правительство и общество считали в этот момент ИК могущественной силой, недосягаемой и неуловимой. За границей в нем готовы были видеть будущее российское временное правительство. Даже разошедшиеся с «Народной волей» чернопередельцы писали после взрыва 5 февраля ИК: «Остановить на себе зрачок мира — разве не значит уже победить?» [1]).

В своей прокламации по поводу взрыва 5 февраля ИК писал: «Еще раз напоминаем всей России, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством, его тираническим и насильственным подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу... Объявляем еще раз Александру II, что эту борьбу мы будем вести до тех пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство

[1]) В. Фигнер так характеризует настроение общества в это время: «Страдающее в известной части своей от отсутствия политической свободы, давно недовольное реакцией, но пассивное и неспособное к борьбе с правительством, это общество с удивлением и восторгом увидело в партии борца против деспотизма самодержавия. Смущенное ссылками многих своих членов, ошеломленное казнями, оно полагало, что вся энергия революционного движения исчерпана, и среди этой-то общей подавленности, безнадежности, одно за другим прошли события совершенно неслыханные. Взяв себе в помощники химию и электричество, революционер взорвал царский поезд и пробрался в царские чертоги... Чем больше были инертность и забитость общества, тем изумительнее казались ему энергия, изобретательность и решительность революционеров. В то время, как мы сами глубоко страдали от неудач, вокруг нас росла слава Комитета, эффект его действий ослеплял всех и кружил головы молодежи».

всенародному Учредительному собранию, составленному свободно, снабженному инструкциями от избирателей. А пока первый шаг в деле освобождения родины попрежнему стоит задачей перед нами, и мы разрешим ее во что бы то ни стало. Призываем всех русских граждан помочь нам в этой борьбе против бессмысленного и бесчеловечного произвола, под давлением которого погибают все лучшие силы отечества».

Неудача 5 февраля не остановила террористической деятельности ИК. Весной того же 1880 г. в Одессе на Итальянской улице была снята лавочка, откуда проведен был подкоп: предполагалось взорвать царя при проезде во время его пребывания в городе в мае. Организатором этого предприятия была Фигнер; в качестве лавочника и его жены поселились Саблин и Перовская; техническая часть находилась в руках Исаева; в деле принимали также участие Якимова, Меркулов и С. Златопольский. Во время приготовления динамита на конспиративной квартире произошедшим случайно взрывом у Исаева оторвало три пальца, но это не остановило дела, и подкоп был доведен до конца. Покушение не состоялось, так как царь в Одессу не приехал. Предложение Фигнер использовать подкоп для покушения на одесского генерал-губернатора Тотлебена было отвергнуто: ИК берег динамит для царя. Почти в то же самое время, летом 1880 г., были заложены под Каменный мост на Екатерининском канале в Петербурге гутаперчевые подушки с динамитом. Предполагалось при проезде царя по мосту взорвать последний; это должны были выполнить Желябов и Тетерка, соединив батарею с проводниками с плота-прачечной на середине канала. В подготовке этого покушения принимали также участие: Пресняков, Грачевский, Баранников, А. Михайлов, Меркулов, Ланганс и Исаев. Покушение не состоялось, так как в назначенный день Тетерка опоздал притти к сроку [1]).

---

[1]) Совершенное 20 февраля 1880 г. Млодецким безрезультатное покушение на Лорис-Меликова было предпринято независимо от ИК, о чем последний заявил в особой прокламации. Млодецкий был казнен 22 февраля по настоянию самого Лорис-Меликова, несмотря на хлопоты о помиловании, предпринятые писателем Гаршиным.

После всех перечисленных неудач в охоте ИК за царем наступил временный перерыв. Первые покушения потребовали большой затраты материальных средств, физических и психических сил, и для новых покушений требовалась основательная подготовка; нужна была также известная «передышка» для самих измученных напряженной борьбой революционеров. Этот период «отдыха» от террора был заполнен пропагандистской и организационной работой (создание местных групп, рабочей и военной организации). Наконец, ИК хотел выждать, пока либеральное общество, на поддержку которого он рассчитывал, не разочаруется в тщете своих упований на либеральное творчество Лорис-Меликова; Комитет не хотел мешать террористической деятельностью якобы существующим, по мнению этого общества, преобразовательным намерениям правительства.

К осени 1880 г. общественное настроение снова переменилось. Комиссия Лорис-Меликова в августе была распущена, его «реформы» лопнули, как мыльный пузырь, правительственные репрессии и смертные казни продолжались. По поводу казни 4 ноября 1880 г. народовольцев Квятковского и Преснякова воззвание ИК обратилось к обществу со следующими словами упрека: «Прекрасно сознавая, что наша борьба за народ и права человека есть борьба и за свободу общества; понимая всю бесцельность смертной казни и относясь к ней с омерзением как к напрасному варварству, общество молчало, молчало, когда один говор его смутил бы палача. Своею дряблостью, пассивностью оно вычеркнуло себя из ряда борющихся общественных сил. Пусть же оно не требует впредь, чтобы партия действия принимала его в расчет при выборе момента и форм борьбы».

При таких условиях ИК снова решил прибегнуть к террору и довести во что бы то ни стало до конца свое решение об убийстве царя. А. Михайлов, арестованный в начале приготовлений к новому покушению (конец ноября 1880 г.), говорил за несколько дней до ареста Тыркову: «Теперь мы, кажется, с ним покончим». По словам Тыркова, «в тоне голоса и в глазах, метнувших искры, вылилась вся сила его воли и бесповоротность в решениях». Эта решимость народоволь-

цев об'яснялась тем, что наиболее дальновидные из них сознавали, что террор долго продолжаться не может. Чем дальше, тем больше он обессиливает партию, и тем меньше становится его агитационное устрашающее действие. «Мы проживаем свой капитал», — говорил Желябов товарищам и он, конечно, был прав. Ошанина рассказывает, что и Михайлов и Желябов особенно настаивали на организационной и пропагандистской работе и сами уделяли ей не мало времени, чтобы приготовить себе смену. На цареубийство они смотрели как на шаг, который должен был дать толчок общественному движению и облегчить деятельность партии. Перед самым 1 марта, по словам Ошаниной, «ни на какие перемены в политическом строе Желябов не рассчитывал. Максимум, чего он, да и другие, ждали — это что нам будет легче продолжать свою деятельность, укрепить организацию и раскинуть ее сети во всех сферах общества. Но и это при условии, что уцелеет хоть часть людей, способных и привыкших вести дело общей организации. Но Желябов боялся, что и этого может не быть». Поэтому он прямо заявлял Ошаниной, что вся надежда — на московскую группу народовольцев, основанную осенью 1879 г. Михайловым и под руководством Ошаниной и Теллалова ставшую самой сильной и солидной организацией партии.

ИК решил и на этот раз применить тот способ, который был использован в Одессе — подкоп из лавки по той улице, где обычно проезжает царь. Баранников и А. Михайлов нашли подходящее для этой цели помещение на Малой Садовой улице, которое и было снято Богдановичем и Якимовой под видом мещан Кобозевых; 22 ноября в нем была открыта торговля сырами, и тотчас же оттуда начался подкоп, который был закончен 24—25 февраля 1881 г. Работа по проведению подкопа была очень тяжела и потребовала большого количества работников. В подкопе приняли участие все почти наличные силы ИК: Колодкевич, Желябов, Суханов, Баранников, Исаев, Саблин, Ланганс, Фроленко, Меркулов и один или два раза Тригони. На двух конспиративных квартирах (Фигнер — Исаев; Гельфман — Саблин) происходили совещания заговорщиков, изготовлялся динамит (под руководством Кибальчича —

Исаевым, Грачевским, Сухановым и нераскрытым тогда Филипповым) и хранились взрывчатые вещества.

Народовольцы на этот раз решили не ограничиваться одним только подкопом и про запас готовили другой способ. Напуганный прежними покушениями, царь при поездке в манеж и обратно постоянно менял маршрут. Приходилось, следовательно, считаться с возможностью, что в назначенный для покушения день царь минует Малую Садовую. Кроме того, наученные горьким опытом, народовольцы считались с возможностью неудачи взрыва. Поэтому ИК решил одновременно с проведением подкопа подготовить метательные снаряды, чтобы действовать ими в случае неудачи. Организовать это дело было поручено Желябову, которому деятельно помогала Перовская. Желябов подобрал боевую группу из нескольких человек (студенты: Рысаков, Емельянов и Гриневицкий, рабочий Тимофей Михайлов), которые должны были с бомбами в руках поджидать царя на определенных местах и действовать по данному им сигналу снарядами. Перовская и Желябов сорганизовали, кроме того, «наблюдательный отряд», который должен был вести наблюдение за выездами царя и изучить его маршрут. В отряд этот были привлечены студенты Тырков, Тычинин и Сидоренко [1]) и курсистка Е. Оловенникова, сестра Ошаниной. Если и метальщики не справятся со своей задачей, было решено, что вооруженный кинжалом Желябов лично нанесет смертельный удар ненавистному царю.

С начала 1881 г. подготовка к покушению принимает лихорадочный характер. В первой половине февраля ИК созвал совещание своих членов, на котором были представители Москвы и провинции. Целью совещания было выяснить, возможно ли рассчитывать одновременно с покушением на царя произвести вооруженное восстание в ряде центров. Результаты опроса были неутешительны. «Подсчет членов групп и лиц, непосредственно связанных с нами, — рассказывает об этом со-

[1]) Сидоренко был единственным участником покушения 1 марта, оставшимся неизвестным властям. Спустя некоторое время он был выслан административно в Сибирь по другому делу (о пропаганде среди рабочих), после чего отошел совсем от революционной деятельности.

вещании Фигнер, — показал, что наши силы слишком малочисленны, чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер... От выступления пришлось отказаться. Революция рисовалась в то время еще в неопределенных чертах и в неопределенном будущем». На этом же совещании Суханов развивал фантастический план бомбардировки Петербурга кронштадтским флотом, но к этому предложению никто серьезно не отнесся; другие, как Исаев, бредили только террором, за которым признавали почти что чудодейственную силу. Но настроение большинства нельзя было характеризовать иначе, как мужество отчаяния. Отступать было поздно, надо было действовать даже без надежды на успех. Вино было откупорено, надо было его пить.

Но и полиция тем временем не дремала. «Откровенные показания» предателей Гольденберга и Окладского дали ей в руки большой материал о составе ИК, характеристики его отдельных деятелей и пути к их розыску. Народовольцы начали терять одного за другим своих лучших людей. В ноябре 1880 г. был арестован Михайлов, в феврале 1881 г. — Баранников, Колодкевич и Клеточников, который, по совету Михайлова, пробрался в качестве чиновника в самое логово врага — Третье отделение, ведавшее политическими делами, и не раз предупреждал ИК о предстоящих обысках и арестах. Наконец, 27 февраля вечером на квартире Тригони, незадолго перед тем приехавшего из Одессы, вместе с ним был арестован Желябов, главный организатор назначенного уже на 1 марта покушения. Этот удар казался непоправимым. Было от чего притти в отчаяние и опустить руки. Одновременно были получены сведения о слежке за конспиративной квартирой Саблина и Гельфман, а 28-го утром сырную лавку Кобозевых посетила санитарная комиссия, осмотревшая ее и не нашедшая ничего подозрительного.

Настроение народовольцев ярко изображено в «Запечатленном труде» В. Фигнер: «Среди этих-то обстоятельств 28 февраля мы, члены ИК, спешно собрались на квартире у Вознесенского моста. Присутствовали не все, так как для оповещения не было времени. Кроме хозяев квартиры, меня и Исаева, были: Перовская, А. П. Корба, Суханов, Грачевский, Фро-

ленко, Лебедева, может быть — Тихомиров, Ланганс, наверно не помню. Взволнованные, мы были одушевлены одним чувством, одним настроением. Поэтому, когда Перовская поставила основной вопрос, как поступить, если завтра, 1 марта, император не поедет по Малой Садовой, не действовать ли тогда одними разрывными снарядами, — все присутствовавшие единогласно ответили: «Действовать, завтра во что бы то ни стало, действовать». Мина (в лавке Кобозева) *должна* быть заложена. Бомбы *должны* быть к утру заряжены и наряду с миной или *независимо* от нее *должны* быть пущены в ход... Было около 3 часов дня субботы. Исаев был немедленно отряжен в магазин заложить мину... С 5 часов вечера 3 человека должны были явиться на нашу квартиру и всю ночь работать над метательными снарядами. Это были Суханов, Кибальчич, Грачевский. До 8 часов вечера на квартиру беспрестанно заходили члены Комитета то с известиями, то по текущим надобностям, но так как это мешало работе, то к 8 часам все разошлись, и на квартире остались, считая меня и Перовскую, пять человек... Всю ночь напролет у нас горели лампы и пылал камин. Когда с 7 часов утра Перовская и я встали, то мужчины все еще продолжали работать, но два снаряда были готовы, и их унесла Перовская на квартиру Саблина на Тележной; вслед за ней ушел Суханов; потом я помогла Грачевскому и Кибальчичу наполнить гремучим студнем две остальные жестянки, и их вынес Кибальчич. Итак, в 8 часов утра 1 марта четыре снаряда были готовы после 15 часов работы трех человек». В лавке Кобозевых все тоже было готово к встрече царя. Хозяева должны были удалиться из нее при сигнале, что царь едет, а оставшийся в лавке Фроленко — сомкнуть ток.

С утра 1 марта Перовская была на ногах и проявила исключительную энергию, хладнокровие и распорядительность. Без ее находчивости покушение, вероятно, не состоялось бы. Она дала последние инструкции метальщикам, а когда выяснилось, что царь поехал в манеж, минуя Малую Садовую, не растерялась и быстро переменила позиции метальщиков на Екатерининском канале при его возвращении. При этом двое метальщиков оказались не на высоте своего положения. Тимофей Михайлов, который должен был первый бросить бомбу,

опоздал и не сумел пустить бомбу в ход. Другой метальщик, Емельянов, после взрыва бомб, брошенных Рысаковым и Гриневицким и причинивших огромные опустошения, был настолько потрясен зрелищем, что, позабыв о том, что у него в руке бомба, бросился помогать раненым. Первый снаряд, брошенный Рысаковым, произвел сильное разрушительное действие, поразив много людей, но царь остался жив, хотя лошади его кареты пострадали от взрыва. Воспользовавшись общим замешательством, вызванным бомбой Рысакова, четвертый метальщик Иосиф Гриневицкий бросил на расстоянии нескольких шагов снаряд, которым были смертельно ранены как сам Гриневицкий, так и Александр II. Царь умер через несколько минут, а Гриневицкий — в страшных мучениях — через несколько часов в больнице, упорно отказываясь назвать свое имя и до конца сохраняя самообладание.

Не столь мужественно было поведение второго «цареубийцы», Рысакова. На первых же допросах он начал выдавать с целью спасти свою жизнь. Благодаря его указаниям была обнаружена конспиративная квартира на Тележной улице; при обыске ее, в ночь на 3 марта, была арестована Гельфман, а хозяин ее, Саблин, застрелился. Там же утром, 3 марта, был задержан, оказавший вооруженное сопротивление Тим. Михайлов. 4 марта был раскрыт подкоп из сырной лавки, но Кобозевы накануне успели скрыться. 10 марта на улице была арестована Перовская, 17 марта — Кибальчич и у него на квартире — Фроленко; 1 апреля на улице был арестован Исаев и в том же месяце — Суханов. Оставшиеся на свободе члены ИК вынуждены были скрываться, и часть их вскоре была арестована в разных городах (Якимова, Лебедева, Ланганс). От старого ИК остались только «обломки крушения». 3 апреля на Семеновском плацу были публично повешены: Желябов, который настоял на своем привлечении к процессу 1 марта, Перовская, Кибальчич, Тим. Михайлов и Рысаков [1]), которому не спасли жизнь предательство и выраженная им готовность

[1]) Осужденной по тому же делу Г. Гельфман смертная казнь, ввиду ее беременности, была заменена бессрочной каторгой. Родив ребенка в тюрьме, она умерла (в начале 1882 г.), вскоре после того, как этот ребенок был у нее отнят.

стать провокатором. Первый период истории «Народной воли» закончился...

В террористической деятельности народовольцев немалое место занимало убийство шпионов и провокаторов, которое до них широко применялось и землевольцами и южными бунтарями. 5 февраля 1880 г., в день взрыва в Зимнем дворце, Пресняков убил в Петербурге рабочего Жаркова, выдавшего типографию черноперелельцев, и ИК в своей прокламации заявил, что Жарков убит по его приговору. В феврале того же года в Киеве студент Поликарпов покушался на жизнь провокатора Забрамского, выдавшего местную организацию партии, и после неудачи застрелился. 29 июня 1881 г. члены Рабочей группы «Народной воли» убили на Смоленском кладбище провокатора Прейма, а 18 января 1884 г. в Харькове рабочий-народоволец Антонов убил шпиона Шкрябу.

После 1 марта народовольцам удалось осуществить всего два крупных террористических акта. 18 марта 1882 г. в Одессе на бульваре был убит из револьвера студентом Желваковым военный прокурор генерал Стрельников, гроза социалистов на юге, прославившийся своей жестокостью и цинизмом в отношении революционеров, пославший на виселицу и каторгу не один их десяток. Покушение это было подготовлено и организовано по поручению ИК В. Фигнер при участии М. Клименко. Кроме Желвакова в нем принял непосредственное участие знакомый уже нам Халтурин, который в качестве кучера пролетки должен был увезти Желвакова и который помог Желвакову в оказанном им при аресте вооруженном сопротивлении. Вместе с Желваковым Халтурин был повешен в качестве «неизвестных», так как оба они отказались назвать свои имена [1]).

Наконец, последним террористическим актом ИК, уже в период его полного упадка, было убийство «инспектора секретной полиции» Судейкина, совершенное 16 декабря 1883 г., во время

---

[1]) Еще раньше (в 1880 г.) Фигнер подготовляла в Одессе покушение на правителя канцелярии генерал-губернатора Панютина и на самого генерал-губернатора Тотлебена (вместе с Саблиным), но оба эти предприятия в силу различных причин не были доведены до конца.

которого был также ранен его родственник, полицейский агент Судковский.

Покушения, совершенные: 13 ноября 1881 г. — Санковским на генерала Черевина, 16 сентября 1882 г. — Кутитонской на читинского губернатора Ильяшевича, и в 1884 г. М. Калюжной на одесского жандармского офицера Катанского — никакого отношения к ИК не имели.

Наряду с террористической деятельностью народовольцев следует упомянуть об их участии в экспроприациях. Принципиально народовольцы признавали допустимость экспроприации государственных средств в пользу партии, нуждавшейся в больших средствах для совершения дорого стоящих террористических предприятий, отрицая экспроприации у частных лиц и общественных учреждений. Практического значения для партии экспроприации, впрочем, не имели, так как удачных экспроприаций народовольцы не совершили ни одной. Еще летом 1879 г. до формального образования «Народной воли» непринадлежавший ни к какой партии, но связанный с террористами, Юрковский, при участии Терентьевой, Россиковой и др., произвел подкоп под херсонское казначейство и вынес из него 1½ миллиона рублей, которые вскоре были вновь отобраны полицией. В январе 1881 г. по поручению ИК Фроленко, Лебедева, Фриденсон, Лисевская и Меркулов начали проводить подкоп под казначейство в Кишиневе, но полиция что-то заподозрила, и предприятие это пришлось бросить. Местными группами народовольцев делались также попытки (неудачные) ограбления почты посредством вооруженных нападений при ее провозе. Такие попытки были произведены: в октябре 1883 г. под Харьковом, когда во время перестрелки был убит революционер Бердичевский, и в октябре 1884 г. под Воронежем.

Глава шестая.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДОВОЛЬЦЕВ СРЕДИ РАБОЧИХ.

В брошюре «Подготовительная работа партии», как мы видели, деятельности среди рабочих придается особенно важное значение. Из всех слоев общества рабочие, наряду со студенчеством, привлекали к себе наибольшее внимание народовольцев. И, может быть, не столько вина, сколько беда их заключалась в том, что вследствие увлечения террором и затраты на него главных сил «Народная воля» не смогла и не сумела развить широкой деятельности в рабочем классе. Но заслуживает упоминания тот факт, что самые видные народовольцы, прославившиеся как деятели террора, находили время и считали нужным отдавать свои силы работе среди рабочих (Желябов, Перовская, Колодкевич, Тригони, С. Златопольский, Теллалов и др.). Еще более характерен тот факт, что, по мере того как террор все более изживал себя, деятельность народовольцев все более сосредоточивалась на пропаганде среди рабочих и организации рабочих кружков.

Осенью 1880 г., т. е. в период, уже отмеченный нами как затишье в отношении террора и как время организационной подготовки, в Петербурге под руководством Желябова была организована группа «Рабочих членов партии «Народная воля». Группа эта выпустила свою программу, издавала «Рабочую газету» (три номера) и прокламации, развивая одновременно довольно значительную пропагандистскую и организационную деятельность среди петербургского фабрично-заводского пролетариата.

Программа «Рабочих членов партии «Народная воля» мало чем отличается от программы ИК. В ней мы находим такое же смешение народнических принципов с политическими требованиями народовольцев. В ней нет никаких специфических *классовых* требований, если не считать ими: 1) того, что «народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и пр.», и 2) учреждение после государственного переворота «государственного банка» для устройства «фабричных, заводских, земледельческих и пр. артелей и союзов». Программа написана очень популярным языком, и в ней много говорится о тяжелом экономическом положении рабочих. Необходимость ближайших политических требований в программе формулируется таким образом: «Мы знаем по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа. Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства, постепенное завоевание гражданских прав». Указав далее, что единственным истинным защитником народа является только социально-революционная партия, потому что «все другие сословия если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа», программа все же отмечает, что народ «во многих случаях найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым также хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше»; и так как для народа важно «ослабление правительственного гнета», то ему «выгодно добиваться расширения свободы рука-об-руку с ними. Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом не останавливается, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и итти далее в союзе с одной социально-революционной партией». В программе «ближайших» требований причудливо переплетаются обычные демократические пункты программы-минимум («народоправление», замена постоянной армии «местным народным ополчением» и т. п.) с конечными требованиями о переходе земли, фабрик и заводов в общенародную собственность.

Задачей рабочих кружков является выяснение народу, что «из теперешнего губительного порядка один выход — насильственный переворот, что переворот необходим и возможен. С этой целью члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне законными. Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают, где нужно, стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта». В момент восстания рабочие кружки могут сыграть большую роль, руководя им и образуя временное правительство, «зорко следя за ним и заставляя его действовать в пользу народа». Программа, впрочем, предвидит и другую возможность, на которую народовольцы, в сущности, гораздо больше рассчитывали. «Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т. е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого изменяться. Они должны заявить себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент и в случае надобности поддержать эти требования массовыми заявлениями и возмущениями».

Первый номер «Рабочей газеты» вышел 15 декабря 1880 г. с отдельным приложением к нему, второй — в январе 1881 г. и третий — в конце 1881 г., после чего издание ее прекратилось вследствие арестов. Газета составлялась довольно умело; статьи в ней были написаны простонародным языком; наряду с критикой правительства она уделяла много места положению рабочих, безработице, неурожаю. В фельетоне второго номера, где положение народа во Франции после революций противопоставляется положению его в России, заметна сильная идеализация политической свободы. Так, мы читаем там: «Теперь французы зажили на славу — голодать им не приходится, да что голодать! Хлеба нашего не только с мякиной, а просто черного не едят, а все белый да пеклеванный; про говядину и говорить нечего, не нам чета

Потому и зажили хорошо, что грабителей и обирох своих прогнали» [1]).

«Рабочая газета» печаталась в нелегальной типографии, в которой работали Г. Гельфман и рабочий Тетерка; редакцию с ее ближайшими сотрудниками составляли: Желябов, рано умерший от чахотки В. Коковский, Н. Саблин, А. Франжоли и студент А. Борейша.

Взглянем теперь на пропагандистско-организационную деятельность народовольцев в рабочем классе. В Петербурге эта деятельность началась еще с лета 1880 г. О ней рассказывает в своих воспоминаниях рабочий народоволец В. Панкратов, сам получивший начатки политического воспитания в рабочих кружках «Народной воли». «Напряженная борьба ИК «Народной воли» с самодержавием,—пишет он,—вызвала широкое пробуждение революционной мысли в рабочих массах по всей России, а в особенности в Петербурге. Здесь почти по всем заводам стали образовываться революционные кружки и группы, правда немногочисленные, но более или менее сознательные и активные, из уцелевших от прежнего народнического движения рабочих. Эти группы находили себе поддержку в толще широких, хотя и несознательных рабочих масс, недовольных тогдашними политическими и особенно экономическими условиями жизни» (после окончания войны казенные заказы на металлических заводах сократились, и была безработица). «Особенную энергию проявили революционные группы Семянниковского, Чугунного и Обуховского заводов: они организовали несколько кружков среди рабочих на фабрике Паля, на химическом заводе, а через них уже заводили

---

[1]) Такая же политическая упрощенность характеризует прокламацию «Рабочих членов партии Народная воля» по поводу цареубийства. «Царь, — пишут они, — должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его». Пусть новый царь «призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и вперед царствует по правде... Тогда царь даст мужикам землю и волю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте же прошения об этом из городов, из деревень. Если же царь не послушает народного голоса и начнет вешать да ссылать в Сибирь всякого, кто стоит за рабочих, тогда нужно и его сменить».

связи с другими фабриками (Калинковской, Резиновой мануфактурой). Пропаганда шла довольно успешно, но чувствовался недостаток в революционной литературе. Пользовались только той, которая сохранилась на руках от старого времени да легальными отчетами о процессах по политическим делам».

По словам официального «Дела о пропаганде среди петербургских рабочих в марте 1881 г.», возникшего в связи с выдачей Рысаковым рабочей организации «Народной воли», рабочие кружки были трех разрядов. В кружках первого разряда студенты знакомили рабочих с грамотой, арифметикой и географией, причем учитель «лишь вскользь в общих чертах проводил революционные идеи». В кружках второго разряда «читались лекции по истории (известно, что Желябов, напр., читал о революционном движении в Ирландии. — *В. Л.*) и развивалось учение о социализме в тех формах, в каких оно выработалось на Западе» (в ходу было изложение взглядов Лассаля и I тома «Капитала» Маркса). Прошедшие через кружки первых двух разрядов рабочие «образовали из себя центральную агитационную группу. Таких групп предполагалось учредить по одной в каждой из петербургских городских частей. При каждой из этих групп имел состоять агент партии «Народная воля», через которого происходили сношения группы с вожаками партии. Студенты-учителя рабочих собирались в особые учительские группы». Из наиболее надежных рабочих вербовались боевые дружины для совершения террористических актов. Конечно, в действительности дело обстояло гораздо скромнее, чем оно выглядит по программе. Но факт тот, что до 1 марта 1881 г. народовольцам удалось об'единить в кружках 200—300 рабочих, главным образом квалифицированных, из которых многие выделялись своим развитием. После цареубийства эти рабочие выражали готовность поднять восстание, требуя призыва ИК, но последний не дал его, учитывая слабость влияния партии в рабочих массах. Агентами партии при центральной рабочей группе были участники дела 1 марта: Перовская, Гриневицкий, Рысаков; видными пропагандистами — студенты Сидоренко (участник «наблюдательного отряда»), Коган-Бернштейн, Подбельский, М. Энгельгардт, Коновкин и др.

После 1 марта вследствие предательства Рысакова и появления среди рабочих провокаторов, народовольческие рабочие кружки понесли серьезный урон, но работа все-таки не прекращалась. Теперь работа велась часто совместно народовольцами и чернопередельцами, причем особенно больших разногласий между теми и другими не наблюдалось. В качестве пропагандистов этого периода Панкратов называет Сидоренко, Нагорного, читавшего с рабочими Лассаля, Теллалова, С. Златопольского — из народовольцев, и Буланова, Стефановича, Лаврова и Загорского — из чернопередельцев. Панкратов вспоминает об одной рабочей сходке летом 1881 г. за Невской заставой (в селе Рыбацком), на которой присутствовало 19 рабочих и несколько интеллигентов и на которой происходил резкий спор между Теллаловым и Стефановичем: «Стефанович настаивал на том, чтобы не выдвигать политических задач, которыми можно только отпугнуть рабочих, навлекая на них ненужное преследование властей. Теллалов доказывал, что политика и экономика совершенно неотделимы и что рабочие это понимают и ведут свою пропаганду и агитацию, сообразуясь со своим положением и условиями работы. Замыкать мысль рабочего в узкие, односторонние рамки одних экономических вопросов — значит ограничивать его духовную жизнь, суживать его кругозор, скрывать от него политическую жизнь». Рабочим эта речь Теллалова так понравилась, что они поставили вопрос об ее напечатании. На том же собрании Теллалов высказывался против террора по отношению к мелким шпионам и предателям.

В конце 1881 г. и в начале 1882 г. народовольческая рабочая организация была разгромлена. Но работа отдельных лиц среди петербургских рабочих не прекращалась. В своих воспоминаниях «Минувшее и пережитое» И. И. Попов рассказывает, что с конца 1881 г. он совместно с Н. М. Флеровым и Бадаевым начали самостоятельную пропагандистскую работу среди рабочих, которая привела к созданию целой организации, влившейся в 1884 г. в «Молодую народную волю».

Не менее интенсивной, чем в Петербурге, была деятельность народовольцев среди рабочих в Москве. Здесь работа началась в конце 1880 г. под руководством даровитого пропаган-

диста и организатора Теллалова, о котором мы уже упоминали. Из общей городской группы, ведшей работу среди интеллигенции, была выделена специальная рабочая группа, в которой в 1881 г., кроме Теллалова, работали: Борейша, Крылов, петербургский рабочий Скворцов, Коган-Бернштейн, Старынкевич, Дьяконов, студенты Кирхнер и Майнов, Лисовская, Калюжный, Смирницкая, Панкратов, Чикоидзе (участник процесса 50-ти, бежавший из ссылки) и др. Один из участников этой группы, Волков, сообщает, что для приема в рабочую группу требовались «возраст не менее 20 лет, не менее двух лет принадлежности к революционным кружкам и известный уровень знакомства с теорией социализма и литературой рабочего вопроса». Специальная инструкция определяла задачи рабочей группы следующим образом: «Привлечение рабочих к участию в политической борьбе и наряду с этим подготовка их к дальнейшей борьбе за социализм; указания на полное бессилие каждого рабочего в отдельности перед лицом двойственного союза капиталистов и правительства». Рабочие должны поэтому организоваться, чтобы «вырвать у власти политическую свободу, без которой возможны только безрезультатные стихийные бунты, а не планомерная социальная борьба».

За короткое время московская рабочая группа развила большую деятельность: к осени 1881 г. пропаганда велась в тридцати пунктах Москвы, и организовано было 100—120 рабочих; предполагалось даже перенести из Петербурга в Москву печатание «Рабочей газеты». С рабочими читались легальные и нелегальные книги по политической экономии, русской истории, истории французской революции, Парижской коммуны и т. п., им излагались теория ценности Маркса и взгляды Лассаля. Теллалов предполагал, как только упрочится работа среди рабочих, организовать подобную же крестьянскую группу для агитации по селам, и с этой целью завел уже связи с сельской интеллигенцией [1]). Вообще, по утверждению Волкова, Теллалов хорошо сознавал, что «дело 1 марта не дало результатов всецело по слабости народовольческой *организации*, не имев-

---

[1]) В Одессе Тригони с такою же целью заводил связи с народными учителями и учительницами.

шей сил, чтобы использовать момент паники правительства и возбуждения масс. Отсюда он выводил заключение о необходимости во что бы то ни стало расширить свои кадры и упрочивать организацию с тем, чтобы приступить вновь к террору уже с пополненными силами». Но Теллалов в декабре 1881 г. был вызван ИК в Петербург и заменен Халтуриным, который признавал только террористическую деятельность и смотрел на работу среди рабочих как на средство вербовки террористов и формирования боевых дружин. Аналогичное настроение, по словам Панкратова, было и у многих передовых рабочих. Аресты в начале 1882 г. совершенно разгромили московскую рабочую группу, деятельность которой постепенно замерла.

Народовольцы работали среди рабочих и в провинции. В Одессе начало рабочей группе положил еще Колодкевич в 1879 г., работу которого успешно продолжал в 1880 г. Тригони. В Одессе среди рабочих продолжали еще давать всходы семена, посеянные замечательным пропагандистом и организатором Заславским [1]), и потому деятельность народовольцев в этой области была очень успешна. «Рабочие, выработавшиеся под влиянием Заславского, — пишет В. Фигнер, — были такого уровня, что могли вести дальнейшую пропаганду самостоятельно, без участия интеллигентов. Революционная традиция на фабриках и заводах в Одессе не прерывалась и во вторую половину 70-х годов; кто бы ни вел сношения с рабочими, каждый имел толковых проводников в рабочую массу». Тригони привлек к работе среди рабочих Вл. Жебунева и студентов Дрея и Сухомлина. Жебунев, по сообщению Фигнер, «был скорее социал-демократом, чем народником». Жебунев определенно смотрел на городской промышленный пролетариат как на единственную опору в политической борьбе. Считая, что только рабочий класс является носителем социалистических идей, он думал, что все силы партии должны быть направлены на пропаганду

---

[1]) Рано умерший талантливый пропагандист и организатор Евгений Заславский создал в 1875 г. в Одессе и в связанных с ней городах первую чисто рабочую организацию «Южно-российский союз рабочих», охвативший около 200 рабочих и послуживший прообразом других, возникших после него, рабочих организаций.

и агитацию в этом классе [1]). «После убийства Стрельникова, — говорит Панкратов, — Одесса ожила. Среди рабочих организовывались новые кружки, распространявшие свою деятельность на солдат и матросов... На смену арестованным появлялись новые деятели». Только после предательства Меркулова в 1882 г. народовольческим рабочим кружкам в Одессе был нанесен решительный удар.

Киев представлял собой центр, столь же благоприятный для пропаганды среди рабочих, как и Одесса. «Среди киевских революционеров никогда не прерывались связи с рабочими», — пишет М. Р. Попов, работавший там в 1879—1880 гг. После раскола «Земли и воли», будучи сторонником «Черного передела», он образовал в Киеве смешанную группу из сторонников обеих фракций, которая по характеру своей работы была ближе к «Народной воле» (Попов, Игн. Иванов, Буцинский). «Нам удалось,—рассказывает Попов,—через киевских железнодорожных рабочих завести связи почти на всех крупных пунктах по линии железных дорог от Киева до Одессы. Через железнодорожного рабочего Ромася наш кружок распространял революционную литературу среди рабочих по этой линии». В связи с предполагавшимися народовольцами покушениями на царя группа решила устроить на одной из киевских площадей демонстрацию с участием рабочих, во время которой предполагалось развернуть знамя с лозунгом «Земля и воля», и ораторы должны были выяснить смысл покушения. Демонстрация не состоялась, ввиду последовавшего в начале 1880 г. разгрома группы. Между прочим во время этого разгрома у члена группы, Буцинского, был отобран проект «Программы южных рабочих», написанный рабочими. В программе этой мы находим характерные для народовольцев взгляды: «Мы, южные рабочие, задались мыслью такого рода, *каким бы то ни было путем добиваться политической свободы*. Только вы не думайте, что мы увлечемся этим, что если даст правительство народу конституцию, то и дело в шляпе; нет, мы знаем: после этого впереди дела больше, то все же можем надеяться, что хотя сколько-ни-

[1]) Жебунев был, по настоящю Фигнер, введен в состав ИК, но был случайно арестован и сослан в Сибирь, так что в деятельности его не успел принять участия.

будь сдвинем эту грозную тучу, которая ежеминутно грозит обрушиться на наши головы при первом нашем движении» [1]). Попов носился с мыслью об образовании южно-русского союза, наподобие «Северно-русского союза рабочих» и, повидимому, цитированный документ представляет собою один из проектов программы этого союза. С такою же целью вел в это время пропаганду на юге (в Киеве и Одессе) черноперелец Аксельрод, но осуществить этот союз удалось только к концу 1880-г. группе черноперельцев (Ковальская, Щедрин и др.). После разгрома киевских черноперельцев работу в Киеве среди рабочих снова повели народовольцы. Осенью 1882 г. возникшая в Киеве местная группа народовольцев (Бах, Спандони, Никитина и др.) сосредоточила свою деятельность главным образом на пропаганде в рабочих кружках, на выпуске прокламаций к рабочим. В конце 1883 г. в этой группе принимали участие видные народовольцы-рабочие Панкратов и Мартынов, арестованные вместе с этой группой в начале следующего года.

Не менее важным пунктом народовольческой пропаганды среди рабочих был Ростов-на-Дону. Революционные традиции среди рабочих здесь сохранялись еще со времени южных бунтарей. Еще в 1877 г., по словам Попова, «дело с рабочими было поставлено очень хорошо». О народовольческой деятельности в Ростове Панкратов рассказывает следующее: «С весны 1882 г. было обращено (народовольцами) особенное внимание на такие окраины, как: Ростов, Севастополь, Екатеринослав и др. промышленные центры. Сюда посылались агенты «Народной воли» с целью организации рабочих групп, устанавливали связь между ними, налаживали систематическую подготовительную революционную работу». В центре работы стояли владикавказские железнодорожные мастерские, где была группа вполне сознательных рабочих, которые «были уже знакомы с историей русского революционного движения, с революциями на Западе. Они изучали политическую экономию. О Марксе тогда знали лишь по отдельным статьям Зибера»; с социалистическим движением на Западе знакомились по текущим журна-

---

[1]) Любопытно, что сам Буцинский на суде в 1880 г. заявил, что он «политический революционер, а не социалист».

лам и газетам. Из видных народовольцев в Ростове в 1882 г. работал харьковский деятель Немоловский, погибший потом в Шлиссельбурге; он вербовал среди ростовских рабочих людей для террористической деятельности и предлагал им образовывать боевые дружины. Из рабочих наиболее выдающимися в Ростове были уже упоминавшиеся раньше Мартынов, Антонов, Панкратов и А. Карпенко, который впоследствии занес семена народовольческой пропаганды в Екатеринослав и Кременчуг. В своих воспоминаниях Бах говорит: «В Ростове благодаря деятельности С. Пешекерова (чернопередельца) создалась в 1882—1883 гг. очень солидная группа, которая особенное внимание обратила на пропаганду среди рабочих». В конце 1883 г. ростовская группа издавала гектографированную рабочую газету, составлявшуюся самими рабочими (Карпенко, Мартынов). Она поддерживала связи с Новочеркасском, Воронежом, Грушевскими копями, Екатеринославом, Елисаветградом, Севастополем и была тесно связана с харьковской народовольческой группой. В 1883 г. и она была разгромлена.

У харьковской народовольческой группы (Немоловский, Комарницкий, Линицкий, Антонов, Панкратов) в 1882—1884 гг. «главной и, можно сказать, единственной деятельностью была пропаганда среди рабочих и занятия с ними» (В. Фигнер, «Запечатленный труд»). Они имели связь с рабочими в Полтаве, Николаеве, Елисаветграде, Таганроге, Новочеркасске и др. городах. Панкратов указывает, что в 1883 г. «на всех харьковских заводах, в железнодорожных главных мастерских и депо существовали связи с рабочими. Большой недостаток чувствовался в подпольной литературе и средствах». Группа поставила даже летучую типографию, выпускавшую прокламации. «Вообще,— говорит Панкратов, — Харьков в этот период являлся центром народовольческой деятельности юга. Благодаря тому, что стали налаживаться связи с рабочими по всему югу, возникла идея подготовки восстаний в ряде городов, уничтожения в них жандармских управлений и даже захвата этих городов». Проектировался также в Харькове с'езд русских и польских рабочих (инициатива его принадлежала рабочему Вольнову). Из всех этих планов ничего, разумеется, не вышло, и вскоре после убийства шпиона Шкрябы (в начале 1884 г.) харьковская рабочая

группа была разгромлена в результате предательства члена группы Елько. Имеются также данные о пропаганде народовольцев среди рабочих в Саратове (Поливанов), в Екатеринославе, в Казани, где осенью 1883 г. Бах читал рабочим лекции по политической экономии (из которых составилась известная впоследствии книжка «Царь-голод»), в Севастополе, Николаеве, Полтаве и др. городах.

Из нашего краткого обзора видно, что деятельность народовольцев среди рабочих в территориальном отношении раскинулась значительно шире, чем это обыкновенно представляют. После 1882 г., то есть с прекращением террористической деятельности, главная работа местных групп партии сводилась к пропаганде среди рабочих. Но хотя эта пропаганда и имела некоторый успех, глубокого следа в широких *массах* рабочих она не оставила и потому была пресечена полицейскими разгромами. В этом нет ничего удивительного. Народовольцы никогда не подходили к рабочим как к самостоятельному классу с особыми экономическими и политическими интересами; они видели в них только часть трудящегося «народа» — крестьянства. Они шли к рабочим, потому что это была линия наименьшего сопротивления, вследствие большей восприимчивости городских рабочих к революционным идеям. Но они не выдвигали особых задач перед рабочим классом, не вырабатывали для него классовой программы, стараясь лишь приобщить его к общереволюционной борьбе и использовать в интересах последней. Они не вели массовой *агитации* на почве классовых интересов рабочих и потому, привлекая в ряды партии отдельных сознательных и революционно настроенных одиночек из среды рабочего класса, не оказывали никакого воздействия на *массы*. Для этого народовольцы должны были бы стать на *классовую* точку зрения, т. е. перестать быть самими собой, ибо исторический смысл существования «Народной воли» сводился к тому, что она хотела быть и была действительно выразителем стремлений радикально-демократических, а не пролетарских слоев русского общества. Вот почему деятельность «Народной воли» осталась столь же чуждой массам русских рабочих, как была она чужда и массам русского крестьянства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

До возникновения «Народной воли» военная офицерская среда поставляла отдельных революционеров, но в своей массе оставалась чуждой революционному движению. Один из видных деятелей народовольческой военной организации, моряк Э. А. Серебряков, совершенно правильно об'ясняет это явление следующим образом: «Революционеры в то время не задавались целью политического переворота и не признавали политической борьбы. Поэтому они не интересовались пропагандой среди войск. Офицерство, со своей стороны, совершенно не понимало революционеров того времени и относилось к ним с не меньшим предубеждением. Даже для более образованного и оппозиционно настроенного офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда в революционной среде почти анархическое мировоззрение. В общем офицеры, каких бы политических воззрений ни держались, в большинстве случаев всегда государственники. Среди них попадались люди, любившие народ, готовые сочувствовать всяким политическим и экономическим реформам, которые могли бы вывести народ из его печального униженного положения. Были среди них и люди, понимавшие, что тогдашний политический строй был вреден для страны, и которые отнеслись бы сочувственно к изменениям его даже насильственным путем. Но не только господствовавший в то время анархизм, а и социализм был вполне чужд для них».

Балканская война, вскрывшая гнилость русского государственного строя, употребление армии для подавления крестьянских беспорядков и выполнения полицейских функций, возму-

щавшее чувство чести более культурных офицеров, наконец оппозиционное настроение в стране в конце 70-х годов, — все это сделало офицерскую среду более восприимчивой к политически-оппозиционным и революционным идеям. Более интеллигентные офицеры начинают устраивать кружки самообразования и библиотеки, читать рефераты на научные и политические темы. На таким образом подготовленную почву начали падать семена народовольческой пропаганды.

Поставив своей ближайшей целью политический переворот и предвидя возможность для партии захвата власти, народовольцы естественно должны были обратить усиленное внимание на армию как боевую силу, от которой может зависеть исход переворота. Мы приводили уже те места «Подготовительной работы партии», в которых ясно выражена надежда «Народной воли» на офицерство. Народовольцы были людьми не слова, а дела, и потому, решив воздействовать на офицерство, тотчас же приступили к работе в этом направлении. Первым пунктом, на который они направили внимание, был Кронштадт, где почва была подготовлена. Здесь еще раньше кружок чернопередельцев-моряков вел пропаганду среди матросов, и существовали кружки морских офицеров. Желябов познакомился с талантливым лейтенантом флота Н. Е. Сухановым, настроенным оппозиционно, и начал его обрабатывать. Серебряков дает красочное описание первого посещения кружка кронштадтских морских офицеров Желябовым (под именем Андрея) и Колодкевича (под именем Глеба) осенью 1879 г.: «Штатский, назвавшийся Андреем, встал и, обращаясь к офицерам, произнес с большим энтузиазмом длинную горячую речь. «Так как Николай Евгеньевич (Суханов) передал мне,—начал он,—что вы, господа, интересуетесь программой и деятельностью нашей партии, борющейся с правительством, то я постараюсь познакомить вас с тою и другою, как умею: мы, террористы-революционеры, требуем следующего... Суть его речи заключалась в обзоре положения дел в России, в самой резкой критике правительства и его действий, в доказательствах неизбежности революции, в изложении и об'яснении программы партии, в соответствии с тогдашним положением дел в России и в доказательстве необходимости центрального террора...

Когда Андрей произнес слова «мы, террористы-революционеры», все как бы вздрогнули и в недоумении посмотрели друг на друга. Но потом под влиянием увлекательного красноречия оратора начали слушать с напряженным вниманием. Интересно было видеть перемену, происшедшую в настроении всего общества. Беззаботная, довольно веселая компания офицеров как бы по мановению волшебного жезла стала похожа на группу заговорщиков... На нас произвела особенно сильное впечатление личность говорившего, его вера и убежденность, а главным образом ясное, точное понимание и последовательное, логическое изложение плана и способа борьбы с господствовавшим в России режимом и их возможности и осуществимости. После встречи с Желябовым и Колодкевичем наше мнение о революционерах резко изменилось. В них мы встретили не только умных, но сильных людей с ясным политическим пониманием. Такой же переворот в наших взглядах произвела программа «Народной воли». В ней вопросы Учредительного собрания и национализации земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему мировоззрению, и, не будь в программе террора, мы немедленно примкнули бы к партии».

Террор вначале отпугивал даже наиболее революционно настроенного и впоследствии ставшего убежденным террористом Суханова [1]). Поэтому в течение целого года кронштадтцы

---

[1]) Насколько далек был от социализма фактический организатор и руководитель военной организации Суханов (как, впрочем, большинство военных народовольцев), видно из его заявления на суде: «Проповедывание общности имущества, отрицание собственности, семейного начала и т. п. — этого ничего ровно нет в партии; чужая собственность, напр., для всех членов партии вещь священная, гораздо более священная, чем для других людей... Ближайшей целью стремлений и усилий партии должно быть достижение политической свободы, политических прав, представительного правления. Только тогда уже можно было бы говорить о дальнейших реформах». А эти реформы, необходимые для «улучшения материального быта народа», сводятся, по Суханову, к следующим скромным требованиям: «1) коренное изменение системы податей; 2) широкая организация земского самоуправления; 3) общее даровое обучение». Только дико реакционная политика правительства превращала таких, в сущности, либеральных людей, как Суханов, в террористов-заговорщиков

поддерживали связи с народовольцами, распространяли нелегальную литературу и оказывали партии кое-какие услуги, но отказывались организоваться и взять на себя определенные обязательства в отношении партии. Только осенью 1880 г. возобновились переговоры между народовольцами и военными; в этих переговорах со стороны ИК участвовали, кроме Желябова и Колодкевича, еще Баранников и В. Фигнер, а со стороны офицеров: Суханов, Рогачев, Штромберг, Похитонов и Буцевич. Теперь у Суханова рассеялись последние сомнения, а его товарищ барон Штромберг еще раньше был психологически готов вступить в партию. В результате переговоров на собрании офицеров, созванном по этому поводу, по предложению Суханова, была принята следующая резолюция: «Будучи убеждены, что прогресс и счастье народа, а следовательно, и всей России, не могут быть достигнуты без социально-политического переворота, и признавая, что программа партии «Народная воля» вполне соответствует нашему взгляду на лучший способ достижения возможно быстрого переворота, мы присоединяемся к партии «Народная воля» и об'являем, что отныне первенствующей целью нашей жизни будет работа в пользу вышесказанного переворота в рядах партии «Народная воля» и что всю личную нашу жизнь мы подчиняем этой цели».

Так возникла «Военно-революционная организация партии «Народная воля». Основные положения ее программы сводились к следующему: «Соглашаясь вполне с социально-революционной партией, что настоящее экономическое и политическое положение народа — самое несправедливое и унизительное для человеческого достоинства, что при существующем государственном строе немыслимы какие бы то ни было основательные реформы в народном быте... мы считаем своей обязанностью немедленно присоединиться к борцам за народную свободу... 1. Наша организация признает себя солидарной с партией «Народная воля». 2. Организация согласна на активное участие в борьбе с политическим и экономическим государственным строем, т. е. согласна в случае народного восстания принять в нем участие. 3. Члены организации согласны на исключительно военное восстание с целью захвата верхов-

ной власти для устройства народного представительства» [1]). Далее в программе указывается, что «военно-революционный центр принимает от ИК отдельные поручения, относящиеся к террористической деятельности партии, и для исполнения их составляет специальные кружки», что пропаганда должна вестись исключительно среди офицеров [2]) и сводиться «к распространению и укреплению обязанностей их к народу и убеждению в настоятельной необходимости демократического политического переворота, без чего немыслимо проведение в жизнь социалистических идей, и в популяризации социалистического учения». Для поднятия культурного уровня офицерской массы рекомендуется улучшение полковых библиотек и устройство кружков саморазвития.

В основе военно-революционной организации лежали отдельные небольшие конспиративные кружки (в 5—7 человек), связанные между собой через выборных представителей, образующих местную центральную группу. Местная центральная группа связана, с одной стороны, с местной группой «Народной воли» через одного из членов последней, а, с другой — с военно-революционным центром, возникающим «путем самозарождения» и являющимся руководителем всей военно-революционной организации, которому подчинены местные центральные группы во всех общих вопросах. Военно-революционный центр непосредственно связан с ИК «Народной воли» взаимным представительством. В пределах деятельности среди военных военно-революционный центр автономен, но в во-

---

[1]) В проекте устава военно-революционной организации, найденном при обыске у Колодкевича, задачи ее формулированы определеннее: «организовать в войске силу для активной борьбы с правительством, парализовать отсталую часть войска, почему-либо не способную к активной борьбе».

[2]) Программа определенно не допускает, по соображениям конспирации, в состав военно-революционной организации «нижних чинов» и запрещает ее членам заниматься пропагандой среди солдат, которую предполагалось предоставлять рабочим. Этот прием действительно применялся в Одессе и Николаеве, где члены военной организации указывали местным группам «Народной воли» подходящих солдат и матросов, из которых рабочие члены партии устраивали кружки. Но деятельность эта никогда не принимала широких размеров.

просах общеполитических, в частности — вопросах о терроре и восстании, он действует по директивам Исполнительного Комитета.

Первоначально военно-революционный центр составился из трех офицеров: Суханова, Штромберга и Рогачева (первый из них одновременно был делегатом от военно-революционного центра и ИК) и двух членов ИК: Желябова и Колодкевича. Позднее состав военно-революционного центра расширился, и в него входили еще Буцевич, Панин, Похитонов и Дегаев, а в самый последний период его существования — Ашенбреннер, Сенягин и Степурин. Место выбывших из строя Желябова и Колодкевича заняли представители ИК: Фигнер, С. Златопольский и А. П. Корба.

В первое время своего существования военно-революционная организация занималась почти исключительно пропагандистской и организационной работой среди офицерства, и число ее членов довольно быстро росло. Кроме того ее отдельные члены выполняли те или иные поручения ИК. Так, напр., Суханов и Дегаев принимали личное участие в подкопе на Малой Садовой, а первый из них вместе с другими народовольческими «техниками» изготовлял снаряды для покушения на царя: кронштадтский кружок укрывал Фигнер, спасавшуюся от ареста; на квартирах офицеров хранились динамит и типографские принадлежности; офицеры под прикрытием своей формы, не вызывавшей подозрения, очищали от нелегальщины квартиры революционеров, попавшие под наблюдение полиции, (после 1 марта — квартиру Фигнер — Исаева) и т. д. Военно-революционный центр принял участие в литературной деятельности ИК составлением двух воззваний к военным, вышедших за подписью ИК: «К офицерству русской армии» (24 августа 1881 г.) и «Славному казачеству» (3 сентября 1881 г.). Оба эти воззвания очень характерны для политических взглядов народовольцев и, в частности, членов военной организации. Воззвание «К офицерам русской армии», написанное с большим под'емом, выводит революционный долг русского офицера из исконного девиза офицерства: «Слава и честь». «Славу и честь русской армии вы приняли в наследство от своих предшественников и должны незапятнанными сдать в руки потомкам. Мо-

жете ли вы, стало быть, не думать о том, чего требует в настоящее время от офицера его честь и к чему призывает его слава? Составляет ли славу армии охранение одрехлявшего деспотизма, разоряющего страну, развращающего народ и постепенно низводящего Россию в разряд второстепенных держав? Сохраняется ли честь армии проливанием крови своих сограждан, восставших против деспота за свободу и народные права? Дозволительно ли офицеру быть простым насильником, готовым за деньги поднимать оружие против собственной родины, или же честь и слава ставят перед ним святые обязанности гражданина? Вот вопросы, которые сами встают перед вами, и вы обязаны решить их». Армия не может оставаться нейтральной в борьбе народа с правительством. Положение в стране безвыходное. «Русский государственный строй, проникнутый духом эксплоатации и деспотизма, построенный на ограблении народа, на всеобщем невежестве, все более и более приближается к роковой для себя развязке... Вся Россия понимает, что только быстрая радикальная реформа может избавить страну от необходимости спасать себя посредством революции. Одно правительство не понимает этого». Перед офицерством открываются два пути: «Вы можете быть или освободителями народа или его палачами. Иного выхода нет и быть не может. Кто не за нас, тот против нас».

Вспоминая о подвигах французской революционной армии, воззвание заканчивается следующими, заманчивыми для офицеров, словами: «Скоро наступает момент открытой борьбы с тиранией. Тогда — вперед способнейший и достойнейший! Подавая ему славное народное знамя, отечество скажет: «Генерал-гражданин, тебе вверяется участь тысяч людей и интересы дела свободы, самого святого и великого из всех земных дел. Восставший народ не может проигрывать сражений. Кто не умеет вести граждан к победе, тот не достоин быть вождем революционной армии. И найдутся, конечно, наши русские Марсо, которые будут разбивать в пух и прах царских генералов, явятся русские Гоши из простых поручиков, которые разгромят ренегатов Тотлебенов... Только незапятнанные руки воина-гражданина в состоянии писать историю будущего своими подвигами, а не руки наемника, облитые кровью согра-

ждан. И только народному легиону соответствует возвышенный девиз: «Слава и честь».

В воззвании к казачеству ИК напоминает ему о его славных вольнолюбивых традициях, об урезывании царским правительством казацкой автономии. Заканчивается воззвание так:

«Если народ русский освободится, будет жить на всей своей воле, то и вы останетесь вольными. Тогда по всей России земля будет принадлежать народу; по всей России народ будет управляться своими выборными, без всяких чиновников, без всякой полиции; высшее правительство также будет состоять из депутатов ото всей земли, а потому будет справедливо.

Тогда вы, казаки, останетесь при своей земле, людьми вольными, ваши депутаты тоже будут в правительстве, и никто не осмелится посягать на ваши права. Перед вами только два пути: либо вы вместе со всем народом освободитесь от царского ига, либо вместе со всем народом попадете в вечное рабство».

Военная организация была образована на случай народного восстания или решения партии произвести государственный переворот при помощи вооруженной силы. Но как ни тешили себя народовольцы возможностью этих двух перспектив, вожди их были настолько практическими политиками, чтобы видеть, что при данном положении вещей в России обе эти перспективы являются нереальными. Однако сами члены военной организации, привыкшие переоценивать силу оружия, смотрели на это дело несколько иначе. Они готовы были в любой момент взяться за оружие для самых рискованных предприятий. Читатель уже знает, что когда ИК поставил в феврале 1880 г. вопрос о восстании и решил его отрицательно, Суханов предложил план бомбардировки Петербурга из Кронштадта, а официальное дознание по делу о военной организации 1883 г., основанное, вероятно, на показаниях Дегаева, сообщает, что «в апреле 1881 г. на одном из заседаний центрального кружка Суханов произнес речь, в которой утверждал, что последние события доказали, что дела партии идут хорошо и что ввиду этого она может через год сделать попытку произвести инсуррекционное движение. Под этим движением раз-

умелось не производство демонстраций, вроде бывшей в 1876 г. на Казанской площади, а, напротив, вооруженное восстание всей партии в такое время и при таких обстоятельствах, когда будет некоторая надежда на успех и возможно будет, хотя временно, прекратить действие правительственной власти и популяризировать требования и цели партии путем печатного слова, при посредстве захваченных типографий, воззваний на сходках и площадях. В видах практического осуществления подобного движения признавалось крайнею необходимостью заняться подготовительными работами, как то: собиранием различных сведений, приготовлением складов, изучением местностей будущего восстания, но главное — упрочением революционной военной организации».

Когда ИК завязал сношения с заключенным в Петропавловской крепости известным революционером Нечаевым через посредство распропагандированных им солдат гарнизона и Нечаев предложил план освобождения заключенных и захвата крепости революционерами, военно-революционная организация ухватилась за этот план и стала разрабатывать его детали. Проект этот не осуществился сперва потому, что ИК был занят в это время подготовкой к 1 марта, а потом из-за раскрытия сношений Нечаева с волей через солдат вследствие предательства сидевшего в крепости революционера Мирского; когда же в ИК поднялся вопрос об освобождении осужденных по делу 1 марта, военная организация вместе с Рабочей группой должна была взять на себя выполнение этого плана. Согласно Серебрякову план заключался в следующем: «Предполагалось собрать человек 300 петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — человек по 50, а одну — в 200. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры. Группы предполагалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект, параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот, когда процессия проходила бы (к месту казни) среднюю группу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск; боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив

на которые офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания». Идея этого плана принадлежала рабочим, военные ухватились за него с жаром, но для осуществления его не хватило ни времени, ни сил.

Сочувствие идее военного переворота и готовность принять в нем участие были среди офицеров не только севера, но и юга. Южные военные кружки, группировавшиеся вокруг подполковника Ашенбреннера и занимавшиеся преимущественно самообразованием, только тогда (в конце 1881 г.) решились примкнуть к военно-революционной организации «Народной воли», когда приехавший на юг представитель ее центра лейтенант Буцевич ребром поставил вопрос о непосредственной подготовке военного восстания. В своих воспоминаниях Ашенбреннер пишет: «Никто из нас не питал надежды на присоединение к военному движению значительных рабочих, особенно крестьянских, масс. Однако, не предрешая вопроса о совместном с другими движении, мы признали, что единственной целью военной организации должна быть инсуррекция». Ашенбреннер долго колебался, и лишь после того как Буцевич доказал ему всю беспочвенность позиции нейтралитета офицеров при столкновении правительства с революционными силами, которой первоначально придерживались военные-южане, он с головой вошел в военную организацию. По словам Ашенбреннера Буцевич развивал ему следующие соображения: «Нельзя откладывать решительное выступление до окончательной готовности целых гарнизонов. Немногочисленная, но хорошо сплоченная группа марсельцев (во время французской революции) принимала самое действительное участие во всех важных революционных событиях и всегда склоняла успех на свою сторону. Одна рота под руководством решительного человека может оказать великие услуги революционному движению; например, в городе рота может захватить арсенал и передать народу оружие. С небольшими силами можно обезоружить приблизительно в один и тот же час всю русскую армию».

Буцевич далее развил грандиозный план вооруженного выступления военной организации, которое должно послужить

прологом к революции. По плану этому предполагалось либо захватить кронштадтскую крепость, привлечь к восстанию ее гарнизон и флот и, выкинув красное знамя, бомбардировать Петербург (повторение плана Суханова), либо в день майского парада «арестовать в виду всей гвардии царя, Николая Николаевича, Владимира Александровича и всю царскую свиту» и «под прикрытием рабочих и студенческих дружин с бомбами» в случае нейтралитета гвардии отвести в кронштадтские форты, в то время как ИК «Народной воли» провозгласит себя временным правительством, а в случае противодействия гвардии «истребить царя со свитой и погибнуть», чтобы хоть этим дать толчок к народному движению и сделать невозможным продолжение старого режима. И все это предполагалось осуществить силами 200 офицеров. Трудно сказать, что́ более удивительно: что этот фантастический план исходил от солидного и европейски образованного Буцевича, или что его горячо принял немолодой уже, боевой офицер с отличиями, Ашенбреннер, знаток Маркса и различных философских систем. Но такова уже была тогда вера в силу оружия и террора, таково обаяние имени ИК и переоценка роли инициативы вооруженного революционного меньшинства. Народовольцы-военные делали только практические выводы из программы народовольцев-штатских, желавших осуществить революцию во имя народа, но без и помимо участия народа. Действительность вскоре показала им всю тщету их надежд, и дорогой ценой пришлось заплатить членам военной организации за свои иллюзии.

Присмотримся теперь ближе к организационной деятельности военно-революционной организации. Всего по народовольческим делам за 1880—1883 гг. было привлечено 67 человек, но на основании различных данных можно считать, что около 200 офицеров так или иначе было втянуто в сферу влияния военной организации. На такое именно количество рассчитывал Буцевич при своих планах военного переворота. Конечно, не все эти 200 человек были сознательными революционерами; большинство из них просто сочувствовало политическим реформам и шло пассивно за оказавшими на них влияние руководителями; стоило арестовать последних, и шкур-

ные интересы выплыли у них на первый план, и на допросах очень многие из предполагаемых участников военного переворота вели себя более чем недостойно.

Главными центрами офицерских кружков, возникавших независимо один от другого, были: Петербург—Кронштадт и Одесса — Николаев. По указанию Серебрякова «в Кронштадте к весне 1882 г. во всех трех кружках: морском, артиллерийском и пехотном было в общем человек 25—30, а если считать сочувствующих, то набралось бы 50—60. В Петербурге было не меньше, если не больше». Николаевские и одесские кружки не уступали по количеству членов петербургско-кронштадтским. В Николаеве были кружки армейский и морской (до 30 человек), в Одессе — армейский. Кроме того А. П. Корба организовала в Тифлисе кружок офицеров мингрельского полка; имелись кружки и отдельные связи среди офицеров в Москве, Гельсингфорсе, Новгороде, Киеве, Орле, Смоленске, Вильне, Минске. Офицерская среда в это время была оппозиционно настроена, охотно читала нелегальную литературу. Даже такой видный военный, как генерал Драгомиров, согласился дать статью о русской армии для нелегального издания, а другой крупный военный, генерал Скобелев, заносившийся в своих честолюбивых мечтах до мысли сыграть в России чуть ли не роль Наполеона, искал, будучи за границей, связей с народовольцами. Распространению влияния военной организации содействовали совершавшиеся время от времени ее членами объезды провинции. Такие поездки делали: Рогачев, Похитонов, Буцевич, а в последний период — Дегаев и Ашенбреннер.

Военно-революционный центр работал настолько успешно, что даже арест Суханова и Штромберга в конце апреля 1881 г. не особенно сильно отразился на его деятельности. Возникали новые кружки, и расширялись связи. Более того, когда весной 1882 г. были разгромлены остатки ИК и единственным его представителем на воле осталась В. Фигнер, она решила использовать силы военной организации для восстановления партийного центра. Раз вопрос о военном восстании снимается с очереди — рассуждала В. Фигнер, — а в этом не могло быть сомнения, — надо «извлечь из военной организации человек пять, наиболее выдающихся по способностям и ха-

рактеру», которые, выйдя в отставку, вместе с несколькими привлеченными лицами из штатских восстановят ИК. Надежды Фигнер, однако, не оправдались, так как большинство офицеров, к которым она обратилась, отклонили предложение, не желая расставаться с военной службой. Только Рогачев и Ашенбреннер выразили готовность отдать себя в полное распоряжение ИК. Но было уже поздно. Одновременно с этим Фигнер ввела в ИК Дегаева, в руках которого сосредоточились все военные связи. После ареста Дегаева в декабре 1882 г. он стал предателем, и по его указаниям была в начале 1883 г. арестована В. Фигнер, а вслед затем начисто разгромлена военная организация.

Военная организация перестала существовать. Подобно другим начинаниям народовольцев она после короткого периода внешних успехов умерла, не оставив после себя заметных следов. Она погибла по той же причине, по которой прекратилась террористическая деятельность «Народной воли» и замерла ее пропаганда среди рабочих. Этой причиной было отсутствие под ее ногами прочной почвы. Общий общественный под'ем и внешние успехи ИК на короткое время зажгли огонь энтузиазма в передовых слоях офицерства, но настала полоса суровых правительственных репрессий и общественной реакции, и от этого огня остались одни только искорки, которые скоро загасли в сгущавшемся сумраке второй половины 80-х годов. За военной организацией, как и за всей партией «Народная воля», не было *массы*, которая способна была бы обеспечить ей победу, а не одну только героическую гибель.

Глава восьмая.

ДРУГИЕ СТОРОНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

Одной из сфер, на которую усиленно воздействовала «Народная воля, было студенчество. И до народовольческого движения студенты и студентки были той средой, из которой выходило подавляющее большинство революционеров. Немало студентов и бывших студентов было в рядах самой «Народной воли». Наряду с рабочими студенчество было тем главным резервуаром, из которого партия черпала пополнение своих убывающих сил. Студенческие движения 70-х годов, правительственные репрессии, обрушившиеся на студенчество в связи с ними, и широкое распространение социалистических и революционных идей среди учащихся высших учебных заведений — все это делало студенчество восприимчивым к пропаганде «Народной воли». Бежавший из Сибири и вернувшийся в Россию в начале 1881 г. Дебагорий-Мокриевич утверждает, например, что «чуть не половина студентов Московского университета и Петровско-разумовской академии считалась революционерами. Подобный же рост замечался, как я слыхал тогда, и по другим университетским городам». Если в этих словах и есть некоторое преувеличение, то во всяком случае они свидетельствуют о широком распространении среди студенчества революционных идей. Одна только хроника арестов того времени показывает, какой большой процент среди арестованных составляли студенты.

«Подготовительная работа партии» так определяет задачи по отношению к учащейся молодежи: «Важно поддерживать в ее рядах революционные тенденции, воспитывая молодое

поколение в революционном духе и давая деятельность, доступную для его сил и в то же время полезную для дела революции. Так, учащаяся молодежь может поддерживать в своей среде дух солидарности, стойкость в борьбе и гражданское мужество, добиваясь расширения студенческих прав; может вести пропаганду среди рабочих, помогать распространению революционных изданий и т. п.».

Во всех университетских городах народовольческие группы устраивают кружки среди студентов, выступают на их сходках и вовлекают их постепенно в партийную деятельность. Даже такие видные члены ИК, как Желябов, Фигнер и др., уделяли часть своего времени пропаганде среди учащихся и сношениям со студенческими кружками. Из студенческой среды вербуются пропагандисты для рабочих кружков, исполнители и участники террористических покушений, технические работники и т. д. Без поддержки студентов еще больше, чем без поддержки рабочих, террористическая и пропагандистская деятельность ИК окончательно повисла бы в воздухе.

При каждой крупной местной народовольческой группе существовала специальная «студенческая подгруппа», а в Петербурге в 1880 г. образовался «Центральный кружок С.-петербургского университета», который при помощи прокламаций пытался воздействовать на широкую массу студенчества, направляя его недовольство в сторону политической борьбы с самодержавием. В прокламации «К студентам» от 25 октября 1881 г. Центральный кружок говорит: «Русское студенчество уже многие годы ведет борьбу под этим знаменем (свобода и счастье нашего народа). Немало энергических деятелей выделилось из его среды, немало жертв принесено им. Оно всегда было впереди оппозиционных элементов нашего общества. Удары его, однако, не всегда направлялись надлежащим образом и настигали не настоящего врага. Много сил и жертв потрачено на отстаивание чисто студенческих интересов. Пора нам понять, товарищи, что недостатки университетского быта, неустройство студенческой жизни вообще являются неизбежным результатом более глубоких причин, чем воля и усмотрение университетского начальства или даже министерства народного просвещения. Пора нам дать своим силам более полез-

ное применение, чем это было до сих пор, и перенести нашу борьбу на более широкую почву. Прямое и непосредственное участие в борьбе за свободу и права народа — такова должна быть наша задача». Воззвание заканчивается призывом к студенчеству организоваться. С тою же целью политической агитации народовольцы используют случаи студенческих беспорядков на академической почве. Воззвание Центрального кружка от 18 февраля 1882 г. по поводу закрытия Харьковского университета в связи с беспорядками говорило: «Харьковская история — новое доказательство, что русское правительство признает студентов париями. Осыпанные клевстой, они не могут оскорбляться. Они не могут обсуждать поступка своих товарищей, что неизбежно во всяком обществе. Они подвергаются за это оскорблениям и исключениям. Университет закрывается». Воззвание заканчивается призывом к студентам «не поддаваться минутным увлечениям... Правительство жестоко карает поступки, ему противные, хотя сравнительно неважные. *Только великое дело требует великих жертв*». Итак, народовольцы рекомендовали студентам не тратить сил на чисто студенческое движение и отдать их непосредственной борьбе с правительством. Поэтому они и не старались *руководить* вспыхивавшим то там, то здесь студенческим движением, лишь используя его для политической агитации.

Один только раз народовольцы сделали попытку открытого выступления непосредственно в студенческой среде. Это произошло на университетском акте в Петербурге 8 февраля 1881 г. Перед этим реакционный министр народного просвещения граф Д. Толстой был заменен «либеральным» Сабуровым. Либеральная печать склонна была видеть в этом начало осуществления Лорис-Меликовым реформ. «Народная воля», которая вела борьбу с политикой последнего, решила публично протестовать против этой пародии на реформы. ИК организовал на акте, на котором присутствовал новый министр, при помощи членов партии — студентов — политическую демонстрацию. При огромном стечении студентов (до 4 тысяч) после оглашения ректором отчета выступил студент Коган-Бернштейн с краткой речью следующего содержания: «Господа! Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оста-

влены без внимания. Нас выслушали для того, чтобы посмеяться над нами. Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем лживую политику правительства; ему не удастся остановить движение русской мысли обманом. Мы не позволим издеваться над собой... Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя».

После этой речи Коган-Бернштейн бросил по залу веером экземпляры прокламации, составленной при участии Желябова, который вместе с некоторыми другими членами ИК присутствовал на акте, и в то же время студент Подбельский подошел к министру и дал ему пощечину [1]).

Общую оценку студенческого движения дает приложение к одному из «Листков «Народной воли», говоря о студенческих беспорядках 1882—1883 гг.: «Мелкие, чисто студенческие причины, вроде лишения стипендии одного из студентов, вызвав волнение в одном-двух кружках, взволновали постепенно всю лучшую часть студенчества, перенесли движение от мелких причин первоначального брожения на широкую почву общественного недовольства существующей системой отношений правительства к интеллигенции и сделали молодежь *представительницей общественного протеста*».

На той же точке зрения стоит воззвание «К русскому юношеству», изданное в начале 1884 г. «Союзом молодежи партии «Народная воля». «Не пора ли, — говорилось в воззвании, — оставить мелкую борьбу с врагом на почве кастовых (студенческих) интересов и готовиться к борьбе серьезной и великой? Революционная интеллигенция — единственная сила, могущая притти на помощь нашему обездоленному народу, и наш долг — пополнять ее ряды новыми деятелями, ясно со-

---

[1]) Коган-Бернштейн и Подбельский были пропагандистами в рабочей группе «Народной воли»; после демонстрации 8 февраля им удалось скрыться, и лишь впоследствии по другому делу они были сосланы в Сибирь, где оба трагически погибли в 1889 г. при якутской бойне, учиненной над ссыльными. Подбельский был убит на месте солдатами, а раненый Коган-Бернштейн был повешен по приговору суда. Хотя форма протеста, избранная народовольцами, и не встретила сочувствия части радикального студенчества, но она нашла подражание в 1882—1883 гг. у студентов Казанского и Варшавского университетов.

знающими задачи своей деятельности, самоотверженными, неуклонно стремящимися к осуществлению своих идеалов». Указывая, что задачей партии является непосредственная борьба с абсолютизмом (террор), воззвание признает, что она «неизбежно будет вынуждена или совершенно забросить другие, не менее важные стороны дела, или же уделять им несравненно меньше сил и внимания. Пропаганда в обществе и в народе идеи социального переустройства, вызов к жизни новых революционных сил, выработка начинающих протестантов должны быть причислены в большей или меньшей степени к подобным сторонам революционного дела». Эту последнюю задачу идейного характера должен взять на себя «Союз молодежи партии «Народная воля», который «своим умственным и нравственным влиянием об'единил бы многочисленные кружки протестующей молодежи, существующее в настоящее время в разрозненном виде, вдохновлял бы их на пропаганду социально-революционных идей, указал всем и каждому посильную и полезную для дела работу и таким образом стал школой, в которой бы нормально развивались и крепли революционные деятели».

В последний период существования «Народной воли» студенческие революционные кружки были той средой, которая продолжала поставлять смену уходившим со сцены ее основателям. И уже после разгрома «Народной воли» ее идеи долгое время продолжали сохраняться и *распространяться* среди студенчества.

Деятельность «Народной воли» не ограничивалась борьбой с правительством посредством террора и пропагандистско-организационной работой среди рабочих, военных и учащихся. Партия старалась воздействовать на «общество», то есть на его буржуазно-либеральные круги. Хотя ни в программе ИК, ни в «Подготовительной работе партии» об этом ничего не говорится, но, по мере развертывания борьбы ИК с правительством и обнаружения обществом сочувствия ей, народовольцы стали придавать все большее значение привлечению общественного мнения на свою сторону.

Рассказывая о своей деятельности в Одессе в конце 1879 г., Фигнер пишет: «Я быстро завела обширный круг знакомств,

в котором фигурировали представители всех классов общества, начиная от профессора и генерала, помещика и студента, врача и чиновника, до рабочего и швеи, и везде, где могла, проводила революционные идеи и защищала образ действия «Народной воли». Связи в обществе были необходимы народовольцам уже в силу чисто технических соображений: террористическая деятельность требовала больших денежных средств, которые главным образом можно было черпать из кругов общества. Кроме того «сочувствующие» из среды этого общества оказывали и другие услуги: доставление квартир для укрывания нелегальных, хранение нелегальной литературы и т. п. Но для народовольцев, поставивших непосредственной своей задачей свержение царизма и достижение конституции, нужна была не техническая только, но и *политическая* поддержка либеральной буржуазии, так как по крайней мере наиболее проницательные из них понимали, что при сочувствии имущих слоев общества партии легче будет своей террористической деятельностью заставить правительство пойти на уступки.

Поэтому мы наблюдаем то любопытное явление, что, хотя народовольцы как прошедшие в большинстве своем через школу анархизма, крайне отрицательно относились к либералам и скептически оценивали их политическую активность, они, по мере того как борьба за конституцию становилась в центре их внимания, загораживая их социалистические цели, все более начинают поворачивать фронт в сторону «общества» и возлагать на него все бо́льшие и бо́льшие надежды. Мы знаем уже, что Желябов резко ставил вопрос, с кем итти и на кого рассчитывать — на народ или на общество, и, не колеблясь, отвечал: на общество. В то время взгляды Желябова не разделялись большинством народовольцев, но жизнь оказалась сильнее предвзятой теории, и практика заставила народовольцев итти скорее по пути Желябова, чем по пути его противников в этом вопросе. Другой вождь народовольцев, А. Михайлов, в своем знаменитом письме-завещании товарищам из Петропавловской крепости в феврале 1882 г. ставил перед партией такие политические задачи: «Условия жизни и революционная деятельность, — писал он, — привели Россию к та-

кому моменту, когда всеми здравомыслящими и честными гражданами должны быть сознаны и выдвинуты насущнейшие вопросы дальнейшего гражданского прогресса России, ее дальнейшего человеческого существования. Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего. Слишком широкие организационные задачи также немыслимы в данный момент. Должно стать ближайшей задачей не переворот государственного строя, а еще одно сильнейшее потрясение его... Лозунгом вашим должно стать — минимум желательного, но с максимальной настойчивостью. Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок — вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигнете себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердцах народа. Он оправдает самые крайние средства ваши, когда станет распоряжаться своими судьбами...» В заключение Михайлов делает вывод, совершенно последовательно вытекающий из урезывания им задач партии ради достижения практической цели: «Постарайтесь завести хотя отдаленные связи с либеральными влиятельными людьми, которые легко могут непосредственно воспользоваться вашим успехом. Наблюдение за ними или хотя косвенное влияние, а в решительный момент — настойчивое давление и даже угроза могут произвести великие последствия».

Михайлов хорошо сознавал и нисколько не боялся того, что либералы смогут воспользоваться «успехом» революционеров. Как далеко это, как прямо противоположно боязни народников 70-х годов перед борьбой за политическую свободу, которая только усилит буржуазию! Михайлов правильно учитывал и отношение общества к деятельности «Народной воли». Либералы могли искренно или неискренно возмущаться вслух «кровавыми» методами борьбы, применявшимися революционерами, но в душе они сознавали, что удары, наносимые «Народной волей» правительству, приближают момент осуществления их конституционных вожделений. И чем пассивнее было либеральное общество, чем неспособнее была русская

буржуазия к активной борьбе, тем больше надежд они должны были возлагать на террористов. В. Фигнер, которой много приходилось соприкасаться с обществом, очень верно, на наш взгляд, характеризует существовавшие между ним и народовольцами взаимоотношения: «Так как мы задавались целью, ставили единственной задачей и занятием своим проникновение во все слои, во все сферы; так как мы имели сообщников не только по губернским городам, но и по провинциальным закоулкам, и все эти сообщники имели друзей и близких и были окружены целым слоем так называемых сочувствующих, за которыми обыкновенно следуют еще люди, любящие просто полиберальничать, — то и выходило в конце концов, что мы встречали повсюду одобрение и нигде не находили нравственного отпора и противодействия. С этой точки зрения мы имели право говорить от лица общества; мы составляли до известной степени передовой отряд части этого общества; быть может, эта часть казалась нам больше, чем она была на самом деле, но зато она, наверное, была значительнее, чем думали люди противоположного нам лагеря. Зная, что эта группа сочувствует нам, мы не чувствовали себя сектой, изолированной от всех прочих элементов государства».

Впрочем, не следует преувеличивать связей и непосредственного влияния народовольцев на буржуазное общество. Если исключить военную среду, о которой мы говорили в предыдущей главе, то связи эти исчерпывались преимущественно кругами литераторов (некоторые редактора и сотрудники радикальных журналов: «Отечественные записки», «Дело», «Слово» стояли близко к народовольцам), адвокатов и других лиц свободных профессий, отдельными представителями земств и городских дум и либеральными чиновниками. Две причины сильно мешали более тесным взаимоотношениям между либералами и народовольцами: с одной стороны, социалистическая идеология, а часто даже только фразеология народовольцев [1]), отпугивавшая либералов от последних, с другой — пас-

[1]) Впрочем, наиболее прозорливые буржуа не смущались этой фразеологией, умея различить за ней действительный смысл и значение для буржуазии борьбы революционеров с правительством. Еще в 1877 г., т. е. до возникновения «Народной воли», известный адвокат

сивность и политическая дряблость русского либерализма, склонного ожидать реформ скорее от милости сверху либерального монарха, чем снизу, от борьбы народа и революционных партий.

Посмотрим теперь, как выразилось отношение народовольцев к либералам на страницах их центрального органа «Народная воля». Прежде всего следует отметить, что по своему тону, содержанию и манере изложения «Народная воля» меньше всего была изданием для читателя из народа. Это был орган, предназначенный в первую очередь для интеллигенции и отчасти для просвещенной части общества. В общем позиция редакции в отношении к либералам все время колебалась между убеждением их в умеренности требований народовольцев и необходимости поддержки обществом революционной борьбы — и обвинением этих либералов в трусости и неспособности к политическим действиям. Впрочем, в этом не было противоречия, ибо и то и другое отражало стремление ИК добиться признания и поддержки своей деятельности со стороны либералов. Ошанина, правда, утверждает, что «от либералов никогда не ждали самостоятельных действий, придавали им значение постольку, поскольку они являлись пособниками, сочувствующими. Всегда думали на них *воздействовать*, а не входить с ними в те или иные соглашения». Мы сейчас увидим, что это не совсем так.

В № 3 «Народной воли» (от 1 февраля 1880 г.) мы читаем: «Наше дело настоящего момента — дело даже не партийное, а общерусское. Отсюда всеобщее сочувствие или, лучше сказать, одобрение, которое никогда еще не было так широко, как теперь... Необходима общая активная поддержка и обильный приток сил, необходимо движение *общее*. А у нас не только общество и народ остаются праздными зрителями борьбы, но даже сами социалисты часто склонны взваливать

В. Д. Спасович, откровенно говорил своему подзащитному в процессе 50-ти, Джабадари: «Знаете ли вы, что вы все-таки работаете не для социальной революции; нет, она еще далеко; а расчищаете только путь нам — буржуа-либералам, как вы нас называете, и только. Мы воспользуемся вашим трудом и вашими жертвами».

страшный поединок (борьбы с правительством) на плечи одного ИК» [1]).

По мере развития террористической борьбы народовольцы все резче и резче бичуют либеральное общество за его пассивность, а чем меньше ИК чувствует за собой сил, тем сильнее звучит его призыв о поддержке, и тем больше критика переходит в тон увещевания. В № 3 «Листка «Народной воли» раздаются такие упреки: «Ни масса ссылок, ни нарушение личной и имущественной неприкосновенности, ни оскорбительное подчинение уряднику, городовому, дворнику — не возбудило в обществе никакого коллективного отпора. Несколько жалких петиций, полных рабского унижения, — вот и все, на что хватило его сил». И почти одновременно «Народная воля» упрекала общество за молчание по поводу смертных казней в связи с казнью Квятковского и Преснякова, о чем мы уже писали. А после 1 марта, когда убийство царя вызвало оживление либерального движения, тон «Народной воли» в отношении к либералам смягчается. Уже в воззвании ИК от 1 марта по поводу цареубийства говорится: «ИК обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним. Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития».

В конце 1881 г., когда народовольцы изнемогали от непосильной борьбы, взваленной себе на плечи, «Народная воля» в № 6 писала почти с отчаянием: «Мы, действующие в интересах общества, убеждаем это общество выйти, наконец, из малодушной апатии; мы заклинаем его возвысить голос за свои интересы, за интересы всего народа, за жизнь своих детей и братьев, систематически преследуемых и убиваемых». Почти те же ноты слышатся в № 8—9 (от 5 февраля 1882 г.): «Мы не теряем надежды, что лучшая, здоровая часть нашего общества, искренно желающая блага народу и счастья русской стране,

[1]) В дополнительных пунктах к «Программе ИК» говорится: «Все оппозиционные элементы, не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту».

воспользуется первым случаем, чтобы приобрести права, необходимые для человеческого существования. Печальная необходимость кровавой расправы могла быть избегнута или отсрочена, если бы недовольные элементы общества сумели отстоять тот минимум требований, которые ИК пред'явил к Александру II. Мы первые тогда покинули бы путь насилия».

А в «Листке «Народной воли» за тот же 1882 г. редакция так определяет отношения партии к либералам: «Мы не скрываем также ни от себя, ни от либералов, что на другой день после того, как восторжествует идея народной воли над самовластьем, наши дороги по всей вероятности разойдутся. Но теперь ближайшая цель у нас одна и та же». Далее в этой же статье говорится: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах историческую задачу переживаемой родной страной минуты? В наших руках только одно средство — террор». Ответственность за него падает не только на реакционную политику правительства, но и на тех, кто, «сознавая неотложную потребность родины и имея в руках другие мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут».

Наконец, в № 10 «Народной воли» (сентябрь 1884 г.) приветствуется воззвание русских конституционалистов, о котором мы еще скажем в следующей главе, хотя осторожно критикуется умеренность выставленных в нем требований и отсутствие указаний на средства борьбы. «Несмотря на все, мы не можем не приветствовать этого первого шага либеральной партии. Шаг этот может в значительной степени содействовать прекращению происходящего в жизни хаоса и неопределенности общественных отношений. Кроме того, если бы либералы пожелали пойти еще на шаг дальше и перейти от слов хотя к каким-нибудь «поступкам», то это могло бы облегчить нам общую задачу борьбы с правительством и при дальнейших его поражениях могло бы служить хотя некоторою гарантией того, что общество сумеет воспользоваться его замешательством в роковую минуту. Нужно, чтобы в пробитую нами брешь вступили общественные силы и постарались обеспечить стране могучее развитие как в политической, так и в социально-экономической области».

От такой постановки вопроса недалеко до прямого союза с либералами, стремление к которому отрицает Ошанина. Но было уже поздно: «Народная воля» находилась на закате, ее террористическая тактика, казавшаяся одно время либералам проявлением силы революционной партии, обнаружила свое бессилие, да и либеральное движение, оживившееся одно время от раскатов террористической борьбы, снова сходило на-нет и к половине десятилетия совершенно замерло...

Видное место в деятельности «Народной воли» занимало издание и распространение нелегальной литературы. На постановку тайных типографий тратилось ею немало сил и средств. Тотчас же после разделения «Земли и воли» народовольцы в лице Зунделевича поставили хорошо оборудованную и тщательно законспирированную типографию в самом Петербурге, на Саперном переулке, в которой было напечатано три номера «Народной воли», несколько прокламаций и пр. В ночь с 17 на 18 января 1880 г. типография эта была арестована, причем работавшие в ней народовольцы: Бух, С. Иванова, Грязнова, Цукерман и Лубкин оказали вооруженное упорное сопротивление, во время которого Лубкин застрелился, а остальные успели уничтожить все компрометирующие материалы. После этого пришлось выпуск центрального органа временно приостановить, заменив его «Листками «Народной воли», печатавшимися в маленькой «летучей» (переносной) типографии. Лишь в декабре того же года удалось поставить в Петербурге новую типографию (Кибальчич, Грачевский, Л. Терентьева и Ивановская, потом Калюжный и Смирницкая), в которой были напечатаны номера «Народной воли» от 4 до 8—9. После разгрома народовольцев весной 1882 г. и отъезда главного редактора Тихомирова за границу снова наступает перерыв. № 10 «Народной воли» выпущен (в дерптской и ростовской типографиях) усилиями Лопатина и «Молодой народной воли» лишь в сентябре 1884 г. В промежутке выходили в «летучих» типографиях «Листки «Народной воли». Наконец, последний № 11/12 «Народной воли» выпущен уже после прекращения деятельности «ИК» группой народовольцев в

октябре 1885 г. (тоже на юге). Всего, таким образом, за 6 лет, с 1879 г. по 1885 г., выпущено было 12 номеров «Народной воли» (из них два двойных), 6 «Листков «Народной воли», одно «Приложение» и «Прибавление» к ним. «Народная воля» представляла собой скорее журнал, чем газету, имея довольно значительный об'ем, причем предназначенный не для массового читателя. После одной-двух статей на текущую политическую тему или программного характера в «Народной воле» обыкновенно находилось политическое обозрение и внутренняя хроника, посвященные главным образом анализу и критике деятельности правительства, событиям из земской жизни, полемике с реакционной печатью; далее шли сравнительно редкие корреспонденции из деревни (из жизни рабочих их совсем не было) и еще более редкие корреспонденции о европейском социалистическом движении. Большое место занимала хроника арестов, письма из ссылки и каторги, биографии казненных революционеров и т. п. Будучи по направлению журналом партийным, «Народная воля» велась таким образом, что могла заинтересовать любого читателя, неравнодушного к политическим судьбам страны.

Для рабочих, как мы знаем, партия издавала в особой типографии «Рабочую газету». С переездом Тихомирова за границу в 1883 г. там стал выходить под редакцией его и Лаврова теоретический журнал партии «Вестник «Народной воли», которого вышло всего 5 номеров (последний в 1886 г.).

Не ограничиваясь периодическими изданиями, ИК выпускал прокламации как от своего имени, так и от имени рабочих членов партии «Народная воля», студенческой группы и т. д. Прокламации выпускались главным образом по поводу совершенных партией покушений или других выдающихся событий. По подсчету Богучарского ИК за все время было выпущено 23 прокламации; кроме того прокламации издавались и местными группами партии.

Наконец, к литературной деятельности партии относится издание брошюр. За границей были изданы «Календарь «Народной воли» (1883 г.), биографии революционеров: Соловьева, Михайлова, Желябова, Перовской и Кибальчича, — три сборника «На родине». В России в 1883 г. была издана брошю-

ра: «Чего нам ждать от коронации?» (автор — редактор «Отечественных записок» Кривенко) и в 1886 г. брошюра Богораза: «Борьба общественных сил в России» и отчет о суде над польской партией «Пролетариат».

Одним из крупных начинаний «Народной воли» было образование ею «Общества красного креста партии «Народная воля», основанного в конце 1881 г. Юр. Богдановичем и Калюжным при ближайшем сотрудничестве Теллалова и Грачевского. И до возникновения «Красного креста» отдельные кружки и группы оказывали помощь революционерам, находившимся в тюрьмах и ссылке. Теперь эта деятельность была поставлена под непосредственное руководство партии, причем, наряду с материальной помощью, «Красный крест партии «Народная воля» оказывал содействие в побегах с места ссылки. Заявление «Центрального управления Красного креста» так формулировало цели последнего: «Цель общества состоит в оказании материальной и нравственной поддержки всем лицам, подвергшимся гонению за свободу мысли и совести. Управление общества приглашает всех, без различия сословий и национальностей, оказать ему посильную поддержку в осуществлении этой задачи». В начале 1882 г. был образован заграничный отдел «Красного креста», представителями которого согласились быть не входившие в партию Лавров и Засулич. Отдел этот развил широкую деятельность по сбору пожертвований и своей агитацией привлек внимание европейского общественного мнения к положению в царских тюрьмах и ссылке. В 1884 г. заграничный отдел перестал существовать, а вместе с гибелью «Народной воли» прекратилось и существование самого «Красного креста «Народной воли». Но идея его как организации, оказывающей помощь всем *политическим* заключенным и ссыльным, без различия их направлений, пережила «Народную волю», и «Красный крест» продолжал существовать в разных формах, поскольку существовала категория «политических преступников».

В брошюре «Подготовительная работа партии» имелся раздел «Европа», в котором, между прочим, говорилось: «По отношению к Европе политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие *народов*. Для достижения этой цели партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения как выражения всенародного протеста. Факты революционной борьбы, деятельность и цели партии, мероприятия русского правительства, его отношение к народу — если Европа будет все это знать без искажений, то ее сочувствие нам обеспечено. В этих видах необходимо организовать снабжение европейской прессы всякими такого рода сведениями. Лица, проживающие за границей, должны лично действовать в том же духе на митингах, общественных собраниях, читая лекции о России и т. п.

Первым случаем, когда ИК пришлось выступить перед лицом европейского общественного мнения, было дело Гартмана. Участник покушения на царский поезд под Москвой, Гартман, по указаниям русских шпионов, был арестован в Париже, и услужливое французское правительство собиралось выдать его России как уголовного преступника, как за несколько лет перед тем швейцарское правительство выдало Нечаева. Под влиянием агитации, поднятой русскими эмигрантами (главным образом Лавровым), французское передовое общество решительно выступило против лакейской услуги, которую французское республиканское правительство готово было оказать русскому царизму. Особенно сильное впечатление произвело открытое письмо знаменитого французского романиста и поэта Виктора Гюго, выступившего с горячим протестом. Под таким давлением французское правительство вынуждено было освободить Гартмана. Во время этой кампании в феврале 1880 г. ИК выпустил на французском языке горячо написанное воззвание «К французскому народу». В нем мы, между прочим, читаем: «Может ли русский политический эмигрант, вся вина которого заключается лишь в том, что он принимал участие в революционной борьбе своего народа, — может ли он быть выданным свободной и республиканской Францией азиатскому и деспо-

тическому правительству, враждебному ей по своей политике и оковавшему своими цепями весь русский народ?.. Зачем идете вы на помощь царизму, порабощающему нашу несчастную родину, отнимающему у нее лучших ее сынов? Вы, первые апостолы свободы, вы, которые так много страдали под игом тирании, — почему вы хотите мешать нам освободиться от нашей тирании?.. Мы стремились к тому, чтобы поднять интеллектуальный уровень народа, дать ему сознание его прав и его положения. Нашим единственным оружием была пропаганда прогрессивных идей». Указав на зверские жестокости царизма по отношению к революционерам, воззвание продолжало: «Вот это-то невыносимое положение вещей, в котором наше правительство видит единственное средство поддержания «порядка», и заставило нас взяться за оружие... Свержение деспотизма и устройство новых государственных учреждений представилось нам как первый шаг на пути к освобождению страны. Наш долг побудил нас бросить правительству открытый вызов на борьбу».

В прокламации ИК к «Европейскому обществу» по поводу убийства царя он писал: «ИК не сомневается, что мыслящие и честные элементы западно-европейского общества понимают все значение этой борьбы (с самодержавием) и не отнесутся с осуждением к той форме, в какой она ведется, так как эта форма была вызвана бесчеловечьем русской власти, так как другого исхода, кроме кровавой борьбы, нет для русского человека». Большую кампанию развил за границей ИК по поводу смертного приговора беременной Г. Гельфман. ИК выступил также перед Европой с заявлением по поводу убийства анархистом Гито в сентябре 1881 г. президента Соединенных Штатов Гарфильда. Заявление это гласило: «Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Гарфильда, ИК считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — в такой стране политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма,

уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направлено против насилия».

Вскоре после освобождения Гартмана ИК назначил его своим заграничным представителем, поручив ему освещать деятельность партии за границей, и по этому поводу обратился с открытыми письмами о содействии ему к французскому революционеру Рошфору и к Марксу [1]).

Гартману, который близко сошелся с Марксом, усиленно помогали в его деятельности Лавров и Г. Лопатин, которые благодаря своим связям с западно-европейскими социалистами популяризировали в революционных и социалистических кругах Западной Европы борьбу «Народной воли».

В конце 1883 г. ИК «Народной воли» вступил в тесные сношения с образовавшейся к тому времени в Польше польской социалистической партией «Пролетариат». Партия эта стояла на *классовой* точке зрения («Мы не организация переворота, но организация рабочих для переворота» — так формулировал на суде в 1885 г. задачи партии ее вождь Л. Варынский), выдвигая своей целью «полное экономическое и политическое освобождение трудящихся классов от давящего их гнета. Цель эта может быть достигнута самими рабочими классами, когда они придут к сознанию своей классовой обособленности и враждебности своих интересов интересам других привилегированных классов общества». Считая своей задачей «пропаганду социализма, с одной стороны, агитацию среди масс на почве насущных будничных интересов и организацию борьбы за них с привилегированными классами и государством, стоящим на стороне этих классов, «Пролетариат» вместе с тем признавал и практиковал фабричный и политический террор. В этом он сходился с народовольцами, как он сходился с ними в признании захвата власти революционной партией. Вожди

---

[1]) Маркс с большим сочувствием относился к «Народной воле», полагая, что ее террористическая борьба заставит правительство пойти на конституционные уступки.

«Пролетариата», жившие в России, были тесно связаны с членами ИК и оказывали ему услуги (так, Куницкий после убийства Судейкина лично увез Дегаева за границу). Взаимоотношения между «Пролетариатом» и ИК привели к договору между обеими партиями, предусматривавшему согласованные действия между ними, взаимную информацию и т. д. Договор этот практического значения не имел, так как вскоре после его заключения обе партии были разгромлены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1 МАРТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Высшей точкой деятельности «Народной воли» было цареубийство 1 марта 1881 г., которое на короткое время поставило ИК в центре внимания русского и европейского общественного мнения. Был момент, когда ни у кого не было уверенности, кто одержит победу в завязавшейся борьбе: кучка отважных революционеров или царское самодержавие, когда даже само правительство стало колебаться, не пойти ли ему на уступки.

Но еще до 1 марта террористическая тактика «Народной воли» заставила и правительство и общество считаться с собой как с силой. После взрыва в Зимнем дворце стало казаться, что никакие охраны не в состоянии уберечь личность царя от карающей руки революционеров. Не отказываясь от политики репрессий, правительство сделало попытку внести раскол в оппозиционную среду, чтобы отколоть от революционеров сочувствующие им круги либерального общества. С этой целью через неделю после взрыва, 12 февраля 1880 г., была учреждена под председательством харьковского генерал-губернатора графа Лорис-Меликова «Верховная распорядительная комиссия» с неограниченными полномочиями, задачей которой было поставлено «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок». Сам Лорис-Меликов в беседе с представителями петербургских газет так определил свои задачи: «Дать земству и другим общественным и сословным учреждениям возмож-

ность вполне воспользоваться теми правами, которые дарованы им законами, стараясь при этом облегчить их деятельность в тех случаях, когда на опыте в том или другом отделе предоставленной им законом деятельности окажется недостаток полномочий, необходимых для правильного ведения дела и экономического улучшения местности... привести к единообразию полицию и поставить ее в гармонию с новыми учреждениями, чтобы в ней не было более возможности проявляться разным уклонениям, существовавшим доселе, дать провинциальным учреждениям бóльшую самостоятельность в разрешении подведомых им дел, познать желания, нужды, состояние населения, обратив при этом внимание на его экономическое положение». И хотя Лорис-Меликов определенно заявил, что в его программе не имеется «мечтательной иллюзии о привлечении общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних соборов», что, по мнению Лорис-Меликова, для России «несвоевременно», но и эта скромная программа вызвала преувеличенные надежды русских либералов, окрестивших кратковременное пребывание Лорис-Меликова у власти эпохой «диктатуры сердца».

Лорис-Меликов лишь отчасти оправдал эти надежды. Преследования революционеров продолжались при нем, как и до него, но он ослабил несколько цензурный гнет, вернул из административной ссылки многих студентов и других лиц, сосланных по мелким политическим делам (одновременно шло ухудшение каторжного режима для политических заключенных на Каре), упразднил ненавистное «Третье отделение», учредив на его место ничем от него не отличавшийся «Департамент государственной полиции», отправил в несколько губерний сенаторские ревизии для расследования злоупотреблений, назначил комиссию (Кохановскую) для пересмотра Положения о земстве и в отдельных случаях обуздывал произвол местных администраторов, чересчур уже досаждавших обывателю. Все это была капля в море всероссийского произвола и бесправия, но и этой капли было достаточно, чтобы заставить либералов поднять голову и смелее заговорить в печати и на земских собраниях о нуждах общества. Ряд земств выносит

оппозиционные резолюции о необходимости созыва народных представителей или, по крайней мере, расширения прав земства. В 1880 г. появляется еженедельная газета «Земство» конституционного направления. В начале 1881 г. редактор ее Скалон писал: «Во всеуслышание стала высказываться мысль о необходимости крупных реформ, о предоставлении обществу более широкого участия в государственном управлении, о своевременности *венчания здания*... Идеи эти все более распространяются в обществе, все более крепнет надежда, что за представлением должной силы новым учреждениям, уже существующим, за приведением в сообразность и гармонию с последними учреждениями старого порядка, словом, за упорядочением управления местного и весь государственный строй подвергнется преобразованию». Впрочем, большинство либеральных пожеланий носило весьма скромный характер, и печать призывала общество верить Лорис-Меликову и терпеливо ждать реформ. Более решительным языком говорила записка «О внутреннем положении России», поданная Лорис-Меликову весной 1880 г. группой общественных деятелей (Муромцев, Чупров, Скалон): «Вывести нашу страну из того заколдованного круга, — читаем в ней, — в который она попала, не может ничто, кроме призыва в особое самостоятельное собрание представителей земства к участию в государственной жизни и деятельности, с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения».

«Народная воля» ни на минуту не поддалась иллюзии лорис-меликовского «либерализма». Остроумно характеризовав политику Лорис-Меликова как политику «лисьего хвоста и волчьих зубов», «Народная воля» писала: «Что ж, политика не глупа. Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передушить всех врагов порознь — недурно. И заметьте, что всех этих воробьев предполагается об'егорить исключительно на мякине, не поступившись ничем и даже, собственно говоря, никого не пощадив». В другой статье «Народная воля» так характеризовала итоги лорис-меликовской диктатуры: «Вместо изменения системы мы получаем перемену лиц; вместо участия общества в «восстановлении правильного течения государственной жизни» нам

сулят перестройку государственного здания собственными средствами правительства и по его собственному почину; вместо реформ по желанию и почину самого общества мы имеем теперь только обещания Лорис-Меликова сделать ярмо старой системы достаточно удобным для шеи общества». И статья делала следующий вывод: «Полугодовое царствование Лорис-Меликова доказало в тысячный раз, что мы были правы, что наш путь — единственно верный путь. Этим путем и должна итти партия, не смущаясь никакими возгласами малодушных и недальновидных людей, до тех пор, пока зло не будет вырвано с корнем, пока самодержавие народа не заменит одряхлевшего и развратившегося монархического самодержавия».

Народовольцы продолжали итти своим путем, не останавливаясь от окриков либералов и от репрессий правительства. Путь этот привел к 1 марта.

Первое марта произвело колоссальное впечатление. Оно вызвало панику в рядах правительства, внушило либеральному обществу уважение к народовольцам и переоценку их сил, взбудоражило все население, среди которого пошли самые разнообразные толки, произвело сенсацию в Западной Европе и на время подняло у самих народовольцев уже падавшую веру в себя. В. Фигнер так описывает создавшуюся в этот период вокруг ИК общественную атмосферу: «Мы видели вокруг себя сильнейший энтузиазм; смиренно сочувствующие люди, пассивные и индиферентные, расшевелились, просили указаний, работы; всевозможные кружки приглашали к себе представителей партии, чтобы войти в сношение с организацией и предложить свои услуги... Тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение 10 лет молодую Россию, был прерван: ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников, — все искупила эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России. В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины».

В таком несколько приподнятом настроении ИК было составлено знаменитое «Письмо ИК к Александру III», помеченное 10 марта 1881 г. Оно было составлено Л. Тихомировым при участии Ланганса и проредактировано совместно с Н. К. Михайловским, внесшим в него несущественные поправки (другой проект, составленный Грачевским, не был одобрен ИК). Письмо это представляет один из важнейших документов народовольческой литературы. Написанное с большим достоинством [1]), горячо и сильно, «Письмо к Александру III» начинается с об'явления, почему ИК решается обращаться к сыну убитого им царя тотчас же после убийства: «Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, который гражданина принуждает жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями». Указав, что цареубийство было не случайностью, а неизбежным следствием политики правительства, и охарактеризовав последнюю в ярких выражениях, письмо утверждает, что из создавшегося положения «могут быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, ИК обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести — вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ висели-

---

[1]) Отзыв о нем Энгельса в письме к Лопатину: «И я и Маркс находим, что письмо комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума».

цы. ИК сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости».

Призывая молодого царя отнестись к предложению ИК, как подобает «гражданину и честному человеку», письмо говорит, что партия не ставит ему никаких условий. «Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их: 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга; 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Но народное представительство будет действительным только тогда, если «депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей», если не будет никаких ограничений как для избирателей, так и для депутатов, если агитация и самые выборы будут протекать совершенно свободно при полной свободе печати, слова, сходок и избирательных программ. Письмо заканчивается следующими словами: «Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия, с своей стороны, безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием. Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор» [1]).

[1]) Что народовольцы искренно верили в возможность убедить царя стать на путь реформ, показывает письмо к Александру III, написанное из тюрьмы накануне казни Н. И. Кибальчичем. «Все выдающиеся члены партии, известные мне, — писал он, — страстно желали бы прекращения тех условий, которые создали террористическое напра-

В воззваниях ИК по поводу 1 марта проводятся те же мысли. В одном из них говорится: «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылке, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, Россия *не может жить так* далее. Она требует простора, она должна возродиться, согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народной есть народный враг и тиран. Смерть Александра II показала, какого воздействия достойна такая роль». А в «Об'явлении честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» ИК призывает крестьянские сходы посылать ходоков и прошения к царю с требованиями: «1) Пусть государь прикажет новую нарезку земли без всякого выкупа; 2) пусть уменьшит подати; 3) пусть в мирские дела не вступаются ни чиновники, ни полиция; 4) пусть государь призовет в сенат для совета и указания выборных мирских людей от деревень и от всего народа, чтобы впредь царскими советниками были не господа, а крестьяне; и пусть без совета этих выборных царь ничего не делает: ни податей не назначает, ни ведет войн», и, «когда царь уважит эти ваши прошения, воссияет правда на земле, исчезнет кривда и горе».

Как видит читатель, в этот решительный для партии и власти момент, практические требования ИК отличались большой умеренностью. В них не было ничего специфически *социалистического*, они вполне совпадали с той умеренной программой, которую впоследствии на суде развивал Суханов. В них основными были *аграрная реформа и ограничение императорской власти народным представительством*, т. е. требования, которые должна была бы выставить всякая буржуазно-демократическая партия, действительно желавшая помещичье-самодержавную азиатскую Россию превратить в европейскую буржуазно-конституционную. ИК таким образом выступал в роли застрельщика и передового отряда всего прогрес-

---

вление партии, желали бы мирного исхода из теперешнего критического положения». И дальше: «Против царя — социального реформатора — немыслима никакая крамола».

сивного русского общества, выражая его стремления и чаяния. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 1 марта и письмо ИК к Александру III дали толчок к оживлению либерально-буржуазного движения и выставлению им политических требований» [1]).

Умеренная газета «Порядок» писала: «Ни суровая репрессия последних лет, ни примирительное направление истекшего года не уничтожили болезни... Не о реакции, пагубной для общества, надо говорить теперь... Станьте на страже порядка и свободы... Суровые меры стеснения доказали свою непригодность и односторонность...» Газета «Страна» писала еще определеннее: «Что же делать теперь? Репрессии? Но ведь все это уже было. В каждом доме был обыск, перед каждым домом днем и ночью сидел дворник, вокруг дворца ездили пикеты, печать была взнуздана, земство было стоптано, из университетов высылали сотни людей, и всем правила молчаливая, недоступная ни для каких народных «веяний» канцелярия. Дальше того, что было в то время, уже итти некуда, разве к закрытию всех школ, газет, земств, даже правильных судов в России... Куда же итти?.. Пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словах, сами несут ответственность на себе. Надо устроить в правильном общественно-государственном порядке громоотвод для личности главы государства. Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли и лежали на их ответственности». В том же смысле писала третья либеральная газета «Голос» об «установлении тех органов общественно-государственной жизни, перед которой исполнители ответственны».

Даже столь далекие по своему мировоззрению от политики люди, как философ В. Соловьев и Лев Толстой, возвысили в эту минуту свой авторитетный голос. В своей публичной лекции 28 марта Соловьев, обращаясь к новому царю, требовал от последнего помилования цареубийц во имя христи-

[1]) Влияние революционного движения на оживление земской оппозиции отмечается историком земского движения Веляконским: «Весьма возможно, что в 70-х годах земство низведено было бы к нулю, если бы не возникло сильное революционное движение».

анской любви и примирения, за что получил официальный выговор. А Лев Толстой через Победоносцева передал царю аналогичного содержания письмо, которое, впрочем, было задержано Победоносцевым, охранявшим царя от «тлетворных влияний».

От либеральной печати не отставали и либеральные земцы. После 1 марта четыре губернских и одно уездное земства и даже два дворянских собрания определенно заговорили о конституции. Весной того же года в Харькове группой земцев (человек 30) была выработана и нелегально отпечатана «Программа Земского союза», основные пункты которой сводились к следующему: 1) отрицание террора, правительственного и революционного; 2) упразднение подушной подати и уравнение налогов, податей и повинностей; 3) децентрализация государственного управления по общинам, волостям, уездам и областям; 4) центральное народное представительство — Государственная дума как законодательный орган, избранный всеобщим голосованием; 5) Союзная дума как представитель интересов автономных областей; 6) бюджетные права и право выражения недоверия правительству обеими Думами.

Программа эта в своих политических требованиях приближается к требованиям «Письма к Александру III» и воззвания «К честным мирянам». От народовольцев либеральных земцев отделяет только вопрос о терроре [1]). Наконец, как несколько запоздалый отзвук этого либерального движения, всколыхнутого событием 1 марта, появляется (в начале 1883 г.) нелегальное воззвание «Группы русских конституционалистов», которое идет еще далее по пути сближения с «Народной волей». В нем мы находим следующие любопытные строки: «По некоторым существенным вопросам мы не разделяем воззрений, которые так настойчиво, с таким удивительным самоотвержением защищает эта партия («Народная воля»). Но мы не из'являем никаких претензий на непогрешимость, допускаем возможность ошибки и с нашей стороны и

[1]) Одновременно с выработкой этой программы земцы приняли участие в издании за границей нелегального земского органа «Вольное слово». Впрочем, мы еще увидим, что в этом издании принимали участие не только земцы, но и лица, близкие к правительству.

потому требуем для социалистической партии такого же права на существование, как и для себя... Мы не сочувствуем средствам, к которым прибегает террористическая группа русской социально-революционной партии, и выступаем на борьбу с правительством только путем пропаганды наших убеждений; но мы не можем, по совести, осуждать ряд насилий и преступлений, вызванных диким, безжалостным вековым насилием самого правительства... Мы вынуждены прибегнуть к подпольному печатанию, к тайной пропаганде своих убеждений и не откажемся от борьбы с ненавистным и бессмысленным правительством, покуда не рухнет эта развратная система, покуда не вздохнет свободно русское общество». Положительная часть программы сводится к требованию созыва *совещательного* органа народного представительства, *свободы вероисповедания* и печати и амнистии. В заключение программа заявляет: «Мы признаем необходимость и широких экономических преобразований в интересах рабочих масс и реформы местного самоуправления в смысле расширения крестьянского представительства, но эти сложные и великой важности задачи могут быть разрешены лишь при участии общества, т. е. после того, как будет осуществлено преобразование нашего политического строя».

Письмо ИК к Александру III ставило перед правительством выбор: или созыв им народного представительства или продолжение террора со стороны партии. На самом же деле после 1 марта ИК не имел уже сил продолжать с прежней энергией террористическую борьбу. Предложение В. Фигнер использовать подкоп на Малой Садовой, до его обнаружения полицией, для покушения на Александра III было отвергнуто ИК, как и планы Перовской о втором цареубийстве. Но ни общество, ни правительство в течение более года после 1 марта не подозревали о слабости ИК и преувеличивали его силы. В. Фигнер пишет по этому поводу: «Возможность немедленного второго цареубийства ушла, чтобы не повториться. Наступило затишье. С нашей стороны оно было вынужденным, но общественное мнение толковало его, как затишье перед грозой. Само правительство разделяло такой взгляд и ожидало новых трагических событий. Напряженное ожидание было

характерным признаком общественного настроения того времени. Действия Комитета за весь истекший период были окружены тайной: никто не знал, когда именно, в какой момент и в какой форме загремит удар. Никто не знал и того, какими средствами в смысле персонала и техники располагает «Народная воля».

Поведение правительства после 1 марта, казалось, подтверждало ходившие в обществе фантастические слухи о подготовляемых якобы ИК покушениях. Новый царь заперся в неприступном гатчинском дворце, нигде не показывался, и его коронация была отложена на неопределенное время. Значит, — заключал обыватель, — к коронации готовится акт высочайшей милости — конституция; царь-де обдумывает предложения ИК. Действительно, правительство колебалось в течение двух месяцев, и внутри его шла закулисная борьба течений и групп.

Еще до убийства Александра II под влиянием все сгущавшейся вокруг общественной атмосферы Лорис-Меликов решил сделать обществу некоторые уступки, чтобы несколько разрядить общее недовольство [1]). Верховная распорядительная комиссия была упразднена за ненадобностью еще в августе 1880 г., но Лорис-Меликов оставался министром внутренних дел. В качестве последнего он задумал провести так называемую «конституцию», которою рассчитывал успокоить верхи общества и выбить оружие из рук террористов. Лорис-Меликов был столь же мало конституционалист, как и Александр II, и в его проекте не было ровно ничего конституционного. Сущность этого проекта сводилась к тому, что для разработки правительственных мероприятий образуются подготовительные

[1]) Насколько серьезно правительство оценивало положение, видно из того факта, что когда еще в начале 1880 г. в совете министров был поставлен вопрос об ухудшении положения фабричных и сельских рабочих, соответствующее предложение было отвергнуто при следующей мотивировке министра внутренних дел «Необходимо избегать ухудшения положения рабочих в настоящее тревожное время, когда злоумышленники, стремящиеся к ниспровержению существующего государственного и общественного строя, постоянно возбуждают рабочих против нанимателей, об'ясняя первым отношения их к хозяевам в совершенно превратном смысле».

комиссии из чиновников и назначаемых правительством сведущих людей (специалистов). Выработанные этими комиссиями законопроекты до поступления в Государственный совет передаются в *общую комиссию* под председательством лица, назначенного царем, в которой, кроме назначаемых царем членов, должны участвовать представители от земств и крупнейших городов (по одному или по два от каждого). Решения общей комиссии никакой обязательной силы не имеют. «Учреждением ее не изменяется существующий ныне порядок возбуждения законодательных вопросов и окончательного их обсуждения».

«Куцая», как прозвали ее остряки, «конституция» Лорис-Меликова шла гораздо менее далеко, чем представленные ранее правительству проекты ограниченного народного представительства, выработанные бывшим министром Валуевым и вел. князем Константином Константиновичем и отвергнутые царем. Она создавала лишь *совещательный* орган, в котором представители «общества» в лице цензовых органов самоуправления, т. е. представители верхушки имущих классов, как муха в молоке, тонули среди чиновников и назначаемых царем лиц. Эта «конституция» не имела ничего общего не только с требованиями ИК, но и с более умеренными пожеланиями либеральных земцев. Но и эту «куцую конституцию» Лорис-Меликов с величайшим трудом протащил через «Особое совещание» и добился под ней подписи царя. 17 февраля, за 11 дней до своей гибели, Александр II утвердил проект, и на 4 марта было назначено заседание Совета министров для окончательного решения вопроса. Бомбы ИК избавили Россию от этой жалкой пародии на народное представительство...

После 1 марта Лорис-Меликов снова поставил вопрос о своем проекте. При обсуждении его 8 марта большинство министров и приглашенных сановников высказалось за его принятие, чтобы успокоить страну, взволнованную цареубийством. Но резкую речь произнес обер-прокурор синода Победоносцев, удостоившийся тут же одобрения нового царя. Победоносцев поставил вопрос ребром, сказав, что проект Лорис-Меликова есть первый шаг к конституции, а пример Европы показывает, что конституция есть «орудие всякой не-

правды, источник всяких интриг». Народное представительство — это «говорильня», в которой подвизаются «лица негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своими семействами, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту». У нас и без того много говорилен, в виде адвокатуры, земских собраний и либеральной печати, а нам «предлагают учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню», теперь, когда «нужно действовать», а не разговаривать.

Совещание не пришло ни к какому решению, и царь выжидал до 29 апреля, когда появился царский манифест, написанный рукой Победоносцева, в котором были следующие слова: «Посреди великой скорби глас божий повелевает нам стать бодро на дело правления, с упованием на божественный промысел, *с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений*». Манифест, явившийся неожиданным для многих министров, даже для самого Лорис-Меликова, раздался, как гром из ясного неба. Он не оставлял никаких сомнений. Самодержавие, минуту заколебавшееся, снова поднимало голову. Последние надежды либералов были разбиты; Лорис-Меликов и некоторые сочувствовавшие его «реформам» министры подали в отставку и были заменены крайними реакционерами. Единомышленник Победоносцева, редактор «Московских ведомостей» Катков, громогласно заявил: «Встаньте! Правительство идет!» Начались новые гонения на печать и земства, осмелившиеся при «диктатуре сердца» заговорить более свободным языком. Наступила полоса самой мрачной и дикой реакции.

Самодержавие торжествовало победу над революционной партией, которая, как казалось, своими ударами расшатала царский трон и заставила правительство поколебаться. В чем же причина этого поражения народовольцев, за которыми стояло, как мы видели, сочувствие общества и которые в этот период в своих требованиях выражали насущные потребности страны (аграрная реформа и народное представительство)? Ответ может быть только один: *за ними не оказалось народа.*

Народовольцам отомстило за себя забытое ими старое народническое положение, что освобождение народа может быть только делом самого народа. 1 марта не только не вызвало всеобщего восстания, на что вначале рассчитывали террористы, но даже сколько-нибудь серьезного народного движения. Конечно, факт цареубийства вызвал некоторое возбуждение в крестьянстве и среди городского населения. Ходили всякие слухи о причинах цареубийства, и среди них — версия о том, что царя убили дворяне в отместку за освобождение крестьян в 1861 г. Народники оказались правы, указывая, что монархически настроенной массе будут недоступны мотивы деятельности террористов. Деятельность народовольцев протекала в городах, вдали от народа; их подпольная, строго конспиративная работа была недоступна пониманию крестьян; политическая борьба посредством террора вне массового народного движения казалась крестьянам посторонним, барским делом, от которого «у хлопов чубы болят». А рабочие? Мы видели уже, что влияние «Народной воли» на рабочий класс ограничивалось его верхушками, и ее пропаганда, лишенная классового содержания, не могла захватить масс пролетариата. Рабочий «народ», так же как и крестьянский, «безмолвствовал» и тогда, когда народовольцы били правительство, и тогда, когда правительство избивало народовольцев. В крестьянстве цареубийство вновь вызвало толки о переделе и прирезке земли (кое-где это привело даже к беспорядкам), но, как всегда, народ ждал их от милости нового царя. А когда выяснилось, что никакой прирезки не будет, напряженное ожидание крестьян разрядилось в полосу еврейских погромов, прокатившихся по югу России в 1881—1883 гг. и распространившихся как на деревни, так и на города.

Правительство приняло «твердый курс». Но некоторое время оно еще не было уверено в своей победе над революционерами, силы которых оно продолжало переоценивать. Оно боялось, что ИК приурочит террористический акт к дню коронации нового царя, и потому последняя все откладывалась. Через своих официальных и неофициальных агентов оно пытается проникнуть в среду террористов, чтобы разузнать об их ближайших намерениях и выяснить их действительные

силы. Дело доходит до переговоров с вождями «Народной воли» лиц, близко стоящих к правительству.

Любопытную роль при этих шахматных ходах правительства сыграла организация, известная под именем сперва «Добровольной охраны», а потом «Священной дружины». После 1 марта 1881 г. небольшая группа лиц, во главе с видными сановниками — князем Воронцовым-Дашковым, графом Шуваловым, графом Игнатьевым, князем Щербатовым, исходя из неспособности явной и тайной полиции справиться с «крамолой», решила взять на себя задачу добровольной охраны царя и параллельного с официальным сыска за революционерами. Одно время в планы «Добровольной охраны» входило даже совершение террористических актов против видных революционеров. Но постепенно задачи этой тайной правительственной организации расширились и углубились. «Добровольная охрана» превратилась в «Священную дружину», которая поставила своей целью проникновение в среду террористов, чтобы взорвать их организацию изнутри, если не удастся путем переговоров убедить их отказаться от применения террора.

Изображая из себя сторонников конституционных реформ, которым революционный террор только мешает оказать соответствующее воздействие на правительство, руководители «Священной дружины» пытались выступить посредниками между правительством (не получив от него полномочий) и народовольцами, чтобы убедить последних отказаться от террора в обмен за обещание реформ и смягчение репрессий. В 1882 г. «дружинники» сделали попытку затянуть в свои сети Ашенбреннера, видного деятеля военно-революционной организации, но, потерпев в этом неудачу, стали действовать за границей. В августе 1882 г. там появился некий доктор Нивинский, агент «дружины», который через эмигранта Дебагория-Мокриевича связался с Лавровым [1]) и членом ИК Ошаниной под видом представителя якобы существующей в России консти-

[1]) Лавров, который после раскола «Земли и воли» сочувствовал «Черному переделу», после 1 марта склонился к терроризму, который он раньше отрицал, и сблизился с «Народной волей» настолько, что в 1883 г. стал соредактором Тихомирова по «Вестнику Народной воли».

туционной организации «Земской лиги», желающей выступить посредником между правительством и революционерами. Лавров и Ошанина отнеслись совершенно серьезно к посредничеству Нивинского. Последний требовал, чтобы ИК гарантировал безопасность царя на время коронации и издал об этом соответствующую прокламацию, обещая взамен от имени «Земской лиги» добиться у правительства освобождения из Сибири Чернышевского, амнистии, свободы печати и созыва Земского собора. В проекте соглашения, выработанном Лавровым, указывается, что ИК готов вступить в соглашение с правительством, при условии, что последнее станет на точку зрения письма ИК к Александру III. В этом случае ИК ручается, что «до коронационного манифеста Александр III будет огражден от всех попыток, организованных или организуемых Комитетом; если ИК увидит из ряда действий правительства, что оно серьезно приступило к исполнению условий соглашения, то, насколько эта уверенность будет длиться, ИК не предпримет ничего против Александра III. И если русским социалистам будет обеспечено право мирно распространять свои идеи, то он решительно откажется от всякой террористической деятельности».

В качестве гарантии, что «Земская лига» действительно пользуется влиянием на правительство, лавровский проект требовал, чтобы Лига выхлопотала немедленно освобождение Чернышевского и добилась улучшения положения политических каторжан в Сибири, а также указала, в какой срок будут проведены другие реформы. Нивинский тянул переговоры в течение двух месяцев, но так как он не мог дать никаких требуемых гарантий, то переговоры оборвались.

Эта неудача не охладила готовности ИК к переговорам с властью, и в конце того же и в начале 1883 г. его заграничные представители, Ошанина и Л. Тихомиров, снова начали эти переговоры, но на этот раз не с несуществующей «Земской лигой», а с самой «Священной дружиной», выступившей открыто. Дружина своим орудием избрала либерального журналиста Николадзе, убежденного конституционалиста, но решительного противника террора. Через агента «Священной дружины» Бороздина Николадзе было устроено свидание с

главой «дружины» Воронцовым-Дашковым, который убедил его, что правительство искренно хочет пойти по пути реформ и что препятствием к этому является исключительно террористическая деятельность ИК. Если последний откажется от нее, правительство изменит свою политику. Николадзе, поверив в рассказанные ему сказки, стал через Михайловского отыскивать пути к народовольцам. Михайловский, хорошо осведомленный о положении партии и не веривший в близость революции, ухватился за предложение Николадзе; он специально поехал в Харьков, где находилась В. Фигнер, в то время единственный в России представитель ИК. Михайловский горячо убеждал ее в серьезности предложения и необходимости для партии, ввиду своего бессилия, принять его. Фигнер, по ее словам, отнеслась к предложению скептически, но, по настоянию Михайловского, направила Николадзе за границу для переговоров с Тихомировым и Ошаниной. Последние отнеслись к Николадзе с таким же доверием, как и к Нивинскому, и в своих требованиях были еще более скромны, чем в первый раз. Соглашаясь дать обязательство не производить до коронации (20 февраля 1883 г.) террористических покушений при обещании правительства к этому времени дать полную политическую амнистию, свободу печати, обществ и собраний и расширение земского самоуправления (о созыве Земского собора речи уже не было), ИК в виде гарантии требовал освобождения Чернышевского, расследования положения каторжан на Каре и внесения «Священной дружиной» в виде залога одного миллиона рублей в руки какого-нибудь благонадежного лица. Залог этот должен быть возвращен «дружине», в случае выполнения правительством указанных обещаний, и переходил к ИК, в случае нарушения их.

Все эти переговоры и попытки соглашения с правительством через посредство подозрительных лиц, вроде Нивинского, или введенных в заблуждение либералов, вроде Николадзе, носят определенно авантюристский характер. Недаром впоследствии Михайловский, узнав, чьим невольным орудием он оказался, писал, что ему «стыдно» вспоминать всю эту историю. Потеряв всякую опору в России и продолжая носить гордое имя некогда действенной, а теперь разгромленной, партии,

ее обломки, в лице заграничных членов ИК, начали пускаться в рискованное предприятие, чтобы как-нибудь поддержать свой падающий престиж. Они пытались изображать из себя силу, которой уже не было в помине, и рассчитывали не мытьем, так катаньем — если не борьбой, то путем мистификации — убедить правительство в том, что они способны на такую борьбу, и вырвать от него «хоть шерсти клок». Конечно, давая такие обязательства, Тихомиров и Ошанина ничем не рисковали, так как все равно никаких покушений ИК не затевал, но самая готовность их вести *тайные* закулисные переговоры с такой подозрительной организацией, как «Священная дружина», и через нее — с правительством, которое в эти именно годы самым беспощадным образом расправлялось с их арестованными товарищами по ИК, была недостойна преемников Желябова, А. Михайлова и Перовской [1]).

Из переговоров с Николадзе, как и из переговоров с Нивинским, ровно ничего не вышло. Сама «Священная дружина» вскоре после этого предписанием министра внутренних

---

[1]) Стремление ИК изображать свое бессилие, как силу, и отсутствие террористических покушений, как следствие сознательного расчета партии, видно из заявления ИК от 21 декабря 1883 г. по поводу убийства Судейкина. В этом заявлении говорилось: ИК решил до появления коронационного манифеста Александра III не производить никаких наступательных действий, предоставив русскому правительству самому доказать русскому обществу, что оно, правительство, и не обеспокоиваемое ударами революционеров, не способно ни к каким благодетельным для России мерам. Но это преднамеренное бездействие, которое, благодаря неслыханной трусливости Александра III, превзошедшей все расчеты и предположения ИК, растянулось на слишком продолжительное время, начало истолковываться не только врагами, но даже некоторыми членами организации «Народной воли», как результат ослабления партии, вследствие крупных ударов, нанесенных ей перед этим. Это могло в особенности иметь место для кое-кого из тех лиц, которые... могли лишь крайне недостаточно знать то, что делал или имел в виду сделать в это время комитет». Всякий, знающий подлинное положение «Народной воли» к концу 1883 г., поймет, что в этих словах нет ни капли истины. Одно из двух: или Комитет не имел сил совершать покушения, или, не получив никаких гарантий, добровольно соглашался до коронации приостановить террор, легкомысленно доверившись ничем не подкрепленным уверениям агентов «Священной дружины».

дел Толстого была распущена и прекратила свое бесславное существование. Она все время была, как конкурент, бельмом на глазу у департамента полиции, но ему приходилось до поры до времени терпеть ее, используя для своих целей. Теперь «мавр сделал свое дело, мавр мог уйти».

Чтобы понять тонкую игру департамента полиции, в результате которой обманутыми обманщиками оказались не только руководители «Священной дружины», мечтавшие разыгрывать из себя роль какого-то «сверхправительства», но и народовольцы, в лице Тихомирова, Ошаниной и Лаврова, нам надо остановиться вкратце на провокации, примененной к народовольцам.

С самого же начала деятельности «Народной воли» правительство пыталось спутать ее сетями провокации. Мы не говорим уже о мелких провокаторах из рабочей среды, которые не могли причинить партии очень существенного вреда, но следственным и сыскным властям удалось захватить в сети провокации таких сравнительно крупных революционеров, как Гр. Гольденберг, Ив. Окладский, В. Меркулов и «цареубийца» Рысаков.

Мастером провокаторского цеха был Судейкин. Этот способный карьерист и интриган, абсолютно беспринципный, не преследовал никакой иной цели, кроме личной карьеры. Он правильно сообразил, какую благодарную почву представляет для этого хорошо поставленная провокация. Опираясь на множество провокаторов и зная, что в каждый данный момент происходит внутри партии, он надеялся заставить правительство дорожить собой и, пользуясь этим, диктовать свои условия. Доходил же этот виртуоз провокации до серьезной разработки плана покушения на самого себя при помощи своей правой руки — Дегаева, чтобы, получив рану, иметь предлог подать в отставку, а затем совершить покушение на министра Толстого и брата царя, Владимира, доказав этим, что без него, Судейкина, правительство не может считать себя в безопасности. Играя столь крупную игру, Судейкин возносился в своих мечтах до роли первого человека в государстве, имеющего непосредственный доступ к царю и влияние на него. В результате Судейкин пал жертвой своих собственных махинаций

от руки им же вскормленного Дегаева, но до своей гибели сумел причинить немало вреда народовольцам.

Судейкину удалось соблазнить не одного из революционеров приемом, который впоследствии не без успеха применял в 90-х и 900-х годах другой мастер провокации — Зубатов. Он доказывал арестованным революционерам, что правительство вовсе не против реформ; им мешает только террористическая (у Зубатова политическая) деятельность революционеров. Не один революционер поддавался на эту удочку: сперва вступал в откровенные беседы с «либеральным» жандармом, дальше — больше, начинал давать некоторые указания, незаметно для себя попадая в расставленную ловушку, из которой не было другого выхода, кроме самоубийства или поступления на службу к Судейкину [1]). Благодаря таким провокаторам Судейкин был в курсе того, что делается в революционных кругах, и пускал через них обвинения в провокации против действительных революционеров, чтобы вызвать внутри партии атмосферу недоверия и морального разложения [2]).

---

[1]) Когда арестованной в 1882 г. О. Любатович, члену ИК, власти предложили повести переговоры о прекращении террора при условии некоторых послаблений в политическом режиме, она не отвергла их принципиально, предложив для переговоров арестованного вместе с ней члена ИК Романенко. Известно также, что Я. Стефанович и Лев Златопольский вели подобные же разговоры с представителями департамента полиции и даже писали для него докладные записки о состоянии революционного движения.

[2]) В целях провокации агент Судейкина Климов издавал за границей газету «Правда», крайне террористического направления. Климов, впрочем, вел игру слишком грубо, и провокаторский характер его издания был сразу же обнаружен. Более тонко было задумано другое литературное предприятие: это — издание за границей (с 1881 по 1883 г.) «Вольного слова», как органа «Земского союза», к которому был привлечен сперва в качестве ближайшего сотрудника, а потом редактора, известный демократический публицист Драгоманов. Средства для издания этого органа доставлялись из департамента полиции, и первое время его редактором был агент последнего — Мальчинский. О подлинном происхождении этого органа стало известно только впоследствии. Но этот орган благодаря влиянию Драгоманова, человека безусловно честного, занял идейную позицию довольно левого либерализма, который вел борьбу с террором на чисто принципиальной почве.

Самой крупной жертвой Судейкина был Дегаев. Дегаев был членом военно-революционной организации «Народной воли» и ее центрального кружка, принимал участие в подкопе на Малой Садовой и после разгрома ИК в 1882 г. был кооптирован Фигнер в состав ИК. Арестованный в декабре 1882 г. в организованной им в Одессе типографии, Дегаев, человек очень честолюбивый и вместе с тем трусливый, поддался соблазнительным уговорам Судейкина стать его помощником и, спасая свою шкуру, принял его условия. Дегаеву был устроен фиктивный побег, и он снова очутился в центре остатков организации «Народной воли». Благодаря ему была арестована В. Фигнер и последнее, что еще оставалось у народовольцев, — военная организация. Через Дегаева же Судейкин узнал о переговорах ИК со «Священной дружиной» и нашел теперь удобный случай расквитаться с этой последней. Зная теперь через Дегаева о бессилии ИК, он без труда убедил министра внутренних дел распустить ненужную уже больше «Священную дружину» [1]).

Теперь правительство могло больше не бояться террористов и всласть насладиться местью за испытываемый в течение нескольких лет страх перед неведомой, действующей из-за угла, силой революционеров. Началось поголовное избиение народовольцев. Смертные приговоры чередовались с каторжными. Приговоренных к каторге замуравливали в каменных мешках Алексеевского равелина Петропавловской крепости или Шлиссельбурга, где большинство их погибло, или ссылали на Кару. Менее активные участники движения ссылались на поселение в Сибирь. Через ряд крупных политических про-

---

[1]) Остатки совести не позволили Дегаеву долгое время выдерживать позорную роль провокатора. Весной 1883 г. он явился с повинной к Тихомирову и Ошаниной. Последние, приговорив его для видимости к «смертной казни», «помиловали» его с условием, что он лично покончит с Судейкиным, после чего навсегда скроется с политического горизонта за границу. Стоя между молотом и наковальней, трусливый Дегаев принял это условие. В декабре 1883 г. у себя на квартире в Петербурге он, при участии народовольцев Коношевича и Стародворского, убил при помощи револьвера и железных ломов Судейкина и ранил его агента Судковского. После этого Дегаев бежал в Америку, где вел частный образ жизни и умер в 1909 году.

цессов прошли почти все видные деятели «Народной воли». Такими процессами были: процесс 16-ти (в 1880 г.), процесс первомартовцев, процесс 20-ти (в 1882 г.), процесс 17-ти (в 1883 г.), процесс 14-ти — военной организации (в 1884 г.), процесс Лопатина (в 1887 г.) и, кроме того, ряд крупных процессов в провинции (Киеве, Одессе и др.).

Судьба членов первоначального состава ИК была такова: казнены были — Желябов, Перовская, Квятковский, Суханов (из позднее привлеченных—Халтурин). Погибли в Петропавловской крепости в Шлиссельбурге: Колодкевич, А. Михайлов, Ширяев, Баранников, Исаев, Ланганс, Теллалов, Богданович, Грачевский (покончил самоубийством), С. Златопольский. Умерла на Каре Т. Лебедева; психически заболела в тюрьме Н. Оловенникова.

Пережили каторгу и вышли из Шлиссельбурга: Морозов, Фроленко, В. Фигнер, Тригони (из более поздних членов — Лопатин, С. Иванов). Окончили карийскую каторгу: Зунделевич, Корба, Стефанович, Якимова, С. Иванова. Отделалась административной ссылкой О. Любатович, и совсем не подверглись аресту Л. Тихомиров, Сергеева и Ошанина.

А сколько еще агентов ИК и местных работников «Народной воли» погибло в тех же каторжных тюрьмах, ссылках и даже на виселице!

После всех перечисленных разгромов «Народная воля» фактически перестала существовать, и нам остается рассмотреть, как происходило медленное умирание и разложение этой некогда столь блестяще начавшей свою деятельность партии.

Глава десятая.

УПАДОК И РАЗЛОЖЕНИЕ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

Теперь мы вернемся немного назад, чтобы проследить, как после 1 марта начался постепенный упадок, а вслед за ним разложение «Народной воли». Непосредственно после цареубийства ИК, несмотря на понесенные потери, был окрылен успехом. Сочувствие общества было на его стороне, и определилось тяготение молодежи вступать в ряды партии; даже чернопередельцы изменили свое отрицательное отношение к террору, и некоторые из них перешли на сторону «Народной воли». Но все это продолжалось недолго. Слова Желябова, что партия «проживает свой капитал» на терроре, полностью оправдались. В обществе еще ждали новых активных шагов со стороны ИК, а у него не было сил не только для того, чтобы предпринять что-нибудь подобное делу 1 марта, но даже для восстановления своей разрушенной арестами организации.

Осенью 1881 г. ввиду преследований пришлось перенести местопребывание ИК из Петербурга в Москву. Здесь собрались остатки ИК. Из старых членов оставалось всего 8 человек: Корба, Ошанина, Фигнер, Грачевский, Теллалов, Ю. Богданович, С. Златопольский и Л. Тихомиров. Были введены в ИК новые члены: черноперелец Стефанович, Романенко (Тарновский), Мартынов и Лебедев, но все они вместе с Теллаловым были отправлены в Петербург для местной работы и скоро были арестованы. В провинции существовали местные группы, которые более или менее успешно занимались пропагандой среди рабочих и интеллигенции, но из них уже было извлечено все, что было можно, для центра, а сильнейшая группа — московская — была значительно ослаблена благодаря отъезду Телла-

лова и других ее членов в Петербург. Положение дел в Москве Фигнер характеризует следующим образом: «Велика была перемена, найденная мною в численности и качественном составе ИК. Нечего было скрывать от себя: комитет 1879 г. был разбит. Странно, но никто из нас не говорил об этом; мы сходились, обсуждали различные вопросы и расходились, как будто не замечая отчаянного положения нашего центра. Или, быть может, все мы были людьми, которые видят несчастье, но не говорят о нем. Лишь однажды в беседе с Грачевским наедине я высказала ему свои опасения за будущее и горестные мысли о настоящем. Но он был другого мнения или не хотел сознаться, что положение дела катастрофическое... Недоставало ни умов, ни рук, ни главенствующих инициаторов, ни искусных исполнителей».

Московское совещание ИК решило продолжать дело и пытаться восстановить былую деятельность. Оно, по предложению Фигнер, санкционировало покушение на военного прокурора Стрельникова, которое и было совершено в марте 1882 г. Желваковым и Халтуриным. Оно разработало план организации «Христианского братства» для об'единения всех противников господствующей официальной церкви в целях борьбы с самодержавием. От имени братства были изданы «Соборное уложение христианского братства» и «Соборное послание христианского братства», в котором говорилось, между прочим, что «существующее правительство и все его установления и законы, как основанные на неправде, подавлении и гонении свободного искания истины, следует считать незаконными и противными заповедям божиим и духу христианского учения».

Эта затея, возрождавшая веру народников в сектантство как возможную опору для революционной партии, особенно пропагандировалась Стефановичем и А. Франжоли. Последний вместе со своей женой Е. Завадской был привлечен в состав ИК, но, будучи прикован к постели болезнью, вскоре сведшей его в могилу, не мог фактически принимать почти никакого участия в партийной работе. После московского совещания деятельность ИК протекала частью в Петербурге, частью в Москве. Усилиями Грачевского, который в этот период был наиболее активной фигурой и главной организаторской силой партии

в Петербурге была поставлена динамитная мастерская в квартире Прибылевых и Юшковой, в которой работал также бежавший из Сибири при помощи Красного креста М. Клименко. Мастерская служила как учебным целям — подготовке для партии техников, так и практически-боевым: имелось в виду новое террористическое покушение на Судейкина. Оно, однако, не состоялось, так как лицо, которое должно было явиться его исполнителем, оказалось запутавшимся в сетях этого обер-провокатора. Вслед затем начались аресты в Петербурге и Москве, унесшие последние остатки ИК. С декабря 1881 г. по июнь 1882 г. были арестованы члены ИК: Теллалов, Мартынов, Лебедев, Романенко, О. Любатович, Богданович, Стефанович, Златопольский, Грачевский и Буцевич, захвачены многие другие работники, арестованы: в Петербурге динамитная мастерская, в Москве типография (Калюжный и Смирницкая), в Витебске типография (Ивановская). Тихомиров и Франжоли с женами бежали за границу.

Из всех членов ИК на воле оставалась одна только В. Фигнер, стойко стоявшая на своем посту и упорно отказывавшаяся уехать за границу. Предпринятый ею об'езд местных организаций показал, что местная работа, несмотря ни на что, ведется, и она поставила своей целью во что бы то ни стало восстановить центр, который смог бы об'единить всю эту деятельность. «Я стремилась,—пишет она в «Запечатленном труде»,—воссоздать подобие того, что было разрушено». Задача поистине безнадежная! И сама Фигнер дает теперь правильную оценку причин этой безнадежности: «Народ молчал после 1 марта, и общество безмолвствовало после него. У «Народной воли» не оказалось ни опоры в обществе, ни фундамента в народе, и напрасны были попытки возобновить организацию для безотлагательного продолжения активной борьбы против существующего строя. Эти попытки были эфемерны по краткой деятельности возникавших организаций, и они гибли прежде, чем наступал момент активных действий с их стороны... Надо было создавать фундамент и на основе хозяйственного развития России строить новую партию, что было делом будущего. В предвидении этого будущего должна была возникнуть новая партия, и действительно возник зародыш ее — группа «Освобождение

труда» — будущая социал-демократия, которая, обратившись к рабочему классу, год за годом стала закладывать этот фундамент. Однако, как всегда бывает, старое не могло отойти сразу... За истекший период создались известные настроения, заложились чувства, победить которые личность не могла: прошлое, столь недавнее, слепило глаза, от яркой, активной деятельности на виду всей страны и всего мира психологически было трудно спуститься до серой, незаметной, кропотливой работы для будущего и не давать яркого отпора правительству, срезавшему верхи революционных деятелей. Это будущее еще не было освещено и не манило скорыми результатами».

И, как утопающий хватается за соломинку, Фигнер ухватилась за идею «восстановления центра» и вместе с этой соломинкой пошла ко дну. Она кооптировала в состав ИК деятелей одесской и киевской группы народовольцев Спандони и... Дегаева — роковая ошибка, стоившая ей свободы. Еще более роковой ошибкой было другое ее решение, ускорившее гибель партии: привлечение руководителей военной организации для восстановления центра, о чем мы уже говорили в главе о военной организации. В декабре 1882 г. Дегаев был арестован вместе со Спандони в одесской типографии, стал предателем и провокатором; 10 февраля 1883 г. была на улице в Харькове арестована Фигнер, а затем последовал разгром всей военной организации.

Старая «Народная воля» была разгромлена. Царизм мог праздновать свою победу. Конечно, не все народовольцы были до единого выловлены. Существовали местные группы, но они вынуждены были работать на свой страх и риск, без связи между собой, без руководящих указаний центра. Партии как целого уже не было. В интересных воспоминаниях народовольца А. Баха, относящихся к этому периоду, ярко обрисовано трагическое положение, в котором очутились молодые народовольцы, оставшиеся без об'единяющего их деятельность центра. Рассказывая о своей работе в Казани осенью 1883 г., Бах пишет: «Я работал насколько хватало уменья, но из работы я не выносил того нравственного удовлетворения, какое ощущал год тому назад в Киеве. Надорванность и более или менее скрытый скептицизм старших революционеров угнетающим образом

действовали на молодежь и создавали атмосферу, крайне неблагоприятную для серьезного дела». Или вот впечатление Баха от Ростова: «За несколько дней моего пребывания в Ростове я пережил больше нравственных страданий, чем за всю свою предшествовавшую деятельность: я чувствовал, что дело, которому я отдал себя, расползается и что я теряю почву под ногами».

Наряду с разгромом народовольческого центра среди остатков партии происходило моральное разложение, вызванное судейкинско-дегаевской провокацией. В партии создалась атмосфера взаимного недоверия и подозрения друг к другу, неуверенность и ощущение, что работаешь на зыбкой почве, которая ежеминутно грозит провалиться под ногами и увлечь за собой в трясину. А между тем хранители традиции ИК, перекочевавшие за границу, Тихомиров и Ошанина, державшие в руках его печать, во имя поддержания престижа делали вид, что все обстоит благополучно, что партия продолжает существовать и двигаться на прежних рельсах. А сами они, отчаявшись в успехе, начали прибегать, тщательно скрывая это от всей партии, к более чем сомнительным шагам, вроде переговоров с «Священной дружиной» или сделки с Дегаевым насчет убийства Судейкина. И вместе с тем параллельно с развалом организационным и разложением моральным шло и теоретическое перерождение идеологии вождей «Народной воли».

Мы отмечали, что еще раньше именно Тихомиров и Ошанина проявляли тенденцию к признанию партией захвата власти. Теперь эта идея становится для них руководящей. Еще в феврале 1882 г. Тихомиров и Ошанина обратились от имени ИК к заграничным чернопередельцам, с которыми велись переговоры о вхождении в «Народную волю», с письмом. В нем говорится: «Весь смысл нашего существования — в захвате власти, в перевороте, который может быть только насильственным. Этой цели подчиняется у нас *все:* программа, тактика, все интересы, все вопросы. Все, что мы делаем, делаем только для этого». И дальше: «Революция совершится только тогда, когда власть эта (государственная) будет в хороших руках, а потому мы и стремимся захватить ее, так как народ, *пока* он раб тысячи других условий, ее все равно не удержит. Если бы государственный

переворот дал нам власть, то мы ее не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ». Из предосторожности авторы в заключение просят адресатов: «Насчет таких вещей, как захват власти и т. п., просим не распространяться в публике». Свою приверженность к захвату власти Тихомиров и Ошанина считали нужным до поры до времени скрывать от широкой публики как секретную болезнь», но «шила в мешке не утаишь», да и после дегаевского разгрома «Народной воли» в этом больше не было необходимости. Особенно открыто проповедуст Тихомиров идею захвата власти в «Вестнике «Народной воли».

Во втором номере этого журнала в статье «Чего нам ждать от революции?» Тихомиров писал: «Ближайшая и первая задача победоносного временного правительства состоит в том, чтобы явиться на помощь народной революции. Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революционизировать народные массы и организовать их власть, а это такая задача, при выполнении которой революционеры стоят на твердой почве. Тут временное правительство даже ничего не творит, а только разрешает силы, существующие в народе. Временное правительство не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны». Все это потому, что «право народа на землю и общественный характер этого орудия труда сознается нашим крестьянином не менее отчетливо, чем сознается европейским пролетарием его право на фабрику». Далее, совсем по Ткачеву, из соображений о гнилости нашей буржуазии делается вывод, что если революционеры не будут ждать, пока буржуазия окрепнет, то падение абсолютизма будет означать «начало социалистической организации в России». Ибо, по мнению Тихомирова, революционное правительство вынуждено будет заботиться о повышении производительности труда, а это возможно лишь на почве крупного производства. «Почему же таким путем не может мало-по-малу создаваться переход общины в ассоциацию, *организация обмена между общинами и союзами общин*, союз нескольких общин в целях того или другого производства, пока социалистический строй, развиваясь мало-по-малу и все бо-

лее вытесняя частное хозяйство, не охватит, наконец, всех отправлений страны». Подобные же теории Тихомиров развивал и в других статьях «Вестника «Народной воли».

Для неустойчивости взглядов идеологов «Народной воли» второго периода и их стремления беспринципно цепляться за любую силу, которая могла бы послужить им точкой опоры в борьбе с правительством, характерно их отношение к антиеврейским погромам. В направленных против евреев беспорядках иные народовольцы склонны были усматривать чуть ли не начало народной революции. «По поводу еврейских погромов, — читаем мы во «Внутреннем обозрении» № 6 «Народной воли» в октябре 1881 г., — многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры, оставляем за собой при подобных народных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен... Относиться не только отрицательно, но даже индиферентно к чисто народному движению мы не вправе; мы обязаны выражать общую формулу всех сил, справедливо недовольных и активно протестующих, и направлять эти силы, удерживая при этом их исходный пункт». Сравнивая роль ИК с ролью якобинцев во время французской революции, статья продолжает: «От роли передовых бойцов мы, конечно, не откажемся. Но если бомбы опять не помогут, если опять явятся шарлатаны и безумцы, которые попрежнему захотят мучить нашу страну, то скоро придет за нами и выдвинет нас волна народного террора. Прорвутся стихийные силы; повторятся ужасы французской революции и пугачевского бунта». Итак, еврейские погромы, как исходная точка русской революции, бомбы террористов и разгром еврейских масс, совершаемые озверелой толпой, — вот все средства борьбы с самодержавием, которые имелись в идейном багаже переставшего верить в «народ» Тихомирова.

Еще более антисемитский характер носила выпущенная в августе 1881 г. на украинском языке прокламация за подписью ИК: «Украинскому народу». В ней мы находим чисто погромные строки: «От жидов больше всего терпит народ на Украине. Кто забрал в свои руки землю, леса и корчмы? — Жиды... Куды ни глянешь, к чему ни приступишь — жиды всю-

ду. Жид крестьянина ругает, обманывает, пьет его кровь. Нет в селе житья от жида» [1]). Во время погромов 1883 г. повторилась та же самая история. Сообщая о погроме в Екатеринославе, редакция «Народной воли» меланхолически прибавляла от себя: «Напомним читателям, что и Великая французская революция начиналась с избиения евреев. Это какой-то печальный фатум, которого, повидимому, не избежишь». И тут же редакция берет под защиту прокламацию екатеринославской группы «Народной воли» (к составлению которой имел отношение Дегаев, а следовательно, возможно, что и Судейкин), которая отдавала таким антисемитским душком, что большинство народовольцев на местах отказывалось ее распространять.

Идеологическое перерождение руководителей «Народной воли» наряду с их претензией действовать от имени несуществующей партии, атмосфера недоверия, созданная в партии дегаевщиной и иной провокацией, — все это вызывало среди революционной молодежи, рвавшейся в бой и желавшей итти в него под заслуженным знаменем «Народной воли», недоверие к центру (заграничному) и стремление действовать на свой страх и риск. Так возникла «Молодая народная воля», во главе которой встал молодой талантливый поэт П. Ф. Якубович (литературные псевдонимы: П. Я. и Л. Мельшин). Организация эта возникла весной 1883 г. Первоначально, получив через тогда еще не разоблаченного Дегаева связи в студенчестве, Якубович создал «Союз молодежи партии «Народная воля», который выпустил прокламацию к студенчеству, выдержки из которой мы приводили в одной из предыдущих глав. Из этой организации постепенно развилась «Молодая народная воля». Согласно сообщению Баха Якубович стоял на той точке зрения, что «не только прежние руководители партии отжили, но

---

[1]) Судя по некоторым данным, прокламация эта явилась продуктом творчества кратковременного члена ИК Герасима Романенко, который, подобно Л. Тихомирову, закончил свои дни откровенным монархистом и антисемитом. Повидимому, она не встретила одобрения у других членов ИК, и Фигнер приостановила ее распространение в Одессе. Характерно, что антисемитские настроения были и среди чернопередельцев: одним из них была написана статья, одобряющая погромы, но ввиду протеста наборщиков чернопередельческой типографии она не была напечатана.

и сама программа «Народной воли» устарела. Центральный террор и сопряженное с ним игнорирование масс привели партию к преждевременной дряхлости. Чтобы возродить ее, нужно притянуть массы, а единственным средством для этого является аграрный и фабричный террор». Соответственно с этим Якубович и его группа находили, что «главные усилия должны быть направлены на развитие местных революционных групп, на пропаганду чисто социалистических идей в рабочей среде и на введение в программу террористических актов чисто экономического характера» (не столько аграрный террор, сколько фабричный, как средство возбуждения рабочих). «Молодая народная воля» возражала поэтому против стремления ИК по-прежнему направлять все силы партии на политический террор, как и против строго централизованной организации партии, требуя ограничения прав ИК и контроля над ним со стороны с'езда представителей местных групп. В официальном заявлении молодой партии «Народная воля» в № 10 «Народной воли», в котором она сообщает о своем слиянии со старой «Народной волей», ее позиция характеризуется таким образом: «Нам казалось и до сих пор кажется, что пришло время внести некоторые серьезные поправки как в строй организации партии, так и в самую программу ее деятельности в смысле введения в нее таких террористических фактов, которые, будучи доступнее народному пониманию и ближе к насущным нуждам и интересам народного люда нежели террор политический, скорее могли бы произвести для социального переворота слияние *силы* народа с *сознательностью* революционной партии... На террор фабричный мы смотрим, главным образом, как на одно из орудий агитации, как на могучий способ сделать пропаганду идей социализма продуктивным и жизненным делом, как на средство установления живой и тесной связи партии с народом, а не как на преимущественное перед политической борьбой средство уничтожения существующего строя, — почему и не могли возводить этот террор в какую-то кровавую систему, которую многие нам приписывали».

Якубович уже расстался с многими иллюзиями, которых придерживались Тихомиров и другие старые народовольцы. В письме к одному из товарищей, оглашенном на его процессе,

Якубович писал: «Чем мы становимся старше и более зрелыми, *тем минимальнее становятся наши требования*... Еще в 8—9 №№ «Народная воля» заявляла, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее время такая задача и иного народовольца заставляет улыбаться. Формула наша стала иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров... Я верю, что русский народ — великий народ, что момент созыва Земского собора не пройдет бесследно в русской жизни и истории; страстный энтузиазм, который охватит народ и общество первоначально на почве чисто политической, неизбежно повлечет за собой также и всю долю необходимых и осуществимых в настоящее время реформ экономических». Таким образом, отказываясь от народовольческой иллюзии захвата власти, Якубович сохранял другую иллюзию — о самобытном пути развития России, хотя уже явно отступал от взгляда Тихомирова на одновременность политического и социального переворота в сторону требования «необходимых и осуществимых в настоящее время реформ экономических». А его вера в «призыв народа с высоты трона» под влиянием террора во многом сближала его с обыкновенным либерализмом.

Якубович развил энергичную деятельность и в короткое время собрал вокруг себя новые молодые силы. К нему примкнули: Стародворский, Овчинников, Шебалин, Флеров, Добрускина и др. Ему удалось поставить типографию в Дерпте, в которой он приступил к печатанию № 10 «Народной воли» независимо от ИК; он же выпустил, кроме вышеупомянутого воззвания к студентам, написанную им прокламацию по поводу смерти Тургенева, опубликовав также его нелегальное стихотворение в прозе «Порог». Молодые народовольцы, завязав связи в провинции, встретили большое сочувствие в Харькове, Киеве, Ростове, Саратове, Казани, Ярославле. Большинство сохранившихся местных групп стояло на стороне «молодых».

В качестве представителя ИК действовал в России в это время офицер Степурин, который вступил в острый конфликт с Якубовичем, стараясь всеми силами противодействовать «Молодой народной воле». Раскрытие провокации Дегаева и его покаяние только подлили масла в огонь. Получив от Тихоми-

рова и Ошаниной благословение на убийство Судейкина, Дегаев вернулся в Россию. Почти одновременно с ним туда же отправился из-за границы старый революционер Г. Лопатин, друг Лаврова и Маркса, который до того не принадлежал ни к какой фракции, а теперь взял на себя от ИК поручение восстановить в России народовольческий центр. В качестве членов этого центра, кроме Лопатина, были намечены за границей: Салова, Сухомлин и братья Карауловы. Характерно для авантюризма политики ИК, что он скрыл от Лопатина, которому было поручено следить за подготовкой покушения на Судейкина, двойственную роль Дегаева. О ней Лопатин узнал уже только в России от самого Дегаева. Когда после убийства Судейкина правительство назначило крупное вознаграждение тому, кто укажет следы бежавшего убийцы, ИК в особой прокламации пригрозил смертью «каждому предателю». Для «Молодой народной воли», знавшей уже о предательском прошлом Дегаева, это было доказательством двусмысленности политики ИК и только ухудшало отношения между старой и молодой «Народной волей». ИК вынужден был дать довольно запутанные об'яснения своего поведения в дегаевском деле, напечатанные в № 10 «Народной воли».

Со своей стороны ИК не мог итти навстречу требованиям «молодых»: их децентрализаторские тенденции в организационном вопросе подрывали авторитет ИК, а пропаганда фабричного террора встречала резкую критику Лопатина, называвшего «молодых» в шутку «красными петухами». Тем не менее, кооптировав в центр Баха и С. Иванова (Степурин и В. Караулов были уже арестованы), Лопатин, Салова и Сухомлин сделали попытку вступить в переговоры с «Молодой народной волей». Переговоры велись долго, но 1 апреля 1884 г. выяснилось, что соглашение невозможно; молодые отделились и начали работать самостоятельно. Однако, после весенних арестов, ослабивших ту и другую сторону, 1 июня было заключено соглашение, по поводу которого «Молодая народная воля» писала в своем заявлении: «Мы увидели, что расхождение наших теоретических взглядов не привело бы в *настоящее время* к такому разногласию в практической постановке вопросов, которое бы делало необходимым разрыв организации на две

части, разрыв печальный во всякое время и тем более пагубный в настоящую минуту, когда необходимее, чем когда-либо, тесно сплотиться в одну силу для борьбы с общим врагом».

Ближайшими своими задачами слившиеся группы поставили: покушение на министра юстиции Муравьева и выпуск № 10 «Народной воли», над которым до слияния порознь работали обе группы. Этот номер был выпущен в сентябре 1884 г. В этом номере во «Внутреннем обозрении» Лопатин проводит мысль, которая так понравилась Якубовичу: «Раздастся ли этот призыв (к народу) с высоты трона, поколебленного ударами революционеров, или же он будет сделан самой партией, захватившей *на момент* (курсив наш. — *В. Д.*) в свои руки правительственную власть — это все равно». В обоих случаях народ не будет молчать. «Мы твердо верим, что грядущая государственная реформа не может выродиться на нашей почве в чисто *политическую* конституцию, но непременно принесет с собой все те аграрные и иные экономические и социальные реформы, какие совместимы с нынешним умственным развитием человечества».

Но Лопатину и его друзьям не суждено было возродить «Народную волю», дни которой были сочтены. Партия потеряла уже свой престиж в обществе и в широких кругах интеллигенции, ей не на кого было опереться в своей деятельности. Фигнер в своей биографии Лопатина хорошо рисует в немногих словах ту обстановку, в которой ему приходилось работать: «Рабский страх все более царил над русской землей. Он особенно тяготел в среде тех либералов и социалистов, которые устранялись от новых форм движения в России и которые, тем не менее, чувствовали, что за каждым их шагом следят, что они находятся в ежеминутной опасности и что им ни во что не зачтут их воздержание от более серьезной революционной деятельности. Старые друзья бледнели при появлении Лопатина, а то и просто запирали свои двери. Негде и не у кого было скрываться. Немногие, очень немногие остались верны старому приятельству». Осенью 1884 г. Лопатин, Якубович и вся их организация было арестована, ИК прекратил свое существование в России. Но и после этого сохранились отдельные народовольческие кружки, и идеи «Народной воли»

продолжали еще привлекать наиболее революционно настроенную молодежь.

В 1885 г. южные народовольческие кружки сделали попытку об'единения. Попытка эта связана с именами Б. Оржиха и В. Г. Богораза (известный ныне литератор Тан); в ней принимали также участие Коган-Бернштейн, Гаусман, Штернберг и другие. Был созван с'езд в Екатеринославе, на котором было решено выпустить № 11/12 «Народної воли». Номер этот действительно вышел в свет в октябре 1885 г., печатаясь частями в типографиях в Ростове, Новочеркасске и Туле. В 1886—1887 гг. эта организация была совершенно разгромлена, причем к арестам московской ее группы (М. Гоц, Фундаминский и др.) был причастен С. В. Зубатов, новая восходящая звезда полицейского сыска. Взгляды группы Оржиха — Богораза приближались к точке зрения «Молодой народної воли». Один из участников группы говорит о них: «Мы больше уже не думали о coup d'état (государственном перевороте), о мгновенных победах. Борьба вступила в длительную фазу. Беспощадный поединок членов партии с представителями власти представлялся нам как подготовительная стадия борьбы, которая, постепенно распатывая самодержавие, естественно должна была привести к переходу власти в руки народа, а наряду с этой боевой деятельностью должна была быть налажена широкая литературная и пропагандо-агитационная работа, которая дала бы партии возможность стать подлинным авангардом революционного народа».

Последний номер «Народної воли» достаточно бесцветен и малосодержателен. Первая статья, об'ясняя, почему русские революционеры отказывались от борьбы за политическую свободу, указывает, что между свержением самодержавия и социалистическим переворотом пройдет известный промежуток времени. Но автор ее утешает вместе с тем свою народовольческую совесть тем, что, благодаря экономической роли правительственной власти в России и общинному владению землей, этому «исконному принципу исторической и современной жизни» России, политическій переворот будет «радикальным шагом в деле уврачевания народных язв». «Первыми трофеями победы будут великие, давно ожидаемые народом аграрные рефор-

мы, целая система финансовых, административных и культурных мер, долженствующих повести народ по пути материального и духовного усовершенствования»; поэтому «не эры для буржуазии, не ширмы для деспотизма мы ожидаем от нее, а великих социальных изменений во всех сферах народной жизни, которые будут иметь своими непосредственными результатами свержение деспотизма и установление самодержавия народа». Переход к крестьянам земли будет «шагом к социалистической организации страны».

От тихомировского цельного якобинизма и веры в одновременность политического и социального переворота здесь уже ничего не осталось, сохранилась только бесплодная вера в общинное начало, которое «вывезет» Россию и спасет ее от «эры для буржуазии».

С группой Оржиха—Богораза исчезают последние народовольческие кружки, преемственно связанные с «Народной волей» 1879—1883 гг. К этому же времени прекращается выход в свет заграничного «Вестника «Народной воли», а к концу того же 1886 г. теоретический вождь партии, Л. Тихомиров, совершает свой исторический поворот от терроризма к монархизму. Когда-то Тихомиров писал, что в России есть только две силы: народ и государственная власть. В народ вместе с другими народовольцами Тихомиров потерял веру давно. Но он верил в силу революционной партии, которая путем террора или захвата государственной власти сделает последнюю своим орудием в интересах народа. Теперь, разочаровавшись в партии, во главе которой он стоял семь лет, он обратился к существующей государственной власти, от которой в письме к Александру III в 1881 г. *требовал* реформ, — но на этот раз не с бомбой в руке и не с угрозой государственного переворота, а «припадая к стопам», вымаливая себе пощаду и выражая готовность служить царю, чтобы тем самым якобы служить народу. В брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Тихомиров писал, что «самодержавие — это такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят ничего другого». «Я требую, — писал он, — единения

партии со страной. Я требую уничтожения террора и выработки великой национальной партии... Но тогда для чего же самые заговоры, восстания, перевороты? Такая партия, о создании которой я хлопотал, очевидно, сумела бы выработать систему улучшений, совершенно возможных и явно плодотворных, а стало быть, нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшего, как стать самому во главе реформы».

А в другой брошюре «Конституционалисты 1881 г.» этот «новый защитник самодержавия», как назвал Тихомирова Плеханов, доказывал, что террористическая борьба «Народной воли» шла на пользу либеральной буржуазии, главному врагу народа — крестьянства. Из-за спины вчерашнего террориста, ставшего монархистом, снова выглянул старый народнический *антиконституционный* лик. Но новая форма антибуржуазности Тихомирова была тем прикрытием, под которым он пробирался в лагерь откровенной реакции, под сень лозунга «единения царя с народом».

Измена Тихомирова, помилованного царем и назначенного впоследствии редактором правительственных «Московских ведомостей», которым он состоял до самой революции 1917 г., как бы символизировала падение и разложение «Народной воли». «Народная воля» перестала существовать.

В заключение главы остановимся на последних попытках оживления трупа «Народной воли» посредством вспрыскивания его живой водой. Самой значительной из них была организация «Террористической фракции «Народной воли», возникшей в 1886 г. по инициативе студентов Шевырева и Лукашевича, к которым примкнул А. И. Ульянов, брат В. И. Ленина, ставший одним из руководителей группы. Шевырев задумал на почве легальных студенческих организаций (библиотека, столовая, касса взаимопомощи) создать новую революционную организацию, способную продолжать дело народовольцев. В короткое время Шевыреву удалось об'единить таким образом до 200 студентов. 17 ноября 1886 г. его кружок организовал студенческую демонстрацию-панихиду по Добролюбове, после чего им была выпущена прокламация к студенчеству с призывом организоваться для борьбы с правительством. Кружок за-

вел связи с провинциальными революционными группами (Харьков, Вильно, где была нелегальная типография) [1]) и к концу 1886 г. оформился как «Террористическая фракция «Народной воли», решив приступить к практической боевой деятельности. Члены кружка по своим воззрениям не были чистыми народовольцами. Некоторые члены группы (Лукашевич, Ульянов, Говорухин) были по своим теоретическим взглядам марксистами и в некоторых отношениях считали себя социал-демократами. С народовольцами их роднило признание террора важнейшим средством политической борьбы, а также остатки народнических взглядов по крестьянскому вопросу. Программа группы, выработанная Ульяновым, носит на себе отпечаток этой переходной ступени от народовольчества к социал-демократии.

«По основным своим убеждениям мы — социалисты», — так начинается программа. В этой фразе, заимствованной целиком из программы ИК «Народной воли», отсутствует только слово *народники*, вслед за словом *социалисты*. Дальше идет обоснование неизбежности социализма в духе марксизма: «К социалистическому строю каждая страна приходит неизбежно естественным ходом своего экономического развития; он является таким же необходимым результатом капиталистического производства и порожденного им отношения, насколько неизбежно развитие капитализма, раз страна вступила на путь денежного хозяйства». Параллельно с экономическим развитием развивается политическая жизнь. Главным классом в России является крестьянство, так как остальные классы слабы и пассивны. Несмотря на «значительное развитие в его (крестьянства) среде мелкой буржуазии», сохранившееся общин-

[1]) «Если бросить взгляд, — пишет в своих воспоминаниях о деле 1 марта 1887 г. Лукашевич, — на год нашей подготовительной работы, то ее нельзя не назвать успешной. Сформировалась новая организация из центрального кружка, который всем заведывал, боевых (террористических) групп и значительного количества лиц, которые оказывали нам содействие и услуги. Денежные средства стали притекать к нам в более значительных размерах. В нашем распоряжении была студенческая столовая. У нас уже были динамитная мастерская, типография, паспортный стол. Завязались сношения с другими городами, а также с заграницей».

ное владение землей «дает возможность надеяться на непосредственный переход крестьянского хозяйства в форму, близкую к социализму». Но крестьянство, в силу своей отсталости и неорганизованности — пассивно; поэтому «главной революционной силой являются рабочие, естественные носители социалистических идей и проводники этих идей в крестьянство». Передовым отрядом революционной партии является все-таки интеллигенция. «Главные силы партии должны итти на воспитание и организацию рабочего класса и улучшение народного хозяйства». Но на пути стоит правительство, и отсюда ряд политических требований, сходных с соответственными требованиями старой народовольческой программы. В борьбе с правительством партия вынуждена прибегать к террору. «Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвет обаяние правительственной силы и подействует пропагандистским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террора». Она откажется от террора, как только правительство даст амнистию, политическую свободу и созовет народное представительство. Отношение фракции к другим партиям таково: социал-демократов она считает «ближайшими товарищами», разногласия с которыми имеют чисто теоретический характер; с либералами она считает возможным действовать заодно в отстаивании минимума свободы.

Группа задумала совершить ряд последовательных покушений на царя, предпринимаемых отдельными боевыми отрядами. Первое покушение при помощи бомб было назначено на 1 марта 1887 г. Все к этому времени было готово, но в день покушения вышедший на улицу отряд метальщиков и сигнальщиков был арестован с бомбами в руках; вслед затем были арестованы и другие участники группы. Пятеро человек: Ульянов, Шевырев, Генералов, Андреюшкин и Осипанов были повешены, остальные участники группы (Лукашевич, Новорусский и др.) отправлены на каторгу и на поселение.

Другой крупной попыткой воссоздания народовольческой организации была попытка Софии Гинзбург. Гинзбург, начавшая свою деятельность в 1887 г. и продолжавшая ее до своего

ареста в 1889 г., тоже стремилась создать совершенно новую организацию, которая в центре своей деятельности должна была поставить террор. Программная физиономия организованной ею группы видна из следующих ее слов в письме к Лаврову: «В ближайшей борьбе интересы социалистов совпадают с интересами либералов, и потому боевую силу создаём главным образом не в среде, прямой интерес которой составляет социалистический строй, а в среде, где, быть может, будет много социалистов лишь до того дня, когда интеллигент получит нужную ему свободу». Террор имеет как дезорганизующее, так и агитационное значение. Цель его—добиться от правительства конституции или «по крайней мере, какой-нибудь свободы». В другом письме она писала, что все, с кем она сталкивается, говорят не о социализме, а о том, чтобы «добиться свободы слова, печати, сходок, чтобы получить возможность заговорить и с рабочим и с крестьянином, или хотя бы даже вызвать политические интересы в обществе и в рабочем сословии». Большое значение Гинзбург придавала работе в армии; ей удалось организовать несколько кружков офицеров. Ее группа подготовляла покушение на Александра III, но в феврале 1889 г. Гинзбург по оплошности оставила в писчебумажном магазине кошелек с черновиком прокламации по поводу предстоящего цареубийства. Через три месяца она была арестована на юге, как и большинство ее товарищей. Приговоренная к смертной казни, замененной каторгой, она в 1890 г. покончила самоубийством в Шлиссельбурге, зарезавшись ножницами. Одновременно с ее провалом за границей близ Цюриха при опыте с бомбами, предназначавшимися для задуманного ею покушения, произошел взрыв, которым был убит революционер Дембо и ранен его товарищ Дембский. Так и эта попытка возрождения террористической организации окончилась крахом.

В черновике прокламации, послужившем причиной ареста Гинзбург, выставляются следующие довольно умеренные требования к правительству: «а) ограничение самодержавия Всероссийским земским собором, законодательным, выбирающим ответственных перед ним министров и контролирующим все отрасли государственного управления и народной жизни;

б) широкое местное городское и земское самоуправление; в) независимый суд».

После С. Гинзбург время от времени делались еще попытки влить вино новое в меха старые, но все они неизбежно кончались неудачей, не имея под собой никакой почвы. Народовольческие идеи потеряли свое обаяние над умами; террор, который занимал центральное место в их деятельности, обнаружил свое бессилие, как средство борьбы с самодержавием. Возникающие в 90-х годах революционные группировки либо, сохраняя народническое направление, отказываются от террора, либо становятся чисто демократическими организациями, без всякой примеси социализма (партия «Народное право» 1893—1894 гг.), либо, воспринимая марксизм, превращаются в социал-демократические.

Лишь на рубеже XX столетия идеи террора частично возрождаются в партии социалистов-революционеров, в которую входят многие из оставшихся к тому времени в живых старых народовольцев.

Глава одиннадцатая.

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ.

Если, по мере развития «Народной воли», из ее деятельности и идеологии все больше исчезали социалистические черты, присущие ей вначале, то эволюция «Черного передела» совершалась в прямо противоположном направлении: расплывчатый социализм чернопередельцев постепенно развивается в марксизм.

Из видных землевольцев в состав «Черного передела» вошли при его образовании: Плеханов, М. Попов, Аптекман, Игнатов, Крылов, Г. Преображенский и др., которые вместе с приехавшими из-за границы Стефановичем, Дейчем, Аксельродом, Засулич и несколькими вновь кооптированными лицами (Е. Ковальская, Щедрин) образовали центральное ядро новой организации в составе человек 20 с небольшим.

Чернопередельцы разошлись с народовольцами по двум основным вопросам: по вопросу о терроре, к которому они относились отрицательно, и по вопросу о работе в деревне, которой они придавали первостепенное значение. Сформировавшись в отдельную группу, они тотчас же приступили к литературной деятельности для пропаганды своих взглядов. Вследствие ареста чернопередельческой типографии в самом начале их деятельности первые два номера органа группы «Черный передел», выходившего с начала 1880 г. под редакцией Плеханова, Аксельрода и Аптекмана (последний был вскоре арестован), были изданы за границей. В начале 1881 г. издание «Черного передела» было перенесено в нелегальную типографию в Минск, где вышли еще три номера журнала и где печатался также чернопередельческий по-

пулярный журнал для рабочих «Зерно», которого вышло всего 6 номеров.

Чернопередельческая организация еще раньше, чем «Народная воля», должна была обнаружить на практике свою несостоятельность. Для работы в деревне, составлявшей краеугольный камень программы «Черного передела», *не было никакой почвы:* правы были народовольцы, утверждая, что работать в крестьянстве — это то же самое, что «биться рыбе об лед». Деревенщикам по принципу — чернопередельцам приходилось фактически, подобно народовольцам, вести городскую работу, т. е. заниматься пропагандой среди рабочих и интеллигенции. Деятельность их среди рабочих в 1880—1881 гг. была довольно значительна и успешна, причем, как мы уже упоминали, в этой работе они мирно уживались с народовольцами, работая с ними бок-о-бок и часто совместно. Народовольцы-рабочие охотно распространяли, например, чернопередельческое «Зерно», популярную газету общесоциалистического содержания, в которой много места уделялось положению рабочих, критике капиталистических порядков, пропаганде социализма и призывам рабочих к организации.

Кроме Петербурга и Москвы, чернопередельческие группы существовали в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове, Курске, Перми, Казани и еще в нескольких городах. Наиболее сильными их организациями были петербургская, московская и киевская. В Петербурге и Москве под влиянием и руководством Аксельрода было в 1880 г. организовано «Северное революционное общество «Земля и Воля», примкнувшее к «Черному переделу», которое опубликовало свою программу, во многом уже отступавшую от правоверного народничества [1]). Аксельрод привлек в эту организацию группу энергичной интеллигентной молодежи (А. Буланов, жена его О. Буланова-Трубникова, Мария Решко, студенты Загорский и Шефтель, морские офицеры Лавров и Вырубов и др.), которые в течение 1880—1881 гг. развили интенсивную деятельность среди рабочих и интеллигенции как в Петербурге, так отчасти и в Москве, издавали «Зерно» и вообще составляли главную опору

[1]) Официальной программой «Черного передела» была старая программа общества «Земля и воля».

«Черного передела». В конце 1881 г. эта группа распалась, и часть ее перешла в «Народную волю» (Буланов, Стефанович).

В Киеве после попытки М. Попова образовать об'единенную организацию народовольцев и черноперельцев, разгромленную в начале 1880 г., черноперельцы Ковальская, Щедрин, А. Преображенский, Кашинцев и сестры Богомолец организовали в 1880 г. «Южно-русский рабочий союз», имевший большие связи среди киевских рабочих. «Рабочих, — рассказывает в своих воспоминаниях Ковальская, — группировавшихся подле нас в это время, было около семисот; мы делили их на группы, которые по очереди приходили в разные дни недели. Редко бывало на сходке менее 100 человек. По тогдашним временам эта цифра была огромна. Беседы велись без всякой программы, всегда на какую-нибудь злобу дня, и тут же по пути излагались теоретические положения». Союз выпустил несколько прокламаций к рабочим с выставлением экономических требований и ряд воззваний общего характера (об истязаниях политических заключенных, о деле 1 марта и др.); он стоял на последовательно народнической точке зрения, проповедывал аграрный и фабричный террор и применял последний. В начале 1881 г. союз был разгромлен, и деятельность его прекратилась.

Черноперельцы сохранили старые землевольческие идеи, но постепенно в последние начинают просачиваться новые элементы, заимствованные у народовольцев или, скорее, воспринимаемые под влиянием уроков жизни.

Черноперельцы были безусловно *социалистами;* у них не могло быть, хотя бы на время, забвения конечной цели ради торжества политической свободы, как это случалось с народовольцами. В лице Плеханова они уже стояли на точке зрения Маркса в понимании исторического процесса. Но они марксисты только в отношении Запада, для России они все еще народники — «самобытники»; для России социализм связывается в их представлении не с классовой борьбой пролетариата, а с народно-общинными инстинктами крестьянства. В № 1 «Черного передела» мы читаем строки, повторяющие бакунистско-землевольческую философию истории: «Вся внутренняя история России есть не что иное, как длинное, полное

трагизма, повествование о борьбе на жизнь и смерть между полярно противоположными принципами народно-общинного и государственно-индивидуалистического общежития. Кровавая и шумная, как ураган, в минуты крупных массовых движений, вроде бунта Разина, Пугачева и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самые разнообразные формы». Капитализм развивается и в России, но в ней проблема социализма разрешается проще, чем за границей: там надо социализировать и собственность и труд, а у нас только труд, так как земля уже принадлежит производителям-крестьянам.

Чернопередельцы остались также верны другому положению народничества, что освобождение народа может и должно быть делом только самого народа. Главной задачей момента они считали поэтому образование *народной социально-революционной партии*. Но, в отличие от землевольцев, они, учитывая пережитый опыт и деятельность «Народной воли», не отрицают конституции и борьбы за политическую свободу. «Конечно, не нам, — говорила передовая № 2 «Черного передела», — отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных жертв и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека и, чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. Но, кроме выгод, которые, несомненно, принесет с собой политическая свобода, кроме задач ее завоевания, есть другие выгоды и задачи, и забывать о них невозможно именно в настоящее время».

«В развертывающейся борьбе с самодержавием,—говорится в № 3 «Черного передела»,—народ должен представлять собой сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплоататорам всех исторических формаций, всех фазисов развития страны. Иначе на место представителей абсолютной монархии явятся представители конституционного режима, выразители экономических интересов буржуазии... Чем разрозненнее будут его силы, чем менее он будет подготовлен к по

ниманию социальных отношений в буржуазном обществе, тем труднее будет борьба его против новых своих господ, тем долее отсрочена будет его победа». Ибо «вопреки мнению «Народной воли» мы думаем, что не один только «современный государственный строй служит главным препятствием к экономическому и политическому освобождению народа»; низвержение абсолютизма не устранит еще важнейших причин его порабощения». «На борьбу против деспотического и политического гнета мы смотрим, как на соответствующую интересам народа и партии, сочувствуем ей и вносим требования политических реформ в список ближайших требований народной партии. Но если ограничить свою деятельность сферой исключительно политической и притом без сознательной поддержки организованных масс, тогда, может быть, возможно добиться политических реформ, но не политической революции». Деятельность в народе должна поэтому стоять «превыше всех задач». «Надеяться составить многочисленную социально-революционную партию из интеллегенции невозможно, — это иллюзия. Взять эту задачу на себя партия никоим образом не должна, она должна обратиться к своему непосредственному жизненному источнику — народу. Только сам народ и может освободить себя, т. е. только он может поставить в ряды революционной партии те весьма значительные сознательные и боевые силы, которые необходимы для успешного исхода дела народного освобождения» (№ 4 «Черного передела»). Этот «путь, может быть, медленный, но верный».

Такая народная социально-революционная партия включит «требование политической свободы в общую сумму своих ближайших требований. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и пр. (№ 3 «Черного передела»). В этом будет гарантия, что политический переворот «совершится в интересах не одних только высших классов».

Большое значение «Черный передел» придавал фабричному и аграрному террору, как формам проявления именно *народного* движения: «Успешная организованная, систематиче-

ская борьба в форме фабричного и аграрного террора, самым фактом своего существования доказывая народу, что протест против непомерного гнета известных общественных отношений вполне возможен, будет мало-по-малу пробуждать в народе чувство собственного достоинства... Вовлекая народ в борьбу, подымая в нем таким образом уверенность в его собственных силах, мы тем самым наносим смертельный удар и горькому заблуждению народа, мы в корне подрываем еще существующую в нем веру в царя» (№ 4 «Черного передела»).

Что касается террора политического, то, не отрицая его (в особенности после 1 марта 1881 г.), чернопередельцы предостерегают от увлечения им в ущерб главной работе в народе: «Мы протестуем только против увлечения политическими теориями, осужденными опытом истории других стран, против направления массы новых сил (особенно рабочих) на деятельность, имеющую второстепенное значение для задач партии, как мы ее понимаем, в ущерб главной цели — организационной работе в массе населения» (№ 3 «Черного передела»). А в № 4 «Черный передел» писал: «Ни военный переворот, ни дворцовая революция не в состоянии осуществить идеи трудового социализма. Только путем победоносной народной революции и может совершиться дело народного освобождения», и потому, «признавая за политическим террором значительную пользу, мы, тем не менее, убеждены, что выставлять его, в особенности как цель, на первостепенный план совершенно не следует».

Наконец, в № 5 «Черного передела» подробно говорится о деятельности среди рабочих, которые должны стать посредниками между городом и деревней при образовании народной социалистической партии.

Программа «Северного революционного общества «Земля и воля», выработанная Аксельродом, тоже свидетельствует о значительном сдвиге, произошедшем среди чернопередельцев. Приведем из нее важнейшие выдержки: «Сосредоточение главных сил общества «Земля и воля» в деревне с целью агитации на почве вышеуказанных требований земельного передела и организация народных революционных сил является одной из главнейших его задач... Необходимым дополнением к революционной

ционной деятельности в деревне общество «Земля и воля» считает пропагандистскую, агитационную и организаторскую деятельность в среде промышленных рабочих... Ввиду отсутствия в этой среде таких общераспространенных требований, как земельный передел в крестьянстве, агитация на почве частных поводов недовольства (стачки, вопрос о заработной плате, величине рабочего дня) приобретает особенно важное значение...» «Ввиду того, что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплоатирующего меньшинства, что современное российское государство является самым беззастенчивым и грубым выразителем этой тенденции, общество «Земля и воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т. е. необходимость так называемого террора политического. Однако... сосредоточение на этой борьбе не только всех, но даже и главных его сил поставило бы его в противоречие с указанными выше задачами аграрной революции. Ввиду возможности конституционного движения в России, общество считает необходимым воспользоваться естественным в такой момент возбуждением умов, чтобы ослабить веру народа в значение мирных, легальных реформ. Например, во время избирательной агитации оно может выставить даже и своих кандидатов с социально-революционной программой. Отношение к такой программе громадного парламентского большинства послужило бы одной из иллюстраций того положения, что народу остается надеяться лишь на революцию».

Как социалисты, черноперелельцы совершенно правильно ставили вопрос о необходимости *народного* основания для революционной партии, выражающей интересы народных масс и желающей вести их к социалистической цели. В этом отношении их критика народовольческой теории и практики попадала в самое уязвимое место. Но тщетны были их призывы вернуться к деятельности в народе, ибо тот «народ», к которому они звали, — крестьянство, — был глух к их пропаганде, а другой народ—пролетариат и его классовые интересы—все еще оставался вне поля их зрения, или он во всяком случае играл в их сознании второстепенную и подчиненную роль. Вот почему практики-черноперелельцы, даже отрицая взгляды народо-

вольцев, тяготели к последним. Практика народовольцев при всех ее недостатках все же была революционной борьбой, тогда как чернопередельцы самой жизнью осуждались на бесплодное резонерство. Недаром Маркс и Энгельс с таким сочувствием относились к героической борьбе «Народной воли» и пренебрежительно отзывались о чернопередельцах.

К началу 1882 г. от организации «Черного передела» в России ничего не осталось: все, что было в нем живого и не было проглочено арестами, влилось в ряды тоже гибнувшей, но еще продолжавшей бороться «Народной воли».

Единственными чернопередельцами остались их руководители за границей: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов, у которых начался критический пересмотр прежних народнических позиций. На этот раз пересмотр зашел гораздо дальше, чем это было при прежних пересмотрах прошлого у революционной интеллигенции. Он затронул самые основы народнического мировоззрения, его веру в самобытность исторического развития России. Плеханов и его товарищи, уже и раньше воспринявшие много от марксизма, постепенно превращаются теперь в марксистов-социал-демократов западно-европейского типа.

Вооружившись теорией Маркса и пересмотрев все прошлое нашего революционного движения, Плеханов применил с огромным талантом метод великого учителя к анализу экономических условий России и доказал, что экономическое развитие России совершается по Марксу, а не по Бакунину. Своими работами «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1884 г.) Плеханов дал теоретическое обоснование новым взглядам, которые легли в основу программы и деятельности группы «Освобождение труда» — этой основной ячейки, из которой развилась в России социал-демократия.

Но до того, как образовать самостоятельную организацию (1883 г.), Плеханов и его друзья сделали последнюю попытку сближения с остатками народовольцев за границей. Главным образом по инициативе Дейча и Засулич начались переговоры о слиянии обеих партий; в 1882 г. и в начале 1883 г. заграничные чернопередельцы и народовольцы работали совместно без больших трений. Засулич вошла в состав заграничного

представительства «Красного креста «Народной воли» и совместно с Дейчем издавала журнальчик «На родине». Когда в 1882 г. возникла мысль об издании теоретического журнала партии «Вестник «Народной воли», Плеханов согласился войти в его редакцию вместе с Тихомировым и Лавровым, а другие черноперелельцы были приглашены в качестве постоянных сотрудников (в № 1 помещены статьи Плеханова и Аксельрода). Черноперелельцы шли на это соглашение в расчете на то, что неудачи в России заставят народовольцев постепенно эволюционировать в сторону социал-демократии (в частности Плеханов возлагал большие в этом отношении надежды на Тихомирова, который к этому времени уже разочаровался в народовольческих взглядах, но начинал постепенно эволюционировать в обратном направлении: от якобинизма к монархизму). Соглашение продолжалось до начала 1883 г., когда приезд за границу Дегаева, уже ставшего предателем, но еще не раскрывшего своего предательства, окрылил надеждами заграничных народовольцев. Дегаев рассказал о воссоздании в России народовольческого центра, и Тихомиров и Ошанина решили, что им нет больше никакой нужды итти на компромисс с черноперелельцами. Формальным поводом к разрыву послужило цитированное нами письме ИК, в котором он настаивал на необходимости поддержать идею захвата власти и отказывал в приеме черноперелельческой группы в состав «Народной воли» в виде коллектива, предоставляя отдельным ее членам право индивидуально вступать в партию. Ни это организационное требование, ни тем более принципиальное признание как очередной задачи *захвата власти* не были приемлемы для бывших черноперелельцев. Произошел разрыв. Предоставив остатки народовольцев их естественной судьбе, черноперелельцы пошли своим путем: через группу «Освобождение труда» — к социал-демократии.

Мы уже знаем, что черноперелельцы искали опоры в народе, видели ее в крестьянстве, и в этом было их слабое место. Перестав быть народниками и став социал-демократами, они нашли опору в городском пролетариате, найдя таким образом единство между теорией и практикой, которого не было ни у народовольцев, ни у черноперелельцев.

«Мы не верим,—писал Плеханов в «Наших разногласиях»,— в ту своеобразную теорию, по которой дело известного класса может быть совершено «в большей или меньшей степени» кружком. Мы говорим только, что если адвокат может представлять своего клиента на *суде*, то никакой комитет — исполнительный, распорядительный или как бы там его ни называли — не может представлять рабочего класса в *истории*, что освобождение этого класса *должно быть его собственным делом*».

Вместе с тем, став на классовую точку зрения, группа «Освобождение труда» разрешила противоречие между социализмом и политической борьбой, в тисках которого билось все революционное движение 70-х —80-х годов и из которого не сумело выйти до конца, изойдя силами в неравной борьбе. Народники-семидесятники выдвигали в качестве своей основной задачи *социализм* и во имя его *отрицали политическую свободу и борьбу за нее*; ибо, по их мнению, политическая свобода, дав власть буржуазии, надолго отдалит наступление социализма. Более чуткие к жизни, народовольцы не могли игнорировать ставшей на очередь дня борьбы за политическое освобождение, но, продолжая в теории оставаться народниками, не могли свести концов с концами и разрешить удовлетворительно противоречие между задачами борьбы за социализм и за политическую свободу. В лице одной своей части (Тихомиров—Ошанина) они стали склоняться к идее захвата власти, при котором моменты политического и социального переворота совпадут и социалистические инстинкты крестьянства позволят осуществить социализм непосредственно вслед за низвержением самодержавия. В лице другой своей части (Желябов, отчасти Михайлов и многие другие) они поняли, что между моментом политического переворота и социализмом пройдет известный исторический период. Но, поскольку они не становились на классовую точку зрения и поскольку были последовательны, постольку им неизбежно приходилось на практике отказываться от социализма ради политической свободы, выплескивая таким образом из ванны вместе с водой народническо-анархических предрассудков и ребенка — борьбу за социализм. Но народовольцы ИК далеко не всегда были последовательны, колеблясь между тихомировской и желябовской точками зрения;

более последовательными были их позднейшие преемники. Мы уже видели, что С. Гинзбург совершенно сознательно готова была отказаться от социализма ради самой умеренной конституции, а многие бывшие народовольцы (Добровольский, Бурцев) в издаваемом ими в конце 80-х и начале 90-х годов журнале «Свободная Россия» открыто проповедывали отречение от социализма ради об'единения всех классов в борьбе за конституцию. Такую же точку зрения развивали бывший народоволец Присецкий в «Вольном слове» и старый землеволец Кравчинский в ряде брошюр. Эти настроения разочарованных народовольцев нашли себе отражение в чисто политической программе партии «Народного права» (1893—1894), в которой уже ничего не сохранилось от социализма.

Плеханов взял быка за рога, когда доказал, что противоречие между социализмом и политической борьбой есть противоречие *диалектическое*, т. е. противоречие данного момента, которое может и должно быть разрешено в ходе классовой борьбы пролетариата за свои интересы. Он утверждал, что в этих интересах рабочий класс должен под руководством социал-демократии *сперва* свергнуть самодержавие для того, чтобы стала возможна борьба за социализм. «Единственной нефантастической целью русских социалистов, — писал он в «Социализме и политической борьбе», формулируя задачи революционной партии, — может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии в России* — с другой... Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социальная революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества — *значит отдалять наступление и того и другого*. Но от нас зависит *сблизить* эти два момента».

История оправдала правильность предсказаний Плеханова и его программы. Навстречу идейной работе группы «Освобождение труда» потянулись из России нити со стороны зарождающихся там революционных кружков, поставивших своей целью пропаганду и агитацию в пролетариате марксистских и

социал-демократических идей. Сама русская жизнь на каждом шагу подтверждала правильность анализа экономического развития России, сделанного первыми русскими марксистами. Голод 1891 г. дал толчок под'ему массового движения, и первым русским социал-демократическим организациям (в частности петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», руководимому Лениным, Мартовым и др.) удалось внести в это движение элементы сознательности и организованности. Из маленького заграничного идейного кружка группа «Освобождение труда» превратилась в центр, вокруг которого начала строиться социал-демократия, у которой развивающееся массовое рабочее движение находило ответы на возникающие у него вопросы.

На развалинах народовольчества и народничества выросла Российская социал-демократическая рабочая партия, которая, согласно завету Плеханова, повела в 1905 г. рабочие массы на штурм самодержавия, нанесла ему тяжелый удар, от которого ему уже не удалось оправиться, а в марте 1917 г. добила его, расчистив путь для борьбы за социализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы рассмотрели, насколько позволяли размеры настоящей работы, по возможности подробно, историю и гибель «Народной воли», условия, вызвавшие ее появление, обстановку, в которой протекала ее борьба, и причины ее поражения. «Народная воля» не добилась той основной цели, которая воодушевляла ее героических борцов, — *низвержения самодержавия и политической свободы.* Не добилась потому, что главным средством борьбы избрала *террор* — средство обоюдоострое, которое поражает в гораздо сильнейшей степени того, кто его применяет, чем того, против кого оно направляется. Желая быть выразителями нужд всего народа и передовым отрядом борющегося за политическое освобождение русского общества, народовольцы в действительности оставались на всем протяжении своей деятельности одинокой кучкой революционеров-отщепенцев, оторванных от народа и не сумевших опереться даже на его более активные элементы.

Противоречие между народнической теорией и теми политическими задачами, которые ставили себе народовольцы, ошибки, совершенные «Народной волей» в ее тактике, помешали ей стать *народной массовой политической партией,* которой была бы по плечу непосильная для организации интеллигентов-заговорщиков борьба с царским самодержавием. И «Народная воля» истекла буквально кровью в неравной борьбе с вооруженным до зубов правительством, морально разложившись и идейно выветрившись еще до окончательного своего физического истребления.

Теперь, спустя почти полвека, нетрудно видеть основной порок партии «Народной воли» и совершенные ею ошибки. Но дело историка не только отмечать эти ошибки. Ведь не

ошибается никогда только тот, кто ничего не делает. А «Народная воля» прежде и больше всего была именно *партией действия,* и ее история есть история непрерывной борьбы в самых неблагоприятных условиях. Теперь в свете последующей истории революционного движения можно указать не только ее промахи и недостатки, достаточно уже отмеченные на протяжении настоящей работы, но и то положительное, что она внесла в революционное движение.

А этого положительного было достаточно много, чтобы обеспечить «Народной воле» видное место среди революционных партий всего мира и, в частности, признать ее одной из великих предшественниц позднейшего революционно-социалистического движения в России.

Главной заслугой «Народной воли» было то, что она ясно и определенно поставила на очередь дня революционной борьбы задачу низвержения царского самодержавия и замены его политически свободным строем. Зараженные анархическими предрассудками, предшественники народовольцев отрицали решительно эту задачу и вследствие этого бесплодно и беспомощно бились в попытках социалистической пропаганды и агитации среди крестьян и рабочих. «Народная воля» доказала — и после нее больше не требовалось доказательств, что никакая социалистическая и даже культурная работа в России не будет возможна, пока не будет уничтожено ненавистное самодержавие, пока не будет «разрушен Карфаген». Самим народовольцам не удалось, в силу вышеуказанных причин, разрушить этот Карфаген, но они завещали следующим революционным поколениям идею борьбы за политическую свободу, которая становится руководящей идеей всего революционного движения после «Народной воли» вплоть до 1917 г., когда народная революция массовым напором сделала то, чего народовольцы мечтали достигнуть при помощи вооруженных бомбами и данамитом интеллигентов. И прежде всего от народовольцев унаследовали эту *политическую* идею социал-демократы, последователи группы «Освобождение труда».

Возникшая на развалинах народовольческого движения и на основе массового рабочего движения, Российская социал-демократическая рабочая партия в своем учредительном ма-

нифесте 1898 г. заявляла: «Как движение и направление социалистическое, РСДРП продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, — иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии».

Нельзя с большей определенностью охарактеризовать как преемственную связь, так и отличие между «Народной волей» и социал-демократией.

Но постановкой перед революционной партией политических задач не исчерпывается историческое значение «Народной воли». Она показала яркие примеры мужественной революционной борьбы, и образы ее борцов-мучеников вдохновляли не одно поколение молодежи в их многотрудной борьбе с правительством с его тюрьмами, ссылками, каторгами и виселицей. «Народная воля» выработала также тип совершенной революционной подпольной организации, который во многих отношениях послужил образцом для партий, возникших после того, как она сошла со сцены. Правда, народовольческая организация была чисто заговорщической организацией, хорошо приспособленной для целей террора и военного переворота и непригодной для руководства массовым движением, и в таком виде не могла быть воспринята революционными партиями, желавшими опираться на массы. Но не случайно, что В. И. Ленин в своей книге «Что делать?», намечая организационные основы строительства революционной социал-демократической партии, ставящей своей ближайшей целью борьбу с царским самодержавием, как на образец подпольной конспиративной организации указывал на организацию «Народной воли».

Наконец, еще одна большая заслуга имеется у «Народной воли». Не становясь на классовую точку зрения, она

поработала над распространением революционных и социалистических идей среди передовых слоев русских рабочих и в разных городах России, как мы это видели, зародила первые организационные ячейки в рабочем классе. Брошенные ею семена хотя и медленно, но привились и к средине 90-х годов дали ростки. Первым русским социал-демократам-практикам, двинувшимся в рабочую среду подобно тому, как в 70-х годах пропагандисты-народники двинулись в «народ» — крестьянство, пришлось работать не совсем на пустом месте. Почва для них была до известной степени разрыхлена народовольцами. Социал-демократические пропагандисты, завязывая связи с рабочими, всюду наталкивались на остатки народовольческих рабочих кружков и спропагандированных «Народной волей» рабочих. Это сильно облегчало им их подготовительную работу внедрения идей марксизма в сознание передовых представителей пролетариата. Таким образом, и в этом отношении мы видим непосредственную преемственную связь между народовольческим и социал-демократическим движением.

Социал-демократия пришла в России на смену исчерпавшему себя народовольчеству путем упорной идейной и теоретической борьбы с ним, но, утверждая свои позиции, она взяла все ценное, что было в деятельности «Народной воли», и пронесла эти неумирающие ценности через всю свою историю.

Таковы заслуги перед русской революцией партии «Народной воли». Теперь, когда революция 1917 года осуществила между прочим и те задачи, которые стояли перед народовольцами: освобождение России от гнета самодержавия и наделение крестьян землей, новое поколение, выросшее после революции, не может не помянуть добрым словом партию, которая внесла свою посильную лепту в подготовку этой революции и дала яркие образцы ни перед чем не останавливающейся, смелой революционной борьбы.

ПОГАШЕНО

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие П. Лепешинского	3
Введение	7
I. Революционная интеллигенция и народничество	10
II. «Хождение в народ» 70-х годов и общество «Земля и воля»	28
III. От «Земли и воли» к «Народной воле»	50
IV. Программа, идеология и организация «Народной воли»	73
V. Террористическая деятельность «Народной воли»	96
VI. Деятельность народовольцев среди рабочих	111
VII. Военная организация «Народной воли»	123
VIII. Другие стороны деятельности «Народной воли»	136
IX. 1 марта и его влияние на общество и правительство	154
X. Упадок и разложение «Народной воли»	176
XI. «Черный передел» и его эволюция	195
Заключение	207

ПОГАШЕНО